

B. Nefecalj

И. М. ГЕЙЗЕР

В. В. ВЕРЕСАЕВ

ПИСАТЕЛЬ-ВРАЧ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОКТОРА ПАШКОВА К.А.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МЕДГИЗ—1957—МОСКВА

ВВЕДЕНИЕ

Викентий Викентьевич Вересаев (Смидович¹) является видным представителем критического реализма конца XIX и начала XX века, в многогранном творчестве которого нашли отражение замечательные традиции русской классической литературы.

На произведениях Вересаева, проникнутых высоким гуманизмом, горячим сочувствием революционному движению, воспиталось не одно поколение русской интеллигенции. Каждый его новый рассказ или повесть вызывали горячие споры, обсуждения, становились событием.

Человек большой чуткой совести, он с глубоким сочувствием и пристальным вниманием относился к идеянымисканиям передовой дореволюционной русской интеллигенции, которые с большой глубиной и мастерством отразил в своих произведениях.

В творчестве Вересаева явно сказываются его симпатии натурам цельным и сильным. Рассказывает ли он о сомнениях и переживаниях молодого врача, впервые вступившего на путь самостоятельной практической деятельности, или о своих наблюдениях на полях сражений в Маньчжурии,— он на стороне передового, прогрессивного, жизнеутверждающего, против косного, отсталого.

Современники Вересаева, писатели-реалисты, порой остро изобличали в своих произведениях уродливые явления российской действительности, но Вересаев был одним из немногих, кто еще во второй половине 90-х годов приблизился к пониманию исторической миссии российского

¹ По воспоминаниям писателя, он долго подыскивал себе псевдоним. Примерно в 1892 г., читая рассказ Гнедича, он натолкнулся на фамилию Вересаев. Фамилия эта ему понравилась.

пролетариата в освободительной борьбе против капитализма и деспотизма. Он один из первых еще в 90-х годах показал в своих произведениях марксистов в их спорах с народниками, причем все сочувствие автора было на стороне первых.

Вересаева считают летописцем русской дореволюционной интеллигенции. Однако это верно только отчасти, ибо в его произведениях мы находим немало художественных зарисовок из жизни рабочих, ремесленников, он правдиво рассказал и о задавленном непосильным трудом, нуждой и голодом пореформенном крестьянстве.

В своих произведениях Вересаев отразил борьбу различных течений, которая велась на протяжении нескольких десятилетий в рядах российской интеллигенции: кризис народничества («Без дороги»), борьбу марксистов с народниками («Поветрие»), столкновение революционных марксистов с ревизионистами («На повороте»), спад революционного движения после поражения первой русской революции, борьбу с декадентщиной и упадничеством в период реакции («К жизни») и др.

Вересаеву было близко смелое, жизнеутверждающее творчество великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького. «Как освежающий ветер,— признается Викентий Викентьевич,— повеяло на меня творчество Горького, влюбленного в жизнь, смеющегося над всякой слякотностью».

А. М. Горький высоко ценил творчество Вересаева и относился с трогательным вниманием к писателю, в котором видел верного товарища по оружию.

«Уезжая в прошлом году из Питера,— пишет Алексей Максимович Вересаеву,— я увез с собой только три глубоких и ценных впечатления — одно из них я получил от знакомства с Вами. Искренне уважаю Вас. И хотя знаю мало, но всей душою чувствую душу Вашу — прямую, свято-честную, смелую...»¹.

Неровен и нелегок был путь творческих и идеальных исканий Вересаева. Не обладая последовательным марксистским мировоззрением, он был порой сбивчив и противоречив в своих философско-этических рассуждениях; как писатель критического реализма он изображал в своих

¹ Из письма А. М. Горького Вересаеву (сентябрь 1900 г.). Сочинения. Т. 28. М., 1954, стр. 128—129.

произведениях теневые стороны российской действительности. Однако, будучи слабо связан с организованным движением рабочих, он не дал в своих произведениях больших полотен, на которых запечатлились бы образы рабочих — носителей революционных идей, активных участников революционной борьбы.

Чехов и Вересаев были писатели и врачи. Их особый интерес к врачам объясняется не только тем, что они хорошо знали эту среду, принадлежали к ней. Дело в другом. Через всю нашу демократическую литературу красной нитью проходит большая тема — о народе. От Радищева и Герцена, Чернышевского и Глеба Успенского, Некрасова и Щедрина, Горького и Серафимовича, Бунина и Куприна и многих, многих других можно проследить раздумья писателя о народе.

Именно потому, что врачи в силу специфических условий своей профессии близко и интимно связаны с народными массами, — они часто являются героями произведений передовых писателей; в первую очередь это относится к Чехову и Вересаеву, создавшим большую галерею образов врачей-тружеников.

Чехова и Вересаева, воспитанных на лучших традициях отечественной медицины, объединяла и общность взгляда на источник массовых заболеваний.

Каковы же эти источники?

Выдающиеся русские гигиенисты Ф. Ф. Эрисман и Е. А. Осипов писали по этому поводу: «Нищета — наиболее генеральное бедствие русского народа и как ни важны те или иные санитарные влияния на здоровье нашего населения, но они весьма часто подавляются влиянием еще более мощного экономического фактора»¹.

В этих тяжелых условиях жизни народа и видели Чехов и Вересаев причины преждевременной старости и высокой смертности.

Чехов и Вересаев придавали огромное значение предупреждению болезней, укреплению здоровья населения, в первую очередь здоровья молодого поколения, но они вместе с тем понимали, что в условиях общества, построенного на эксплуатации человека человеком, не могут найти

¹ Мнение профессора Московского университета Ф. Ф. Эрисмана и заведующего Земским санитарным бюро Московского земства Е. А. Осипова по вопросу о санитарном благоустройстве России. Журнал «Международная клиника», 1887, № 4—5.

широкого осуществления ни рациональная медицинская помощь, ни элементарная предупредительная медицина.

О каких в самом деле оздоровительных мероприятиях может идти речь в буржуазных странах, где, как пишет Вересаев, «тысячи пудов хлеба и мяса гниют, не находя сбыта, а рядом тысячи людей умирают с голода, не находя работы; потоками льется кровь, чтобы в отдаленных частях света отвоевать рынки для сукон и бархата, а люди, изготавливающие этот бархат, ходят в ситце и бумаге»¹.

Чем же во всем этом может помочь наша медицина? Какая цена ее жалким средствам, которыми она пытается чинить то, что так глубоко уродуется жизнью? — спрашивает писатель.

И отвечает: «Не может существовать такой науки, которая бы научила залечивать раны с торчащими в них гвоздями; наука может только указывать на то, что человечество так не может жить, что необходимо прежде всего вырвать из язв гвозди...»².

Так подводит нас писатель вплотную к мысли о необходимости «вырвать гвозди из язв», т. е. свергнуть самодержавный строй, уничтожить язвы крепостничества. И только при этих условиях исчезнут противоречия, с которыми сталкивается врач в своей повседневной деятельности в буржуазном обществе.

В «Записках врача», этом замечательном художественно-публицистическом произведении, писатель поднял не только волновавшие его вопросы медицины и врачебной этики, но и социальные проблемы большого политического звучания.

Много замечательных страниц, представляющих интерес и в настоящее время, писатель посвятил философско-этическим раздумьям. Не всегда он прав в своих выводах, но все написанное им трогает искренней попыткой честно разобраться в том, что кажется ему правильным или неправильным, в стремлении не затушевывать сомнений и противоречий, а смело ставить их на широкое обсуждение.

На протяжении многих лет «Записки врача» являлись настольной книгой русских врачей, близкой и желанной книгой передовой русской интеллигенции.

¹ Записки врача. Т. 1, стр. 645, М., 1948.

² Там же. Т. 1, стр. 589, М., 1948.

Среди дореволюционных литературоведов существовало мнение, будто «Записки врача» проникнуты пессимизмом, а их автор страдает «врачебным нигилизмом». Это неверно. И в «Записках врача», и в других своих произведениях Вересаев предстает перед нами как писатель оптимистических взглядов на жизнь и на призвание человека. Сомнения и колебания, которые испытывал студент-медик, а затем врач на первых порах своей практической деятельности, отнюдь не противоречат сказанному о мировощущении Викентия Викентьевича, тем более, что и сам писатель охарактеризовал эти сомнения и безверие первых лет своего знакомства с медициной как «нигилизм недоучек».

В. В. Вересаев был не только выдающийся русский писатель. Круг его разносторонних интересов и талант широко проявились в его деятельности литературоведа и переводчика, в его замечательных по глубине содержания и искренности «Воспоминаниях».

В книге две части. В первой — дан краткий очерк жизни и творческой деятельности писателя, процесс формирования его мировоззрения, его взглядов, получивших отражение в художественных произведениях. Вторая часть содержит характеристику Вересаева-врача. Здесь основное внимание отведено врачебным взглядам писателя, его философски-этическим раздумьям. Отдельная глава посвящена спорам, вызванным появлением «Записок врача».

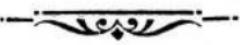
Считаю своим приятным долгом выразить глубокую благодарность литературному секретарю писателя, его племяннице — Валерии Михайловне Нольде за большую помощь, оказанную мне в работе.

ЛИТЕРАТУРНО- БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Викентий Викентьевич Смидович родился в Туле 4 (16) января 1867 г.

Отец его, Викентий Игнатьевич, был популярным в городе врачом; он являлся учредителем Общества тульских врачей; по его инициативе открыли городскую больницу при обществе, которая в ту пору была единственным в городе доступным для населения лечебным учреждением.

Викентию Игнатьевичу принадлежит заслуга в изучении санитарного состояния Тулы; он деятельно участвовал в работе Статистического комитета, организовал и до конца своей жизни руководил городской санитарной станцией. Некоторые работы Викентия Игнатьевича были напечатаны в журналах; вышла и отдельная его книга — «Материалы для описания города. Санитарно-статистический отчет».

Принимая близко к сердцу нужды населения, Викентий Игнатьевич в течение 2 лет вел неравную борьбу с тульским губернатором Н. А. Зиновьевым: Викентий Игнатьевич настаивал на том, чтобы для водопровода была использована вода из Рогожского колодца, а губернатор требовал использования Надеждинского колодца, вода которого была хуже. Победил губернатор.

Население Тулы уважало своего доктора за его отзывчивость, постоянную готовность помочь бедняку, которому он никогда не отказывал в медицинской помощи.

Викентий Игнатьевич был религиозен, и это не могло не сказаться на воспитании его детей.

«До шестого класса гимназии, — вспоминает В. В. Вересаев, — я искренне и полно верил в православного бога...».

Уже в ранней юности будущий писатель хорошо знал произведения Лермонтова, Гоголя, Пушкина, Никитина, Алексея Толстого, Помяловского, Некрасова. Истинное наслаждение доставлял ему Тургенев: «Спасибо Тургеневу! — пишет он в дневник.— Сколькими сладкими, дорогими минутами жизни я ему обязан! Для меня он первый поэт в мире».

Рано познакомился будущий писатель с произведениями Белинского и Добролюбова; огромное впечатление произвели на него статьи Писарева. В период петербургского студенчества он посвящает ему восторженные строчки в дневнике: «Какое великое поле раскидывается перед глазами! Писарев, Писарев! Он указал мне истинное счастье!..».

Чернышевского он воспринял не сразу, так как от старших слышал, что в романе «Что делать?» проповедуется разврат.

Вскоре, однако, туман рассеялся, юноша стал горячим поклонником революционного демократа, которого считает «честным, гуманным борцом за свободу мысли, за поруганные права женщины».

Под влиянием прочитанного и личных раздумий молодой Смидович постепенно отходит от религии. На этой почве, как это ни тяжело было обоим, стычки между отцом и сыном стали неизбежны.

Все же, по признанию Викентия Викентьевича, положительное влияние отца на его нравственное воспитание было очень велико. Не случайно в его книге «Воспоминания», написанной в последние годы жизни, мы находим следующие строки:

«И если я наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты
О, мой отец, подвигнут я тобою,
Во мне возжег живую душу ты»¹.

¹ Для этого посвящения Вересаев, по-видимому, использовал следующие стихи Н. А. Некрасова:

«И если я наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты
И носит песнь, слагаемая мною,
Живой любви глубокие черты —
О, мать моя, подвигнут я тобою!
Во мне возжег живую душу ты»¹.

(Из поэмы «Мать» Н. А. Некрасова. Собрание сочинений. Т. II, М.—Л., 1930, стр. 588).

Дом Сидоровичей в Туле

В мае 1884 г. Викентий Викентьевич, успешно окончив Тульскую классическую гимназию, отправился в Петербург. Несмотря на «медицинскую атмосферу», в которой он рос и воспитывался, юноша выбрал не медицинский, а филологический факультет по историческому отделению.

Для Викентия Викентьевича наступила пора усиленной учебы, самостоятельных поисков смысла жизни.

Трудное и мучительное для него было это время. Тяжело было в материальном отношении — не хватало средств, чтобы хоть как-нибудь прожить; не легко было и морально, ибо рядом с ним не было ни родных, ни близких ему по духу друзей, да и общее настроение молодежи было тогда мучительным. И он записывает в свой дневник полные горечи строки: «Падала вера в умственные свои силы и способности. Рядом с этим падала вера в жизнь и счастье. В душе было темно. Настойчиво приходила мысль о самоубийстве».

Таким образом, первый период петербургского студенчества окрашен пессимистическими настроениями.

Но все это было ненадолго. Вскоре в его дневнике появляются бодрые нотки. В изменении настроения ему помогли прежде всего его верные и постоянные друзья — книги. Он читает Белинского, Писарева, Добролюбова, увлекается Тургеневым, Гейне. Все ближе и ближе входит он в круг интересов и чаяний радикальной интеллигенции, впитывает вольнолюбивые идеи. Бурно захватывает его новая жизнь. И вот в дневнике его появляется такая запись: «Вперед, вперед! В жизнь, в кипучую жизнь! Бросить... мертвую схоластику, насколько можно, окунуться в водоворот современных интересов, вырабатывать в себе убеждения живые! Наука этому поможет». А через неделю еще одна: «Сознательное наслаждение жизнью — работать мыслью, насколько хватит сил, не замыкаться в узкую специальность, приобретать всесторонние сведения, работать над собой, не заглушать никаких сомнений, никаких вопросов, пока не добьешься их разрешения, и главное — не падать духом, когда по мере расширения умственного горизонта, с возрастающими знаниями видишь, что только все яснее становится сознание, что ничего не знаешь» (разрядка наша.— И. Г.).

Отец писателя Викентий Игнатьевич Смидович.

Эта запись раскрывает перед нами очень характерное для Вересаева признание: в ней намечено многое из того, что в дальнейшем стало господствующим в его творческой деятельности: не глуширить сомнения, не уходить от «проклятых вопросов», а честно и правдиво разрешать их.

Так закончился тяжелый душевный кризис молодости. Будущий писатель с головой ушел в водоворот современных интересов.

В эти годы рвется в известной мере и духовная близость с отцом. Писатель вспоминает, как он приехал на святки домой и в первый же вечер между ними произошел серьезный спор. Речь уже шла не только о религии, но и о вопросах, которые гораздо глубже затрагивали и волновали студента. Сын упрекал отца в неправильном воспитании детей, которым он внушал лишь правила личной морали — будь честен, не воруй, не развратничай; граждан же, способных видеть зло, порождаемое самодержавием, он из них не сделал.

В 1888 г. Вересаев успешно окончил филологический факультет Петербургского университета и, получив диплом кандидата исторических наук, отправился в Дерпт (Юрьев) изучать медицину.

Отлично окончив в 1894 г. медицинский факультет, он получил звание лекаря и поехал работать в качестве врача в родную Тулу. Однако вскоре он почувствовал недостаток знаний и опыта, что и побудило его отправиться в Петербург и поступить сверхштатным врачом в баражную больницу имени С. П. Боткина.

Больница эта имеет свою интересную историю и хорошие традиции. Вдохновителем и инициатором ее постройки был выдающийся ученый и клиницист Сергей Петрович Боткин. Вернувшись в 1878 г. с Дунайского фронта, он предложил открыть в Петербурге на средства Общества русских врачей «больницу для бедных» или, как ее иначе называли, больницу для чернорабочих. По тому времени это было образцовое медицинское учреждение, оказывавшее бесплатную квалифицированную медицинскую помощь.

Лечебной частью больницы руководил С. П. Боткин, который отдавал любимому делу всю свою неиссякаемую энергию. Впоследствии больнице было присвоено имя ее организатора.

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОКТОРА ПАШКОВА К.А.

Вересаев (слева) и брат Миша (справа).

2. В. В. Вересаев.

Идея создания больницы для неимущего населения на средства Общества русских врачей была подхвачена в ряде городов. На таких же основах была открыта больница в Туле отцом писателя — Викентием Игнатьевичем Смидовичем.

* * *

В. В. Вересаев начал свою литературную деятельность еще в студенческие годы. В это время (1884—1895) были опубликованы его произведения «Загадка», «Порыв», «Товарищи» и повесть «Без дороги».

Творческая деятельность писателя совпала с периодом мрачной реакции, наступившей в России после убийства Александра II.

«Тяжкое было время и глухое... Самодержавие с тупою свирепостью давило всякую общественную самодеятельность, всякое сколько-нибудь широкое начинание...

Все больше ширилась проповедь „малых дел”... Врач должен добросовестно лечить народ, учитель — учить, земский деятель — заботиться о школах, мостах, дорогах...

Большой интерес вызывало толстовство...». Так писал об этой поре Вересаев.

В черновых набросках о Глебе Успенском, возвращаясь к этой мрачной полосе российской действительности, он с грустью пишет, что прежние пути изжиты и не ведут к цели, новых же путей нет, в то же время сверху все более усиливается свирепая реакция.

В середине 90-х годов у Глеба Успенского обнаружились признаки психической болезни. «Не тому надо дивиться, — указывает Вересаев, — что сходят с ума такие люди, как Глеб Успенский и Гаршин, нужно дивиться, как все мы не сошли с ума в этой черной атмосфере отчаяния и бездорожья...».

В ту пору поэт С. Я. Надсон писал:

Пора! Явись, пророк! Всей силою печали,
Всей силою любви взываю я к тебе!
Взгляни, как дряхлы мы, взгляни, как мы устали,
Как мы беспомощны в мучительной борьбе!
Теперь — иль никогда! Сознанье умирает,
Стыд гаснет, совесть спит. Ни проблеска кругом...
Одно ничтожество свой голос возвышает...¹

¹ С. Я. Надсон, Стихотворения Санкт-Петербург. 1913, стр. 353

Василий Евграфович
ЧЕШИХИНЪ
(ч. ВОТРИНСКІЙ)

Ивано-Изюмъ.
Новобазарная плещадь дому
Венакова.

Число почтоваго штемпеля

М. Г.
Виконаній Вересаевъ!

Собирая материалы для истории новейшей литературы, критики и журналистики, сильную честь покорнейше прошу Вас не отказать заполнить настоящий бланк биографическими и библиографическими сведениями о себе и безотлагательно вернуть его, хотя бы со данными самими краткими.

Съ совершеннымъ уважениемъ А. Чешихинъ,

Составлено во окошко 1911 г.

1. Фамилия Смидовичъ
2. Имя Викентій
3. Отчество Чешихинъ
4. Годъ, мѣсяцъ, число рождения 4 листопада 1867 г.
5. Мѣсто рождения Тула.
6. Въроиспособленіе православный.
7. Кто были родители Отецъ, Викентій Чешихинъ, - коллеж. чиновникъ, Елизавета Лавровна, урожд. Юнацкая, - русская, дочь врача.
8. Краткая история рода (главнымъ образомъ были ли въ родѣ выдающіеся въ какомъ либо отношенииіи люди?)

Родо Смидовичъ - склоняюще Морозовъ род Потоцкой фамилии. Устроилъ чинъ Чешихинъ чиновникъ быть учителемъ во школы въ деревнѣ Борисовъ (1870-81). - Окончилъ чинъ коллежскимъ во Ртизъ докторомъ медицины, илико врачъ и общественный деятель (заключено съ симъ въ 1894 г. №№ 47 и 48).

Изъ анкеты, заполненной В. В. Вересаевымъ въ 1911 г.

Однако мрак, отчаяние и безысходность были лишь внешней стороной российской действительности, как бы ее черным фоном, подспудно же зрели новые силы, все более широкое распространение получали идеи научного социализма, рабочий класс сплачивался идеино и организационно.

В 1883 г. начала свою деятельность Группа «Освобождение труда», в 1885 г. произошла Морозовская стачка, которая показала, что на арену борьбы выступил рабочий класс.

От зоркого глаза Вересаева не ускользнул этот исторический процесс нарастания новых сил, появления новых течений в русском обществе, — он становится все ближе к марксизму.

Вторая половина 90-х годов характеризуется развитием промышленности, ростом рабочего класса, усилением рабочего движения. В 1895 г. В. И. Ленин организует в Петербурге Союз борьбы за освобождение рабочего класса, который развертывает массовую пропаганду, возглавляет стачечное движение.

Огромное впечатление производит на Вересаева книга Н. Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», о которой В. И. Ленин писал, что на ней воспиталось целое поколение марксистов. Сильное впечатление произвел на писателя труд В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?».

По прочтении этих книг писатель убеждается, что «исторический срок пришел, марксизм стал распространяться быстро и победно...». Ему уже становится ясным, что «ход истории определяется не волею критически мыслящих людей, а производственными процессами...». Окончательному разрыву с народничеством способствовала известная июньская 30-тысячная стачка петербургских ткачей в 1896 г. «Стачка эта,— вспоминает Вересаев,— всех поразила своею многочисленностью, выдержанностью и организованностью. Многих, кого не убеждала теория, убедила она,— меня в том числе. Почуялась огромная, прочная, новая сила, уверенно выступающая на арену русской истории. Я решительно примкнула к литературному кружку тогдашних легальных марксистов».

В это время у писателя завязались близкие отношения с рабочими и революционной молодежью; в его квартире

9. Ходъ воспитанія и образования. Поть, какими умственными и общественными влияниями оно проходило?

Учился во Ічубинской начальной школѣ, окончил курс в 1884 г., окончилъ в 1888 г. виленскій французский лицей, с 1888 г. окончилъ курсъ въ симферопольскомъ училищѣ по французскимъ наукамъ. Послѣ чѣмъ во Львовской (нынѣ Юрьевской) гимназии.

Въ гимназии - изучалъ французский, начиналъ заниматься въ 1894 году. Учился на изучительныхъ доказательствахъ, начинъ занималъ съ первыи курсами Ічубинской гимназии до 1900 г., вслѣдствіе болезни не окончилъ и перешелъ въ кадетскій корпусъ. Студия въ начальной школѣ и кадетской гимназии не имѣла никакихъ вышнихъ школъ, вслѣдствіе чего изучалъ французский языкъ въ 1896 г. въ 3-мъ классѣ Франко-Бессарабскаго Технологического училища, въ 1897 г. въ 1-мъ классѣ Бессарабскаго Училища русского языка и литературы, въ 1900 г. въ 1-мъ классѣ Бессарабскаго Училища русского языка и литературы. Въ 1901 г. въ 1-мъ классѣ Бессарабскаго Училища русского языка и литературы. Въ 1902 г. въ 1-мъ классѣ Бессарабскаго Училища русского языка и литературы. Въ 1903 г. въ 1-мъ классѣ Бессарабскаго Училища русского языка и литературы. Въ 1904 г. въ 1-мъ классѣ Бессарабскаго Училища русского языка и литературы. Въ 1905 г. въ 1-мъ классѣ Бессарабскаго Училища русского языка и литературы. Въ 1906 г. въ 1-мъ классѣ Бессарабскаго Училища русского языка и литературы. Въ 1907 г. въ 1-мъ классѣ Бессарабскаго Училища русского языка и литературы.

при больнице происходят собрания руководителей Союза борьбы за освобождение рабочего класса, печатаются прокламации, в составлении которых он принимает близкое участие. Заведуя больничной библиотекой, он хранит там нелегальную литературу, прокламации.

«Радикальная интеллигенция, — писал В. И. Ленин, — распадается окончательно на либеральную, революционно-буржуазную и социал-демократическую»¹. По своим симпатиям писатель примыкает к радикальной интеллигенции, выступавшей против самодержавия. При всем его сочувствии революционной борьбе он не видел и не понимал коренных различий, отличавших революционных марксистов от легальных, которые пытались «приспособить» марксизм к интересам буржуазии.

В свете этой краткой политической характеристики русской действительности 80—90-х годов и эволюции в мировоззрении Вересаева станут ясны идеи и настроения, которые он отразил в своих произведениях.

В одном из ранних произведений — этюде «Загадка»² — писатель поднимает вопрос об общественном и воспитательном значении искусства. Если смысл жизни в борьбе за свободу и счастье человека, то в этой борьбе великое и вдохновенное искусство должно быть его верным союзником.

В 1889 г. был опубликован рассказ «Порыв»³, в котором писатель поднял волновавшую его проблему благородного порыва и эгоистического благородства, общественного долга человека и его семейных привязанностей.

Пятнадцатилетний мальчик, вопреки воле родителей, ночью бежит спасать имущество потерпевших от наводнения. Под утро мальчик возвращается домой усталый, но счастливый, что помог людям. Но его встречает взъяренная и встревоженная мать, отец требует, чтобы он извинился за доставленные тревоги. Но мальчик считает, что он поступил правильно, честно и что извиняться ему не в чем. Так возник тяжелый и мучительный конфликт с отцом.

По признанию Вересаева, рассказ был навеян следующим имевшим место тягостным событием в его личной

¹ В. И. Ленин. Первые уроки. Сочинения. Изд. 4-е Т. 8, стр. 119.

² Всемирная иллюстрация, 1887, стр. 971.

³ Книжки недели, 1889, стр. 11.

жизни. Студенты решили отслужить панихиду по Добролюбову. Вересаев с радостью согласился принять участие в этой демонстрации. Но как раз перед уходом на демонстрацию он получил от отца встревоженное письмо, в котором последний предостерегал сына от участия в студенческом движении до окончания университета.

С тяжелым настроением, навеянным отцовской опекой, юноша отправился на демонстрацию. Полиция не пустила студентов к могиле Добролюбова. Тогда решено было двинуться к Казанскому собору и потребовать, чтобы там была отслужена панихида.

Вересаев, — как он пишет об этом событии в своих «Воспоминаниях», — находясь под влиянием письма отца, пошел не с массой студентов, а с мерзостным чувством предателя — домой.

«Демонстрация навряд ли могла иметь политическое значение при тогдашнем подавленном настроении общества и забитости народных масс», — указывал Вересаев. — «И все же, — признавался он, — ничего в жизни не легло у меня на душу таким загрязняющим пятном, как этот проклятый день. Даже не пятном: какая-то глубокая трещина прошла через душу, как будто на всю жизнь».

Этот эпизод характеризует моральный облик молодого тогда писателя, его радикализм и в то же время некоторую раздвоенность в его настроениях, объяснявшуюся влиянием отца, который по-своему заботился о благополучии сына.

Чеховским настроением овеян рассказ Вересаева «Товарищи», который был написан в 1892 г. В этом рассказе писатель показывает «бездорожных» людей 80-х годов, увязших в тине обывательской провинциальной жизни. Были у них, людей интеллигентных, с университетским образованием, в прошлом идеалы, стремления честно служить народу.

Эти мотивы прошлого подчеркивает писатель двустишием, которое никак не выходит из сознания одного из персонажей рассказа:

«Еще работы в жизни много,
Работы честной и святой..»

Но никакая «честная и святая» работа их уже не ждет. Это подчеркивается писателем в следующем диалоге.

—... Неужто так-таки и не было у нас ничего за душою? — спрашивает один из собравшихся на вечеринку.

Суровым приговором звучит ответ:

— Было,... кто спорит! Только уже давно быльем просло... Чего же вспоминать? Всякий заранее знает, что другой скажет: „Эх, господа,— было, а теперь нет... а могло бы быть”... И все-таки не будет... Старая эта история,... а наше пошехонское дело теперь — пиво пить».

Пошехонцы — вот приговор писателя обывателям. В этом рассказе, как мы видим, затрагивается уже тема большого социального звучания.

В 1894 г. появилась повесть Вересаева «Без дороги»¹, которая сделала ее автора известным широким массам русской интеллигенции.

Для нас это произведение имеет особый интерес как по заложенным в нем идеям и настроениям, так и по тому, что центральной фигурой его является земский врач, которого Вересаев наделил благородными чертами, присущими лучшим представителям русской медицины.

Повесть «Без дороги» написана в форме дневника. Это позволило писателю глубоко раскрыть переживания своего героя, передать его настроения, отношение к волновавшим радикальную интеллигенцию «проклятым вопросам».

Уже само название повести свидетельствует о том, что речь идет о «бездорожных» людях 80-х и начала 90-х годов прошлого века, когда после разгрома «Народной воли» народничество отошло от идей революционных демократов 60-х годов А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова.

Вересаев разоблачает духовную бедность и ограниченность либеральных народников, прикрывавшихся фразами о любви к народу, а на деле приспосабливавшихся к условиям жизни царской России.

Но если либеральные народники считали, что своей деятельностью они «выполняют свой долг перед народом», то по-иному обстояло дело с людьми типа Чеканова: их трагедия в том и заключалась, что от либерально-го народничества они отошли, а к другому берегу не пристали.

¹ Русское богатство, 1895, № 7—8.

Группа ассистентов и субассистентов терапевтической клиники Юрьевского университета. Второй слева — В. В. Вересаев (собственность Государственного литературного музея, публикуется впервые).

Чеканова восхищает призыв героя романа Тургенева «Отцы и дети» Базарова идти наперекор установившимся понятиям и традициям, стать выше своего времени. В нем, в Базарове, он видит отражение благородных идей шестидесятников. Но «выше времени» Чеканов стать не мог: ему претили идеи либеральных народников; другого же мировоззрения у него не было, а жить без того, что называется общей идеей, было ему трудно, невозможно.

Этот душевный кризис и трагизм Чеканова Вересаев с большой силой показывает в сцене, когда ищущая смысла жизни Наташа ждет от него, как от старшего товарища и учителя, ответа на мучившие ее вопросы — как жить? Но что он мог ответить ей, что посоветовать? Ведь сам он был человеком «без дороги».

«Ты хочешь, — говорит он ей, — чтобы я вручил тебе знамя и сказал: „Вот тебе знамя, — борись и умирай за него“». «...Я больше тебя читал, больше видел жизнь, но со мной то же, что и с тобой: я не знаю — в этом вся мука... Я говорил ей, что я не один такой: что все теперешнее поколение переживает то же, что и я; у него ничего нет, — в этом ужас и проклятье. Без дороги, без путеводной звезды, оно гибнет невидно и бесповоротно... Безвременье придавило всех, и напрасны отчаянные попытки уйти из-под его власти».

В замечательной повести «Скучная история» Антон Павлович Чехов показал всю глубину драматизма русского интеллигента, который увидел, понял, что у него нет в жизни общей идеи. Когда ученый-медик Николай Степаныч под конец своей жизни понял это, он пришел к горестному для себя выводу: «А коли нет этого, значит нет и ничего...».

Но между ученым-медиком Николаем Степанычем и доктором Чекановым имеется существенное различие и заключается оно прежде всего в том, что доктору Чеканову по-прежнему близки интересы народа; он был бы счастлив по-прежнему отдать ему свои силы и знания, но он не знает дороги, ведущей к этому счастью.

Именно потому, что у него осталось стремление служить народу, он, опустошенный идеино, все же обрел смысл жизни в благородном труде, которому отдался целиком, без рассуждений. Для него, врача, стали превыше всего интересы больного человека. Мы знаем, что он и умер на своем посту.

И другое — Чеканов сам человек «бездорожный», верит, что грядущие поколения эту дорогу найдут. Это настроение доктора Чеканова Вересаев с большой глубиной показывает в финальной сцене повести.

... У постели умирающего Чеканова находились два близких ему человека — бывший шахтер Степан и Наташа. Заветом звучат слова доктора, обращенные к Наташе, чтобы «она любила... народ», что «не нужно отчаяваться, нужно много и упорно работать, нужно искать дорогу, потому что работы страшно много...».

И в самом деле уже в повести «Поветрие» Вересаев показывает, что Наташа эту дорогу нашла в марксистском мировоззрении, которое стало верным компасом в ее жизни.

Личная драма чеховского героя Николая Степаныча оставляет чувство какой-то безнадежности, что особенно подчеркнуто в сцене свидания ученого-медика с Катей в харьковской гостинице. Жизнь же Чеканова, несмотря на трагический ее конец, такого чувства не оставляет.

Некоторые советские литератороведы склонны считать, что Чеканов отражает мировоззрение и настроение самого писателя. Верно, конечно, что повесть «Без дороги» печаталась в народническом журнале «Русское богатство», верно и то, что Чеканову, как и Вересаеву, претили либеральные болтуны, которые, успокоившись на проповеди «малых дел», танцевали в пользу умирающих, объедались в пользу голодающих.

Но Чеканов отражал только прошлые взгляды Вересаева, ибо народничество было для него уже в ту пору пройденным этапом. Как об этом пишет Вересаев в своих «Воспоминаниях», он в 1896 г. примкнул к литературному кружку легальных марксистов, а любимым его героям повести «Поветрие» становится Наташа, нашедшая радость и смысл жизни в марксистском мировоззрении и революционной борьбе.

Да и само напечатание повести «Без дороги» в журнале народников, несомненно, явилось следствием того, что в редакции не сразу разглядели, что повесть по сути дела не утверждает, а разоблачает народничество. Об этом, впрочем, в дальнейшем писал критик либерально-народнического толка А. Скабичевский. Упрекая Вересаева в том, что герой повести «Без дороги» считает, что

у теперешнего поколения нет идеалов, он с пристрастием спрашивает: «... а служба в земстве, борьба с тифом и холерой, — разве это не идея, не знамя, не путеводная звезда, не дорога?»¹.

Эти рассуждения были типичны для либеральных народников, которые стремились уйти от решения основных вопросов, выдвинутых жизнью, прикрываясь все тем же призывом к свершению «малых дел».

Интересно и художественно правдиво дан Вересаевым образ Чеканова, в котором воплотились лучшие черты передовых русских врачей того времени.

Отдельные советские литературоведы склонны рассматривать героя этого произведения главным образом под углом зрения кризиса его мировоззрения, поэтому и тяжелые переживания Чеканова трактуются ими по преимуществу в плане разочарования народничеством, а в гибели героя во время холерного бунта они склонны видеть не физическую смерть врача на своем посту, а некий символ банкротства идеалов героя произведения. В известной мере с таким толкованием мы встречаемся и в диссертациях, посвященных творчеству В. В. Вересаева, Р. А. Шацес², В. М. Нольде³ и др.

Такое толкование прямолинейно, однобоко и неверно, оно снижает представление о подлинном облике этого сильного, смелого и благородного земского врача, в котором писатель-реалист показал не абстрактную идею; а живого, конкретного человека, то радующегося, то страдающего, готового на подвиг и самоотверженный труд, когда этого требуют интересы больных, врачебный долг.

Были, конечно, разные земские врачи и среди них немало далеких от подлинных интересов народа, — об этом хорошо знал Вересаев. Чеканов к таким врачам не принадлежал. У него были все возможности для того, чтобы вести спокойную академическую жизнь в клинике, но он предпочел работу земского врача. Трудился много, сверх меры, несмотря на то, что сам был болен туберкулезом. Работая на сыпном тифе, он заразился и заболел. И когда

¹ Новости, 1895, стр. 260.

² Р. А. Шацес. Творческий путь В. В. Вересаева. Дисс. Государственная библиотека имени В. И. Ленина.

³ В. М. Нольде. Творчество В. В. Вересаева в дореволюционной России. Дисс. Государственная библиотека имени В. И. Ленина.

спустя четыре месяца он вернулся в земство, ему заявили, что в его услугах больше не нуждаются.

Чеканов вынужден был покинуть и другой врачебный участок лишь потому, что «посмел» встать на защиту собственного достоинства. Стоило же ему узнать, что надвигается холера, как он, не задумываясь, отправился на борьбу с этой эпидемией. Близкие Чеканова отговаривали его от этого шага, но он был тверд в своих решениях. «Меня не пугает нужда, не пугает труд,— записывает он в свой дневник...— Я работаю упорно, не глядя по сторонам и живя душой только в труде».

Бесстрашно, с сознанием того, что он нужен сейчас людям, с верой в них, несмотря на мрачную настороженность населения Слесарска и слухи, что холеру распространяют врачи, чтобы морить простой народ, Чеканов идет на работу, являющуюся настоящим подвижничеством. Преисполненный любви к людям, он ждет ее от людей. И получает ее. В минуты откровенности дезинфектор, бывший шахтер Василий Горлов, говорит Чеканову о своей любви к нему, потому что он, доктор,— простой человек, живущий интересами простых людей. Это глубоко трогает. Радует и успех в борьбе с холерой. «Весело жить! — записывает он в своем дневнике.— Работа кипит, все идет гладко, нигде ни зацепки...».

И все же этот замечательный врач, истинный друг трудящихся пал жертвой пьяной, темной и озлобленной толпы. Эту трагическую гибель Чеканова, как мы уже указывали, некоторые литературоведы склонны рассматривать как некий символ гибели народничества и народнических иллюзий.

Это не так. Между прочим, напомним, что в 1896 г. «Харьковское общество распространения в народе грамотности» выпустило отдельным изданием вторую часть повести «Без дороги», в которой дано описание гибели доктора Чеканова во время холерного бунта под названием «Страшная смерть невинного человека. Быль».

Жизненный путь доктора Чеканова опровергает мнение А. Мясникова, что доктор этот был «маленький герой маленького дела»¹. Врачебная деятельность Чеканова,

¹ А. Мясников. Предисловие к 4-томному изданию произведений В. В. Вересаева. М., 1948, т. 1, стр. 7.

его работа на эпидемиях сыпного тифа и холере, его самоотверженность в труде и самая смерть его — это не только жертва во имя долга, а проявление высокого гуманизма и подвига для народа.

Все это, впрочем, было типично для передовых земских врачей.

Повесть «Без дороги» захватывала читателя своим искренним тоном, правдивым освещением настроений передовой части русской интеллигенции. Так, в 1899 г. Степан Шаумян писал своему другу: «Если хочешь читать на русском языке и не знаешь что, советую — прочитай „Без дороги“ из „Очерков и рассказов“ Вересаева. Автор выделяется среди новых писателей, а названное мной произведение считается его шедевром, а по-моему — это единственное произведение, которое, однако, венчает автора лаврами. Там он затрагивает вопрос, бьющий по самым нежным струнам души современной молодежи. Что она должна делать? Чему она должна верить? По какому пути должен идти человек, готовый на самопожертвование... Искренность и ясность, которой дышит книга, внушают глубокое уважение к автору и т. д., и т. д.— Словом, прочтите»¹.

* * *

Тридцатитысячная стачка петербургских ткачей, как мы видели, оказала огромное влияние на мировоззрение Вересаева: она убедила его в том, что на арену политической жизни страны выступил рабочий класс, появились новые люди, бодрые и верящие.

В это время, — вспоминает писатель, — кипела подпольная работа, шла широкая агитация на заводах и фабриках, велись кружковые занятия с рабочими, яро дебатировались вопросы тактики...»².

В борьбе с народничеством рос и креп марксизм, ставший притягательной силой, «поветрием». Так и назвал свой новый рассказ Вересаев, который он написал год спустя после июньской стачки ткачей.

В «Поветрии» Вересаев вводит читателя в круг острых политических споров, которые велись между марксистами и народниками; все сочувствие писателя, все его

¹ С Шаумян. Литературно-критические статьи. М., 1952, стр. 79.

² В В Вересаев. Автобиографическая справка.

симпатии на стороне марксизма — единственно правильной революционной теории¹.

Среди героев этого произведения мы вновь встречаем Наташу. Мы помним ее по повести «Без дороги», когда она только еще пытливо всматривалась в жизнь, искала свои пути-дороги, полная раздумий об общественном долгом человека. В «Поветрии» писатель показывает развитие образа Наташи: она полна энергии и счастья, уверена в своих силах, правоте своего дела. И все это дало ей марксистское мировоззрение.

Созданный писателем обаятельный образ Наташи, в котором сконцентрировались замечательные человеческие качества — прямота характера, высокая нравственная чистота, — духовно близок писателю. «Ее устами, — писал он, — я решительно порвал с прежними своими взглядами и бесповоротно становился на сторону нового течения».

Это признание — очень важный момент в биографии писателя.

В «Поветрии» автор противопоставляет народникам — земскому врачу Троицкому и устроителю артелей Киселеву — марксистов — Наташу и студента-технologа Даева.

В спорах писатель показывает всю ограниченность мировоззрения народников, тщетно пытавшихся устройством артелей приостановить ход экономического развития в России.

«Делайте ваше „историческое“ дело, — говорит с сарказмом народник Киселев марксистской молодежи, — открывайте фабрики, старайтесь обезземелить крестьянство, разрушить артель и кустарные промыслы, — может быть, вам когда-нибудь и станет стыдно за это. А мы, мы с нашими братьями-артельщиками, не боимся вас...».

Писатель вкладывает в уста Наташи слова, звучащие приговором уходящему со сцены народничеству: «В окру-

¹ По цензурным условиям рассказ «Поветрие» ряд журналов не принял к напечатанию. Появился рассказ только в 1898 г. в первом томе «Очерков и рассказов» Вересаева. Критики обвиняли писателя в том, что герои рассказа показаны только в спорах, а не в действии. «Нарекания были вполне законны, — указывает Вересаев, — но показать представителей молодого поколения в действии было по тогдашним цензурным условиям совершенно немыслимо. Даже в предлагаемом виде рассказ мог появиться в свет только после долгих мытарств».

В сборнике произведений, изданных в 1913 г., рассказ «Поветрие» идет вслед за повестью «Без дороги» с подзаголовком «Эпилог», что подчеркивает их органическую связь.

жающей жизни,— говорит она,— идет коренная, давно невиданная ломка, в этой ломке падает и гибнет одно, незаметно нарождается другое, жизнь перестраивается на совершенно новый лад... И вы стоите перед этим хаосом, потеряв под ногами всякую почву; старое вы бы рады удержать, но понимаете, что оно гибнет бесповоротно; к нарождающемуся новому не испытываете ничего, кроме недоверия и ненависти...

Ведь перед вами такая пустота, такой кромешный мрак, что подумать жутко!... И во имя этой-то пустоты вы вооружаетесь против нас и готовы обвинить чуть не в ренегатстве всех, кто покидает ваш лагерь! Да остаться в вашем лагере невозможно уж по одному тому, что это значит прямо обречь себя на духовную смерть...».

Рассказ «Поветрие» ознаменовал собой не только открытый поворот Вересаева от народничества к марксизму, но и разрыв с людьми, которые были ему близки, и раньше всего с Н. К. Михайловским.

Оно и понятно: если руководители «Русского богатства» в свое время не разглядели в повести «Без дороги» острия, направленного против народничества, его глубокого идейного кризиса, то после опубликования повести «Поветрие» у них уже не было сомнений в том, что Вересаев стоит на враждебных им идейных позициях.

Огонь по этому произведению открыл Н. К. Михайловский. В своей рецензии на «Поветрие» он указал, что это произведение характеризует угасание таланта писателя. Особенно не по душе пришелся критику образ Наташи, которая, по его мнению, «суется в воду, не спросясь броду, и ищет не такой задачи, которая ей под силу, а просто самой важной, самой полезной, для которой она, может быть, и не годится»¹.

Такой подход Михайловского к близкому писателю образу Наташи возмущил Вересаева.

Это отношение,— писал он,— напоминает папашу-обывателя, стоящего в недоумении передисканиями и запрограммами своей дочки.

Повесть «Поветрие» замечательна и тем, что в ней еще в 90-х годах прошлого столетия выведены в художественной литературе положительные образы марксистов. Пусть эти образы еще не полнокровны, в известной мере схема-

¹ Русское богатство, 1899, № 1—2.

тичны, тем не менее Наташа и другие герои этого произведения вызывали у передовой молодежи желание следовать им. В этом состояло большое воспитательное значение этой повести.

* * *

В 1902 г. в № 1—3 журнала «Мир божий» появилась новая повесть Вересаева «На повороте». В ней писатель пытался отразить борьбу течений внутри российской социал-демократии между революционным марксизмом и бернштейнианцами-ревизионистами, которые хотели «подправить» Маркса, выхолостив из его учения революционную сущность. Как показывает писатель, одним попутчикам марксизма это нужно было для того, чтобы оправдать свой отход от революционной борьбы и перекинуть мост к сближению с либеральной буржуазией; другим — для оправдания ренегатства и перехода в лагерь врагов социализма.

Токарев был когда-то исключен из университета за участие в революционном движении, побывал в ссылке. Прошли годы, — и вот он в родных местах. Писатель художественно, правдиво показывает, как постепенно отходил Токарев от своих былых революционных устремлений в сторону ревизионизма и прямого ренегатства, как все милее его сердцу становилась спокойная жизнь преуспевающего либерального интеллигента.

«Я — обычный, маленький человек, — говорит он, как бы оправдываясь за свой отход от революции. — Мне судьбою предназначено одно: жить смиро и тихо, никуда не сужься, не имея никаких серьезных жизненных задач, жить, как живут все кругом: так или иначе зарабатывать деньги, клясть труд, которым я живу, плодить детей и играть в винт».

В спорах с революционно настроенной молодежью — Таней, Шаметовым, Вагнером, Сергеем и другими — он менторски поучает их не требовать многоного, а быть глубоко благодарным просто за что-нибудь. Писатель показывает, как все больше сближается он в этот период с либеральными — земцем Будиновским и его женой Марией Михайловной, рядящимися в одежды «благодетелей» народа.

«Мы делаем для народа все, что можем, — говорит Мария Михайловна Токареву. — Благодаря Борису (муж

Марии Михайловны.—И. Г.) в нашем уезде прибавлено восемь новых фельдшерских пунктов, увеличена сумма, отпускаемая на лекарства...».

Такова своеобразная «общественная» сторона деятельности Будиновских. Разоблачая фальши и лицемерие подобных либералов, Вересаев вводит нас в интимную сторону их жизни.

«Мы иногда с Борисом читаем по вечерам „Русское богатство“,— говорит Мария Михайловна Токареву,— я читаю, а он слушает и рисует лошадиные головки. Это очень помогает слушать...».

Невольно вспоминается чеховская гувернантка Христина Дмитриевна, которая не без самодовольства и с ап-ломбом говорит доктору Королеву: «Рабочие нами очень довольны. На фабрике у нас каждую зиму спектакли, сами рабочие играют, ну и чтения с волшебным фонарем, великолепная чайная и, кажется, чего уж? Они нам очень приверженные»¹.

Революционная молодежь, которая показана в повести «На повороте», понимает, что одними медицинскими пунктами и чайными, как ни важны они были для народа, нельзя было разрешить большие проблемы. Она понимает, что это только подачка с барского стола, которой пытались отвлечь трудящихся от революционной борьбы.

Из подтекста видно, что революционно настроенная молодежь понимала и то, что решение этой проблемы связывалось с свержением эксплуататорских классов.

Вот почему изобличительно звучит реплика Сергея, что в лошадиных головках, которых рисует Будиновский,—он весь целиком со всеми своими идеалами и умственными запросами.

Композиционно повесть «На повороте» построена не одинаково. Первая ее часть, состоящая из пяти глав, проникнута бодрым настроением молодежи, для которой революционная деятельность — самая близкая, самая желанная, родная стихия. И веришь, что будущее за этой молодежью, а не за Токаревым, который ищет только спокойной жизни без бурь и треволнений.

Большим пафосом наступающей революции насыщено описание Вересаевым грозы, на фоне которой призыва-

¹ А. П. Чехов. Случай из практики. Сочинения. Т. VIII. М., 1931, стр. 469—470.

звучат слова Сергея: «Позор всем слабым и малодушным! Позор тем, кто перед лицом грозы отрицает идущую грозу!...

Идет она, идет! Видите ее теперь, вы, робкие, сомневающиеся!.. Пришла жизнь, пришла борьба и простор! Слава буре!».

Несколько иначе построена вторая часть повести. Здесь автор уводит читателя от острых политических споров. Много внимания уделяет он показу зависимости человеческой психики от физического состояния и страха перед этой зависимостью, что нашло свое особое отражение в интересно задуманном образе Сергея.

Различие в построении и содержании обеих частей повести подчеркнул В. И. Ленин в своем письме к матери из Мюнхена: «Видаю иногда русские журналы — далеко не все и далеко неправильно. Как у вас довольны новой Вересаевской повестью в „Мире Божьем“? Я по началу ждал большего, а продолжением не совсем доволен»¹.

Появление первой части повести «На повороте» было восторженно встречено А. М. Горьким, который писал Вересаеву: «Мне хочется сказать Вам, дорогой Викентий Викентьевич, кое-что о той радости, которую вызвало у меня начало Вашей новой повести. Славная вещь!

Я прочитал с жадностью и по два раза сцены купанья и прогулки навстречу тучам. Здорово это, весело, бодро, возбуждает желание обнять Вас крепко, и главное — своеевременно это, как раз в пору, как раз Вы пишите о тех, о ком надо писать, для кого надо, и о том, о чем надо. Молодежь боевая, верующая, работающая — наверное сумеет оценить Вас. Таня у Вас превосходна! Сергей, Шеметов — все хороши!

Все растет и ширится жизнедеятельное настроение, все более заметно бодрости и веры в людях и — хорошо живется на сей земле — ей богу!

Вся задача литературы наших дней — повышать, возбуждать именно это настроение, а уж оно даст плоды, даст!»².

В «Воспоминаниях» Вересаев передает свой интересный разговор с Верой Фигнер, которая сообщила ему, что по

¹ В. И. Ленин. Письма к родным. Гиз, 1931, стр. 280—281.

² Из письма А. М. Горького Вересаеву (январь—февраль 1902 г.). Сочинения. Т. 28, стр. 232.

попавшей в Шлиссельбургскую крепость первой части повести «На повороте» заключенные узнали о надвигающейся русской революции.

Образы Тани и Наташи близки писателю; в них он воплотил искреннее стремление передовой молодежи к новой жизни, показал ее смелость, правдивость, принципиальность.

В связи с образом Тани Вересаев приводит следующий эпизод из жизни своей сестры Марии Викентьевны.

Читал как-то профессор лекцию над препаратом ткани, который находился под микроскопом. Слушатели-студенты по очереди смотрели в микроскоп и говорили, что видели все, что излагал профессор. Но вот дошла очередь до Марии Викентьевны. Посмотрев в микроскоп, она сконфузенно объявила, что ничего не видит, и стояла на своем, несмотря на все объяснения профессора.

Тогда лектор посмотрел сам, после чего возмущенно обратился к аудитории: «Что же вы все видели? Я позабыл положить препарат в микроскоп».

Честность, прямота и принципиальность сестры писателя были типичны и для него самого.

* * *

В 1900 г. Вересаев закончил свои «Записки врача». На примере печатания этого произведения можно проследить большую принципиальность писателя. Редакции «Русского богатства» очень хотелось заполучить это произведение. Но Вересаев соглашался отдать рукопись при условии, если будет сделана следующая приписка: «Расходясь по основным вопросам с редакцией, автор прибегает к любезному гостеприимству „Русского богатства“ за невозможностью для него выступить в журнале, более ему близком».

Н. К. Михайловский в основном согласился с печатанием «Записок врача» с этим примечанием. И все же Вересаев не напечатал «Записки» в «Русском богатстве».

«Записки врача» имели большой успех: одно издание следовало за другим. Шум, поднятый вокруг этого произведения, привлек внимание Министерства внутренних дел. За Вересаевым был установлен надзор. Департаменту полиции доносили: «По имеющимся достоверным сведениям Смидович-Вересаев за свои „Записки врача“ выручил

большие деньги, которые почти целиком отдает на революцию. Первое издание разошлось и недавно вышло второе»¹.

В 1902 г., как сообщает писатель, после безрезультатного обыска он по распоряжению градоначальника был выслан из Петербурга. Писателю запрещено было в течение двух лет проживать в столичных городах.

Высланный из Петербурга Викентий Викентьевич жил в Туле. В этот период ему представилась возможность близко познакомиться с Львом Толстым.

Вот как рассказывает об этом эпизоде писатель в своих «Воспоминаниях».

«Весной я собрался ехать за границу, уже выправил заграничный паспорт. Вдруг получаю письмо:

„Милостивый государь, мне пришло в голову обратиться к Вам с просьбой, которую, Вы, может быть, будете в состоянии и пожелаете выполнить.

Вы, вероятно, знаете, как долго и тяжело болеет мой отец. До сих пор он совершенно беспомощен и без постоянной помощи не может повернуться на кровати. Сердце его в таком плохом состоянии, что оставлять его без врачебной помощи и надзора невозможно. Поэтому мы ищем к нему постоянного врача, который бы наблюдал за ним и оказывал бы медицинскую помощь, если она нужна.

Не знаете ли кого-нибудь, кто бы взял на себя эту обязанность? Мы предлагаем 100 рублей в месяц, полное содержание и дорогу в Крым. Если нам посчастливится свести отца в Ясную Поляну (на что мы имеем теперь полную надежду), то врач должен будет переехать с ним и жить при нем в Ясной Поляне. Конечно, все путешествие на наш счет.

Не говорю о том, как важно для нас, чтобы врач был симпатичным, хорошим человеком. Моему отцу так трудно принимать чьи бы то ни было услуги и так тяжело ему будет то, что для него будет жить врач, что если этот врач не будет тактичным человеком, эта тяжесть для отца увеличится.

Простите, что, не зная Вашего имени и отчества, не пишу его на адрес и в обращении к Вам. Если кто-нибудь попадется Вам, будьте добры ответить мне по здешнему адресу.

¹ Цит. по брошюре А. Ф. Силенко «Творчество В. В. Вересаева». М., 1954, стр. 17.

Если Вам это интересно, то могу Вам сказать, что отец очень восхищается Вашими писаниями и находит в Вас много таланта.

Т. Сухотина, урожд. Толстая».

Радость и гордость охватила Вересаева, когда он прочитал это письмо, ибо нетрудно было понять, что в данном случае в деликатной форме приглашали его самого: при огромном круге знакомств Толстых странно им было обращаться за рекомендациями к молодому, совершенно незнакомому им человеку; очевидно он, как автор «Записок врача», казался им почему-то наиболее подходящим для ухода за больным отцом.

Если же даже все это было и не так, то все-таки после этого письма Вересаев имел полное основание предложить свои услуги.

«Целую неделю,— пишет Вересаев в „Воспоминаниях“,— я провел в жесточайших колебаниях. Жить бок о бок с Толстым, постоянно видеть его в интимной, домашней обстановке,— не показным, а настоящим, увидеть то, что так редко удается видеть людям,— что такое великий человек в подлинной своей жизни. Конечно, буду записывать все, что увижу и услышу, но не в коленопреклоненной позе, не иконописся пророка или гения, а смотря свободными глазами, не боясь отмечать ни темных, ни смешных сторон. Как мало таких записей о великих людях, как они скучны, как благолепно и безжизненно велики в своих биографиях и воспоминаниях учеников своих и поклонников!

Это так. Но была другая сторона. Врач я был молодой, всего несколько лет со студенческой скамьи, неуверенный в себе, без достаточной опытности. Как при этих условиях взять на себя ответственность за такую драгоценную жизнь! Не досмотришь, не учуешь значения того или другого симптома,— и смерть Льва Толстого ляжет на твою совесть!..

Дело еще более осложнялось тем, что я был автором „Записок врача“ Известно отрицательное отношение Толстого к медицине с ее стремлением „бороться“ с природою, исправлять ее, с неверностью ее методов и немощностью ее средств. Мои „Записки“ по крайней мере до известной степени как раз утверждали такую точку зрения. А книга моя — это мне было доподлинно известно — была прочтена Толстым и вызвала большое его одобрение...».

Вересаев уехал за границу и уже из Милана сообщил в письме Татьяне Львовне, что брать на себя ответственность за драгоценную жизнь ее отца он не решается.

* * *

В творчестве Вересаева особое место занимают его деревенские рассказы, в которых он художественно правдиво и публицистически остро показал, как «ворвавшийся» в пореформенную деревню капитализм вел к обогащению небольшой кучки мироедов и процессу дальнейшего обнищания и разорения большинства крестьян.

Казалось бы, вечная и беспросветная нужда и голод должны были только озлобить этих темных и забитых людей. Однако чуткий писатель за внешней грубостью, порой жестокостью, разглядел у них и житейскую мудрость, и благородные черты характера.

Трагично сложилась судьба красавицы Доньки («Об одном доме»¹). Большой теплотой и искренним участием пропитан рассказ о несчастной доле этой деревенской девушки: «Осинка на берегу робко шумела листьями. Она была такая же стройная, как Донька... Эта осинка стоит тут, ее сечет градом, треплет ветром, ребята обламывают на ней ветки, а она стоит, робкая и тихая и с нерассуждающею покорностью принимает все, что на нее посыпает судьба. Придет чужой человек, подрубит топором ее стройный ствол, и с тою же покорностью она упадет на землю, а останется от нее только сухой, мертвый пенек».

Так Вересаев в поэтических образах раскрывает трагическую судьбу девушки.

Она любила парня из другой деревни и была им любима. Но пойти к Доньке он не мог, чтобы не лишить свою семью работника. По этим же причинам и Донька не могла пойти в семью любимого человека...

Хозяйство семьи Доньки разоряется. Нужен зять-работник, и вот появляется хилый, полуслепой жених, за которого и хотят выдать красавицу Доньку. Но против того, чтобы взять зятя со стороны, выступило общество — в деревне и так мало земли...

Умирает старуха, мать Доньки, умирает и сама Донька... И только беспомощный и одинокий старик доживает недолгие дни своей безотрадной жизни в доме...

¹ Журнал для всех, 1902, № 2.

Трогательны и незабываемы посвященные Доныке строчки: «...Стройная осинка, стройная Доныка, обе робко и покорно смотрящие в темноту... Милая, милая! Сколько в ней глубокого, несознанного трагизма, и сколько трагизма в этой несознанности!».

В рассказе «К успеху»¹ Вересаев за внешней комичностью положения показывает ту же тяжелую крестьянскую долю.

...По чужим деревням едет мужичок Илья на поиски жены, самой что ни на есть рябенькой. Сорок дней назад он похоронил любимую жену, на руках у него трое детей, а время горячее, страдное... Вот и ищет он работника и мать своим детям. Тяжело сложившаяся у Ильи жизнь должна была сломить его, озлобить, а писатель, приоткрывая уголок интимного мира этого крестьянина, показывает его большую человечность.

Как-то ночью автор встретил Илью со спящим ребенком на руках, и между ними происходит короткий разговор:

«— Вот чудак! Пошел бы и сам спать,— устал ведь с работы! Да и для ребенка лучше, если положить его.

Илья промолчал.

— А может, я это не для него делаю, а для себя?..

Лицо Ильи было грустно и необычно сосредоточено. И вдруг я понял...

Страдные дни властно отбирали себе у Ильи все его помыслы и всю его душу. И вот короткие ночи он вместо отдыха одиноко ходил с ребенком под лозинами, отдаваясь на свободе воспоминаниям и тоске...».

Так в ночную пору, в одиночестве вспоминал Илья любимую жену и находил какой-то просвет в своей тоскливой жизни в спящем маленьком существе, прижавшемся к нему.

В рассказе «В сухом тумане» писатель затрагивает злободневную в те годы проблему «раздельной жизни», когда из-за малоземелья крестьянин вынужден был, оставив в деревне жену и детей, отправиться в город на заработки.

В очерках «В подземном царстве» точно так же, как и «В сухом тумане», мы встречаем этих пришедших из деревни полупролетариев: они работают на предприятии или в шахтах, но с крестьянством не порвали, мечтают нако-

¹ Журнал для всех, 1901, № 1.

пить денег и вернуться в деревню. Но крестьянский труд их уже не соблазняет; в их привязанности к деревне больше боязни за завтрашний день.

Эта боязнь раскрывается в разговоре, который ведет в поезде с автором литейщик. «Наша работа вредная,— говорит он,— медь на грудь садится, все в чахотке помирает народ; до сорока лет мало кто доживает здоровым. Куда тогда пойдешь? В деревню, больше некуда...».

Рассказ этот трогает писателя-врача. В самом деле,— думает он,— деревня для этих тружеников — их последнее пристанище; здесь их угол; сыт не будешь, так хоть с голода не померишь.

«Что и говорить,— заключает автор,— это ли не основательная причина! Когда человек вконец измотается на работе, когда бессильный и больной, с изъеденными чахоткою легкими, он будет выброшен на мостовую, как негодная ветошь, что тогда?

Лучше уж медленная агония в деревне. Но ведь все-таки это не больше, как агония! А право на эту агонию приходится покупать ценой ломки и калеченья всей жизни...».

И в «Сухом тумане», и в «Подземном царстве» писатель-врач художественно правдиво показывает, как каторжный труд рабочего на предприятии и в шахтах, да и нищенская жизнь в деревне ведут к высокой заболеваемости и ранней старости.

Наиболее значительным из цикла деревенских рассказов является «Лизар»¹. В нем писатель с большим мастерством показывает безвыходное положение малоземельного крестьянства.

Старичок-возница Лизар едет с автором, и в пути, а затем в избе, он рассказывает о трудностях деревенской жизни. Вспоминая прошлое, Лизар говорит, что когда-то во всем мера была, был порядок. В чем же заключался, по его мнению, этот порядок? Оказывается, в том, что в результате войн и болезней народ многое помирал, а раз народ помирал, то и земли на душу приходилось больше... А без земли какая же это жизнь? Одно сущее горе.

«Вот и тужит народ землею. Что сталося-то, и не гляди! Выедешь на нивку, а что орать — не знаешь. Сосед кри-

¹ Северный курьер, 1899, № 1.

чит: „Эй, дядя Лизар, мою полоску зацепил!“ Повернулся,— с другого боку: „Мою-то зачем трогаешь?!“.

Во-от какое стесненье!“

Выход из создавшегося положения Лизар видит в сокращении населения. Недаром он приводит страшную по своей сущности поговорку: «Дай господи, скотинку с приплодом, а деток с приморцем».

Лизар, конечно, не был знаком с учением англичанина Мальтуса¹, который считал разрыв между численностью населения и количеством производимых средств потребления вечным законом, а смягчение этого закона видел в ликвидации «перенаселения», т. е. в обречении трудящихся на голодную смерть и безбрачие.

Для Лизара дело было не «в разрыве», на который указывал Мальтус,— он об этом не знал, а в другом: мало у крестьян земли, а у помещика ее очень много...

Философия Лизара как будто безысходна и мрачна. Но писатель утверждает, что победа все же за «живой жизнью», ее великое торжество неизбежно.

«...За околицей деревни, тесно прижавшись парочки,— читаем мы в конце рассказа.— Отовсюду слышна такая масса звуков, что, казалось, им было тесно в воздухе. Все жило вольно и без удержу, с непоколебимым сознанием законности и правоты своего существования...

Хороша жизнь! Жить, жить, жить широкой, полной жизнью, не бояться ее, не ломать и не отрицать себя,— в этом была великая тайна, которую так радостно и властно раскрыла природа».

Писатель оптимистически воспринимает будущее, ибо знает: пройдут лихие времена и для народа настанут дни свободной и счастливой жизни.

В. И. Ленин использовал рассказ «Лизар» в своей работе «Развитие капитализма в России».

«В. Вересаев в статье „Лизар“ („Сев. Курьер“, 1899, № 1) рассказывает о мужике Псковской губернии Лизаре, проповедующем употребление капель и проч. для „сокращения человека“. „Впоследствии — отмечает автор — от многих земских врачей и особенно акушерок я не раз слышал, что им частенько приходится иметь дело с подобными просьбами деревенских мужей и жен“. „Двигающаяся в известном направлении жизнь использовала все пути

¹ Мальтус. Опыт о законе народонаселения, (1798).

и в конце концов уперлась в слепой закоулок. Выхода из этого закоулка нет. И вот естественно намечается и все большее зреет новое решение вопроса" »¹.

Очерк «Лизар» очень понравился Антону Павловичу Чехову. 1 июля 1903 г. он пишет А. С. Суворину: «Вы читаете теперь беллетристику, так вот почитайте кстати рассказы Вересаева. Начните со второго тома, с небольшого рассказа „Лизар“: Мне кажется, что Вы останетесь очень довольны».

Вересаева, как уже указывалось, интересовала жизнь ремесленников и рабочих. В повести «Два конца» писатель поведал русскому обществу об их тяжелой жизни в мастерских, где они эксплуатировались еще больше, чем рабочие на крупных предприятиях.

Перед читателем проходит вереница рабочих, ремесленников, вся жизнь которых отдана труду — работе в переплетной мастерской, а досуг — кабаку, где в вине и водке они топят свое горе.

В образе центральной фигуры повести — золотообрезчика Андрея Ивановича — писатель показывает переходный тип рабочего-мастерового. По-своему Андрей Иванович неплохой человек. У него проявляются черты пролетарской солидарности, стремление к организованности, товарищеской взаимопомощи; у него сильно развито чувство собственного достоинства. Но он все еще в пленах отсталых настроений и привычек: он много работает, но много и пьет, бьет свою жену, причем бьет не столько из злобы к ней, сколько из досады на свою нескладносложившуюся жизнь. И наряду с этим, подчеркивает писатель, у него развито уважение к женщине.

Пробуждающееся классовое самосознание толкает Андрея Ивановича на сближение с передовыми рабочими — металлистом Барсуковым и Елизаветой Алексеевной. Перед ними ему хочется быть чище, лучше, оправдаться в своей дикости и отсталости.

Что порождало и дикость эту, и отсталость? Прежде всего пьянство, которое обычно являлось следствием тяжелой жизни. Уже Щедрин объяснял пьянство русского мужика и русского мастерового социальными причинами. Эта мысль хорошо выражена Андреем Ивановичем.

¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Сочинения. Изд. 4-е. Т. 3, стр. 233—234.

«— Как вы скажете,— спрашивает он Барсукова,— отчего люди пьют? От разврата? Это могут думать только в аристократии, в высших классах. Люди пьют от горя, от дум... Работает человек всю неделю, потом начинает думать; хочется всякий вопрос разобрать по основным мотивам: что? как? для чего? Куда от этих дум деться? А выпьешь рюмочку-другую, и легче станет на душе».

Преображается Андрей Иванович, когда слушает Барсукова, который рассказывает ему о том, что тронулись стоячие воды, что не в кабаке, а в школах должен искать рабочий человек ответ на волнующие его вопросы.

Вот как пишет об этом Вересаев: «Андрей Иванович слушал и разные чувства поднимались в нем; он и гордился, и радовался, и грустно ему было: где-то в стороне от него шла особая, неведомая жизнь, серьезная и труженическая, она не бежала сомнений и вопросов, не топила их в пьяном угларе... И чем больше Андрей Иванович слушал Барсукова, тем шире раздвигались перед ним просветы, тем больше верилось и в будущее,— верилось, что жизнь бодра и сильна, а будущее велико и светло».

В напечатанной повести Андрей Иванович, избитый товарищем, к тому же больной туберкулезом, умирает. Но, как сообщила автору настоящей книги племянница Вересаева В. М. Нольде, Вересаев несколько раз возвращался к мысли дать другой вариант концовки: Андрей Иванович вступает в революционное движение; писатель хотел этим подчеркнуть, что вне революционного движения для рабочего человека только тупик, кабак и обывательщина.

Но как ни тяжела была жизнь рабочего, она во многом оказывалась более трагичной для женщины-труженицы. И это с большой художественной, реалистической правдой показал Вересаев во второй части повести «Два конца».

Женщине не только платили меньше мужчины за одну и ту же работу, но ее нередко вынуждали к сожительству — и мастер, и управляющий, и хозяин мастерской. А если она пыталась оградить себя от их домогательств и отстаивать свою честь, ей грозила безработица.

Вересаев показывает судьбу двух женщин — Александры Михайловны и Тани. Преследуемые мастером, одна из них кончает жизнь самоубийством, а другая выходит замуж за нелюбимого человека.

Во всех произведениях Вересаева можно найти бодрые, жизнеутверждающие нотки, твердую веру в лучшее будущее человека на земле. Трагически кончает свою жизнь Чеканов; столь же трагически кончается и судьба Андрея Ивановича. И все же не унынием веет от этих произведений, где выведены эти герои: конец их насыщен бодрым оптимизмом.

«Весной хоронили Андрея Ивановича. От земли шел теплый, мягкий, живой запах. Сквозь гниющие коричневые листья пробивались ярко-зеленые стрелки, почки на деревьях наливались. В чаще весело стрекотали дрозды и воробы. Кругом все двигалось, шуршало, и тихий воздух был полон этим смутным шорохом пробуждающейся молодой, бодрой жизни».

Так, рисуя тяжелые условия жизни рабочих, ремесленников и крестьян, писатель-демократ неизменно сохраняет бодрую веру в светлое будущее трудящихся масс.

Правдивость и искренность в изображении героев повести «Два конца», социальные мотивы, которыми она насыщена, вызвали большой интерес к этому произведению прогрессивной части русского общества.

В неопубликованных воспоминаниях Х. Н. Абрикосова рассказывается, что из произведений Вересаева Льву Николаевичу Толстому особенно понравилась повесть «Конец Андрея Ивановича» и рассказ «В степи»¹.

Очень тепло встретил повесть А. М. Горький. В письме к Чехову он указывает, что «...после „Без дороги“ — „Андрей Иванович“, кажется, лучшее, что он дал до сей поры».

Положительно отзывался о повести «Конец Александры Михайловны» в одной из статей А. В. Луначарский. Указывая на правдивое отображение жизни рабочих и работниц, он писал: «...столько тут хорошего, человеческого гибнет в этой обиженной обществом среде, что у всякого при знакомстве с нею вспыхнет горячая жажда — помочь, разобраться, дать отпор...».

В основе повести лежат факты действительной жизни писателя; студентом Петербургского университета в 1885—1886 гг. он снимал комнату в семье рабочего. Жизнь

¹ Х. Н. Абрикосов — единомышленник Л. Н. Толстого (родился в 1877 г.; с 1905 г. женат на внучатной племяннице Толстого Н. Л. Оболенской).

этой семьи и послужила материалом для повести. С женой — прототипом Александры Михайловны — Вересаев долгое время переписывался, помогал ей материально.

* * *

На Дальнем Востоке, на полях Маньчжурии началась русско-японская война. В июне 1904 г. В. В. Вересаев призвали врачом в действующую армию и зачислили младшим ординатором 38-го полевого подвижного госпиталя при 6-м Сибирском армейском корпусе.

А вскоре Вересаев получил теплое, дружеское письмо от А. М. Горького.

«Дорогой Викентий Викентьевич!

...Очень грустно и больно дорогой и уважаемый товарищ, за Вас. Эта идиотская, несчастная, постыдная война — какой-то дикий кошмар, и Ваше участие в ней — обидно, тяжело и больно за Вас, за Ваши нервы, за жизнь. Есть и хорошая сторона в Вашем присутствии там — события будут иметь трезвого, честного свидетеля, но я все же хотел бы, чтобы этот свидетель был не Вы...»¹.

Но Викентий Викентьевич был не только «трезвым и честным свидетелем», а активным участником боев при Шахе и под Мукденом; он вместе с передовыми людьми переживал трагедию русской армии, которая несла огромные и бес смысленные жертвы из-за бездарности и продажности ее руководителей. Все виденное и пережитое он запечатлел в «Рассказах о Японской войне» (1904—1906) и «На войне» (1906—1907). В этих произведениях писатель правдиво рассказал о героизме русских солдат и в то же время вскрыл причины, приведшие русские войска к поражению.

«Рассказы о Японской войне» и «На войне» — это документы большой впечатляющей силы, и думается, что войну эту нельзя изучать, не прочитав очень внимательно эти произведения.

Однако Вересаев был не только писатель, но и врач, который видел, насколько из рук вон плохо было поставлено военно-санитарное обслуживание армии. В эвакуационном деле царил полнейший хаос и самотек; в большинстве своем раненые были предоставлены самим себе.

¹ Из письма А. М. Горького Вересаеву (конец июля — первая половина августа 1904 г.). Сочинения. Т. 28. М., 1954, стр. 316—317.

...После боя на китайской могилке присели отдохнуть раненый солдат Василий Лобанов и его приятель Алешка Семерухин.

«Лобанов сидел, понурив голову, и поддерживал руками раненную ногу. Его лицо, покрытое густым слоем желтовато-серой пыли, казалось лицом трупа.

Алешка, прищурившись, смотрел на тянувшиеся по дороге обозы.

— Ишь казенное добро спасают!.. А солдаты для них не казенное добро. Ранили тебя,— ложись под могилку и изыхай, все равно, что собака!

У Лобанова все кружилась голова. Он осторожно лег боком на могилку и закрыл глаза...».

Но в еще худшем положении часто оказывались тяжелораненые, которых эвакуировали в тыл. Вот документ, потрясающий своей страшной правдой.

Было это во время боев под Ляояном. Врач, услыхав стоны из соседнего, нагло закрытого вагона, открыл его и увидел следующее:

«У форточки стоял раненый, который в бессознательном состоянии сорвал с себя повязку и доставал из раны пальцами кусочки размозженного мозга и рассматривал их при свете луны, а на полу в темноте лежали раненные в живот с начавшимся воспалением брюшины и на каждый толчок вагона отвечали громкими стонами и проклятиями»¹.

Эвакуация раненых, по свидетельству Вересаева, была поставлена настолько безобразно, что раненный в живот мог считать себя счастливым, если три-четыре дня он провался на поле сражения неподобранным.

В этом случае,— указывает Вересаев,— он был беспомощен и одинок, терпел холод и голод, его могли загрызть голодные собаки... «Но у него был столь нужный для него покой; когда его подобрали, брюшные раны до известной степени уже склеились и он был вне опасности».

Мерзость и запустение были и в большинстве госпиталей, где раненые тяжко страдали от сквозняков, лежа на загаженных, пропитанных заразой матрацах.

С болью в сердце рассказывает Вересаев о скорбном пути раненых, которые в массе своей погибали вследствие

---

¹ Русский врач, 1905, № 14.

равнодушия и нераспорядительности руководителей военно-санитарного дела.

Отмечая проявление полного равнодушия и невнимательности к тяжелораненым эвакуируемым солдатам, Весеаев пишет: «Одну бы ночь, одну бы только ночь отдохна, и как бы она подкрепила их силы, как бы стоила всех лекарств и даже перевязок».

Да и какую же распорядительность можно было ждать от невежественных и тупых чиновников, очень далеких от медицины и интересов простого русского солдата?

Главное руководство всем санитарным делом в русско-японской войне принадлежало бывшему губернатору, а инспектором госпиталей являлся бывший полицмейстер. Эти крупные чиновники, привыкшие командовать полицией, внесли этот же дух и в военно-санитарное дело; они грубо разговаривали с врачами, третировали их, объявляли выговоры.

Среди медицинских работников имелись авторитетные врачи, но ни один из них не был призван к руководству военно-санитарным делом.

* * *

То, что творилось в военно-санитарном деле, было отражением общей неразберихи, царившей тогда в русской армии на Дальнем Востоке.

В очерке «В мышеловке» капитан Катаранов говорит о бессмыслиности этой войны: «Голубчик, вы только подумайте в своей голове: вот солдат умирает,— золото-солдат, цены ему не было... Для чего? Какой смысл? Ведь и вы, и я, и солдат всякий знает, что смысла нету. Ведь это все кругом люди, не мешки с песком... Мы, как бараны, умираем; наверху сидят, реляции пишут. Для этих реляций мы и умираем...».

А вот и другая сценка.

В буфете под Красноярском офицеры ведут спор на тему, которая их больше всего занимает.

«Кто из нас знает, зачем война? — спрашивает один из офицеров.— Кто из нас воодушевлен? Только и разговоров, что о прогонах да о подъемных. Гонят нас всех, как баранов. Генералы наши то и знают, что ссорятся меж собою. Интенданство ворует...».

В. В. Вересаев в период русско-японской войны,
(публикуется впервые).

Мнение о бессмыслиности и ненужности войны глубоко проникло и в сознание солдатских масс. В очерке «На отдыхе» тот же капитан Катаранов, отражая их настроение, говорит: «Нынче утром солдаты говорят мне: „Ваше благородие! Вот в „Вестнике Маньчжурской армии“ пишут, что мы тут за веру воюем, за царя и отчество. Как это так? Ведь веры нашей никто не трогает, царя не обижают. А отчество — китайское”».

Солдаты видели, что в то время, когда они сражались с врагом, погибали, шли грандиозные хищения в интендантствах, руководители армии думали больше об орденах, о личном обогащении и благополучии, нежели о победе в войне.

37 эшелонов с войсками были задержаны в пути, потому что путь был занят поездом наместника Алексеева, который не велел ночью пропускать поезда, чтобы свистками не будить его.

Во время боя под Вафангоу две роты солдат были заняты тем, что поливали брезент, натянутый над вагоном, где находилась жена генерала Штакельберга, страдавшая от жары.

Солдаты все это видели, знали, и неудивительно, что в армии росла и ширилась ненависть и вражда к царю и правительству, втянувшему Россию в эту войну.

«...Что теперь с особенной яркостью бросалось в глаза,— пишет Вересаев,— это та невиданно глубокая, всеобщая вражда, которая была к начавшим войну правителям страны: они вели на борьбу с врагом, а сами были для всех самыми чуждыми, самыми ненавистными врагами».

Военный крах становился неизбежным. «Многие прямо заявляли,— пишет Вересаев,— что для России полезнее всего было бы поражение». Эти высказывания находятся в соответствии с пораженческой позицией, занятой в этой войне большевиками, ибо, как указывал В. И. Ленин, «...военный крах, понесенный самодержавием, приобретает еще большее значение, как признак крушения всей нашей политической системы»¹.

Революцию 1905 г. Вересаев встретил с армией на Дальнем Востоке. Военное командование скрывало от солдат все, что им было известно о событиях, происходивших

¹ В. И. Ленин. Падение Порт-Артура. Сочинения. Изд. 4-е. Т. 8, стр. 34.

в России; даже Манифест 17 октября 1905 г. офицеры читали в отсутствие низших чинов.

Вересаев едет на родину. От внимательного взора писателя не ускользают огромные перемены, которые он наблюдал в пути.

В Харбине всем движением по железной дороге заведовал стачечный комитет.

«На глазах,— пишет Вересаев,— творилось что-то необычное и огромное. Среди царства тупо-высокомерной неповоротливой и нетерпимой власти, брезгливо пренебрегавшей интересами подвластных, знавшей лишь одно требование „не рассуждать“,— вдруг зародилась новая, веселая молодая власть, сильная не принуждением, а всеобщим признанием, державшаяся глубоко-проникавшими корнями в вырастившей ее почве».

Вересаев видит обновленную страну, новых людей. «В громадных, невиданных в истории муках,— писал он,— нарождалась на родине новая жизнь, совершилось историческое событие, колебавшее самую глубокую подпочву страны, миллионы людей боролись и рвали на себе цепи».

Вересаев с удивлением и радостью отмечает, что на станциях, находившихся во власти стачечного комитета, царил полный порядок, а на станциях, руководимых прежними чиновниками, писатель видит хаос и беспорядок.

«Что это? — спрашивает Вересаев.— Откуда у всех, с кем мы теперь встречались, эти светлые, чем-то изнутри осиянные лица, как будто совсем люди были из другой породы, чем два года назад?».

...Первая русская революция потерпела поражение, и Вересаев с грустью пишет: «Пир свободы кончился. Начиналось похмелье. Со всех сторон вздувались кроваво-черные, мстительные волны».

Что это — скорбное признание безнадежности освободительной борьбы с царизмом?

Нет, это не так. Вспомним глубокую веру писателя в светлое будущее его Родины, которую он так ярко отразил в своих впечатлениях, когда ехал с Дальнего Востока домой.

В стачечных комитетах он видел рожденную новую власть, которая пользовалась всеобщим народным признанием.

Вересаев пишет, что «за два года нашего отсутствия в России действительно родилась светлая свобода. Ее

могли теперь бить, душить, истязать. Но, раз рожденная, она была бессмертна. Убить и положить ее в гроб было уже невозможно».

Духом высокого гуманизма и подлинного демократизма проникнуты очерки Вересаева о русско-японской войне. В упрек писателю можно поставить лишь некоторую идеализацию японской армии.

Свое произведение «На войне» Вересаев предложил А. М. Горькому для напечатания его в сборниках «Знание».

Вскоре Викентий Викентьевич получил от Алексея Максимовича следующее дружеское письмо:

«Очень рад, что Вы вернулись, рад, что, судя по письму Вашему, вернулись Вы в бодром настроении, рад, что будете писать, жму крепко и сердечно Вашу руку.

Сборники („Знание“.—И. Г.) выходят и, надеюсь, будут выходить.

Рукописи посыпайте — это великолепно... Сборников выйти имеет бесчисленное количество, а Ваше участие в них — и приятно, и лестно, и необходимо нам ввиду широкого распространения сборников»¹.

«Записки о Японской войне» и «На войне» были очень тепло встречены прогрессивной Россией.

В журнале «Сибирская жизнь» писалось, «что Вересаев рассказывает о виденных и пережитых им событиях просто, бесхитростно, как старинный летописец... Наше поражение на Дальнем Востоке суть поражение старого режима. Очерки Вересаева заключают в себе блестящие, вполне бесспорные доказательства этой аксиомы»².

* * *

«Пир свободы кончился. Начиналось похмелье...». Так же примерно отметил наступление реакции и А. М. Горький.

«Тяжелые, серые тучи реакции,— писал он,— плыли над страной, гасли яркие звезды надежд, уныние и тоска давили юность, окровавленные руки темной силы снова быстро плели рабство»³.

¹ Из письма А. М. Горького Вересаеву, Сочинения. Т. 28, М., 1954, стр. 406.

² «Сибирская жизнь», № 79, 28/VII, 1907.

³ Новая жизнь, 1905, 13/XI, № 12.

Тerror, жестокое подавление малейшего проявления свободной мысли стали господствующими в политике самодержавной власти.

Годы реакции отмечены разбрodom в рядах русской либеральной интеллигенции, отходом попутчиков от революционного движения. Типичным в ту пору явлением стали, как указывал В. И. Ленин, «Упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство... «Усиление тяги к философскому идеализму»¹.

«Много шелухи поднялось в воздух с ураганом, — писал о годах реакции Вересаев в повести «К жизни», — грозно загудело в нем — и бессильно упало на земь, когда ураган стих».

Либеральная интеллигенция шарахнулась в сторону декадентщины, мистицизма, ницшеанства. Эти перемены в настроении интеллигенции нашли свое отражение в литературе и искусстве. Со страниц журналов и книг шла проповедь индивидуализма и аморализма, права личности на удовлетворение своих прихотей и страстей; в художественной литературе главное внимание стало уделяться личным переживаниям героев.

«Надо прежде всего удовлетворять свои естественные желания, — говорит Санин, герой нашумевшего одноименного романа Арцыбашева. — Люди, которые не могут или не смеют брать от богатства жизни столько, сколько им нужно, не должны жить».

Уводя читателя от политики в болото мистицизма, индивидуализма и эротики, писатели эти сами по себе совсем не стояли вне политики, а являлись носителями и проводниками реакционных идей. В 1909 г. группа писателей выпустила сборник «Вехи». В этой, по определению В. И. Ленина, позорно знаменитой книге либеральная интеллигенция открыто прокламировала свой отход от идей прогресса и демократии; в книге с циничной откровенностью писалось, что следует благословлять власть, которая своими штыками и тюрьмами охраняет ее интеллигенцию от народной ярости.

В эти-то годы Вересаев написал повесть «К жизни». Она была опубликована в 1909 г. в первых трех номерах журнала «Современный мир».

¹ В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Сочинения. Изд. 4-е. Т. 31, стр. 11.

«К жизни» — это попытка Вересаева показать наступивший после поражения революции 1905—1907 гг. разбрех в рядах русской интеллигенции, отход некоторой ее части от прежних идеалов. Центральный герой повести, в прошлом активный участник революционного движения Чердынцев, в годы реакции стал на путь «смены вех», он потерял веру в рабочий класс, в народ. Оглядываясь на свое прошлое, он удивляется, как мог он видеть в рабочих, этих сгорбленных, серых людях, — носителей какой-либо правды жизни! Как мог думать, что души их живут красотой огромной, трагической борьбы со старым миром?

Разуверившись в прошлых идеалах, Чердынцев ищет удовлетворения в философии Ницше. Он понимает, конечно, что любительница сильных и острых ощущений декадентка Катра цинична и аморальна, похожа на склизкую болотную змейку, которая вьется в темной воде и на всех оставляет свою ядовитую слону... И все же он связан с ней интимными узами.

Чердынцеву, Катре, а также Иринарху, проповедующему, что бороться следует не за будущее, а за радости сегодняшнего дня, и опустошенному Алексею, покончившему жизнь самоубийством, писатель противопоставляет людей, оставшихся верными революции, — рабочего Дядя Белого, Мороза и Наташу, профессионала-революционера, доктора Розанова. Однако в обрисовке положительных героев ощущается какая-то поверхность, эскизность. Если к тому же добавить, что в этой повести писатель вводит такие обобщенные мистические образы, как «Хозяин», «Душа», «Властитель» и др., то станет понятным, почему это произведение было холодно встречено передовой критикой и читателем.

При чтении повести создается впечатление, что и писатель как-то не нашел себя в те годы, не увидел ясных путей в общественной жизни. Впрочем, Вересаев откровенно расценил повесть «К жизни» как свою литературную неудачу. Это «...самая плохая из всех моих вещей, — писал он,— несмотря на то, что в ней как будто более или менее верно отражены настроения молодежи после разгрома революции в 1905 году».

Вересаев возражает против того, что повесть написана якобы «взвъерошенным, претенциозным языком» и что он поддался в ней тогдашней «моде». «Решительно все другое мое, относящееся к тому времени, написано моим язы-

ком,— указывает он.— Здесь же поддался „моде” не я, а герой моей повести, которая ведется от первого лица, в виде дневника».

С присущей откровенностью и правдивостью Вересаев признает, что получилась вещь неуклюжая, надуманная, неубедительная.

Анализ произведений Вересаева, написанных им в годы реакции, показывает, что при всех творческих неудачах он все же был далек от тогдашних модных течений в русской литературе и вместе с передовыми писателями, прежде всего с Горьким, решительно боролся с антинародными произведениями М. Арцыбашева, Ф. Сологуба и др. Он был с теми прогрессивными писателями, которые выступали против декадентщины и пессимизма.

* * *

От неудачной повести «К жизни» Вересаев переходит к изложению своих эстетических воззрений в критическом исследовании, озаглавленном «Живая жизнь»¹. «Во Льве Толстом и Достоевском, в Гомере, эллинских трагедиях и Ницше,— пишет он в „Записках для себя“,— я нашел неоценимый материал для построения моих выводов».

«Живую жизнь» писатель считал самой дорогой себе из написанных им книг, которую, по его признанию, он перечитывал с радостью и гордостью.

Исследование произведений Достоевского, Льва Толстого и древних греков укрепляет писателя в убеждении, что жизнь на земле светла и радостна. Это неоднократно подчеркивается в «Живой жизни», где писатель решительно выступает против пессимизма, ницшеанства и декадентщины, против культа звериного инстинкта в человеке.

В этой связи Вересаев с возмущением останавливается на произведениях, в которых превозносится «древний, прекрасный и свободный зверь, громким кличем призывающий к себе самку». И, несомненно, арцыбашевых и сологубов имел он в виду, когда писал, что этот «древний зверь» упростил и опоганил жизнь человека. «С девушки, воздушно-светлой, как утренняя греза, на наших глазах как будто спадают одежды, — пишет Вересаев, — она уже

¹ Первая часть «Живой жизни» — о Достоевском и Льве Толстом — была напечатана в 1910 г.; вторая часть — Аполлон и Дионис (о Ницше) — в 1914 г.

просто тело, просто женское мясо. Взгляд зверя говорит ей: „Да, ты женщина, которая может принадлежать каждому и мне тоже,— и тянет ее к себе, и радостную утреннюю грезу превращает в серую кобылку”¹.

Высказанные в «Живой жизни» взгляды насыщены большими идеями, гуманизмом; жизнеутверждающий оптимизм нашел яркое отражение в заключительной части книги — «Аполлон и Дионис».

«На фронтона аполлонова храма, в Дельфах, — читаем мы в этом произведении,— было начертано: „Ты если...“. Полного глубокого и волнующего смысла представляется нам эта надпись, вырезанная на храме бога жизни и счастья. В ней как будто вылились сокровенные чаяния человека, заветнейшая его вера. Тяжки были ему муки существования, пропадала вера в жизнь, величайшим счастьем начинало казаться небытие; с подбитыми крыльями душа бессильно погружалась в угрюмый туман отчаяния. Но и сквозь мрачный туман лучезарным, ободряющим призывом светились человеку вещие слова. Они говорили ему, что есть жизнь, есть радость жизни и сила, что жизнь и счастье на земле — не ложь, не обманчивый призрак. Эти светлые слова, — зажжем их на нашем знамени, и да светят они нам в наших исканиях и борьбе, никогда не тускнея».

В этих проникновенных строках — символ веры писателя в светлое и хорошее призвание человека на земле.

«Живая жизнь» вызвала в свое время большую полемику и создала значительную критическую литературу.

Борясь в «Живой жизни» с реакционными течениями в русской литературе, сам Вересаев, однако, не избег увлечения «модной» в те годы философией Бергсона в вопросах инстинкта и интуиции.

Реакционная, идеалистическая философия Бергсона, в которой последний стремится доказать, что истина недоступна пониманию человека, а может быть лишь угадываема в результате «озарения» интуицией, владела в свое время умами многих. В известной мере не избег этой участи и Вересаев. Мы говорим «в известной мере» потому, что он стоял за науку, признавал познаваемость объективного мира.

¹ Сравнение молодой женщины с кобылкой взято Вересаевым из романа Арцыбашева «Сани».

Бергсоновская философия привела Вересаева и к другим ошибочным выводам и путанным рассуждениям, когда он попытался представить себе эволюцию физического развития человека.

Однако при всех своих ошибках и противоречиях Вересаев резко выделяется среди многих писателей той поры своей верой, что близится новая, свободная жизнь на Руси.

Эту веру он подчеркнул и в анализе творчества Льва Толстого и Достоевского; анализ этот привел писателя к убеждению, что жизнь человечества — это «светлая, солнечная дорога, поднимающаяся все выше и выше к источнику жизни, света и целостного общения с миром».

* * *

Победа Октября поставила перед русскими писателями, да и только ли перед русскими? — вопрос: за или против Октябрьской революции?

Викентий Викентьевич не сразу разобрался в грандиозных исторических сдвигах, происшедших в стране. Но одно ему ясно было — его место в рядах советских писателей, он обязан свои силы, талант и знания отдать молодой Республике Советов. В 1917 г. он — председатель Художественно-просветительной комиссии Московского совета, затем, после переезда в Крым в 1919 г., член коллегии наробраза в Феодосии.

В 1919 г. Вересаев пишет сказку «Состязание». В этом произведении он возвращается к всегда интересовавшей его проблеме взаимоотношений искусства с жизнью.

Сказка отражает эстетические взгляды писателя на роль искусства.

... Два художника соревнуются в живописном изображении женской красоты. Судья в этом соревновании — собравшийся на площадь народ.

Упало полотно, — и люди замерли в созерцании дивно-ослепительной красоты. «Тело, какого не обнимала ни одна мужская рука, сквозило сквозь легкую ткань. Но не было вожделения. Было только молитвенное склонение и блаженная, нездешняя печаль».

И простые люди, созерцающие эту картину, вдруг увидели, как сами они безобразны по сравнению с этой нездешней красотой.

Но вот опустился покров, закрывавший другую картину,— и толпа увидела портрет... Зорьки, той самой Зорьки, которую они привыкли видеть возвращающейся по утрам с рынка с корзиной, в которой была кефаль и пучки петрушек, та самая Зорька, что мотыжит за городом свой виноградник...

«...Высоко подняв брови, как будто прислушиваясь к чему-то, Зорька смотрела перед собою. Чуть заметная счастливая улыбка замерла на губах, в глазах был стыдливый испуг и блаженное недоумение перед встающим огромным счастьем. Она противилась, упиралась и, однако, вся устремлялась вперед в радостном, неодолимом порыве и вся светилась изнутри...».

И когда народ увидел такую близкую им и понятную Зорьку, каждому вспоминались лучшие минуты его жизни, когда любил и был любим, вспоминались лучшие минуты его любви,... когда выходит на свет и широко распускается глубоко скрытая, вечно покоряющая красота, заложенная во всякую без исключения женщину.

Победил художник, написавший согретую любовью картину любимой им девушки.

Небольшая сказка «Состязание» как бы подводит итог эстетическим взглядам писателя: подлинное искусство — в его тесной связи с народом, с реальной жизнью; только такое искусство облагораживает человека, делает его лучше, чище.

Об огромном воспитательном значении искусства Верещагин рассказывает в «Прекрасной Елене» и небольшом рассказе «Мать». Герой этого рассказа посещает знаменитую картинную галерею в Дрездене. Идет он туда, будучи во власти скептической настороженности: действительно ли так прекрасна Сикстинская Мадонна, как о ней пишут и говорят?

Но по мере того как он вглядывался в образ Мадонны и ее ребенка, бессмертная картина гениального Рафаэля целиком захватила его... Он увидел мать, готовую благословить своего ребенка на жертвенный подвиг. «А когда совершится подвиг..., когда он совершится,— ее сердце разорвется от материнской муки и изойдет кровью...».

И героя рассказа охватила светлая, поднимающаяся радость и гордость за человечество, «которое сумело воплотить и вознести на высоту такое материнство».

В 1920—1923 гг. Вересаев пишет роман «В тупике». В этом произведении писатель стремится показать разброда, растерянность и идейные шатания некоторой части русской интеллигенции, которая либо не поняла исторического значения Октябрьской революции, либо же стала ее врагом из узоклассовых интересов.

Сошло со сцены старое общество, рушились привычные понятия, и люди, привыкшие мыслить старыми категориями, оказались в новых условиях в тупике.

В тупике оказалась и семья Сартановых. Глава семьи — в прошлом земский врач. Его худая фигура с седыми волосами до плеч была хорошо знакома участникам Пироговских съездов по смелым выступлениям. Во время войны он с трибуны Пироговского съезда, приводя статистику убитых на фронтах, заговорил о кровавой бойне, в результате чего угодил в Бутырскую тюрьму.

С приходом советской власти в семье Сартановых начался разброда: одна из дочерей, Вера, ушла к большевикам, отец стал противником советской власти.

Случайно ли это было для старого пироговца? Думается, что нет: Вересаев не мог не знать о том, как повело себя большинство в правлении этого общества после Октябрьского переворота.

Пироговское общество и Пироговские съезды на протяжении тридцати с лишним лет своего существования сыграли большую роль в развитии русской общественной медицины. Но в различные периоды по-разному проявлялись общественные настроения врачей: подъем или спад их общественной активности находился в зависимости от подъема или спада общественных и политических настроений в стране. Так, накануне первой русской революции в марте 1905 г. в Москве состоялся Чрезвычайный пироговский съезд по борьбе с холерой. Съезд проходил в накаленной политической атмосфере, и о чем бы ни говорили участники съезда — о борьбе ли с холерой или с другими заболеваниями, — они неизменно указывали на то, что без коренного изменения политического строя и проведения широких социальных реформ эта борьба не может быть успешной.

В общей резолюции, принятой на этом съезде, указывалось на насущную необходимость врачам сорганизоваться совместно с трудящимися массами для энергичной борьбы против самодержавного строя. Однако в дальней-

шем, с наступлением в стране реакции, в рядах пироговцев начался процесс размежевания: отдельные из них встали на сторону революционных марксистов, значительная часть связала свою судьбу с буржуазией; большинство же врачей отошло от политической борьбы. В период Октябрьской революции большинство пироговцев выступило против революции или колебалось между революцией и контрреволюцией. Именно этим и можно объяснить позицию многих пироговцев после Октябрьского переворота, когда 22 ноября 1917 г. Правление этого общества приняло позорную резолюцию, в которой прямо призывало врачей к саботажу.

В знак протеста против такого решения врачи-большевики — З. П. Соловьев и И. В. Русаков — вышли из его состава.

«Позиция, занятая большинством правления... по отношению к вопросам политическим, — писал в своем протесте З. П. Соловьев, — настолько противоречит моим взглядам на роль и задачи общества, что я без насилия над своей гражданской и врачебной совестью не могу быть исполнителем каких бы то ни было полномочий Правления...»¹.

Касаясь отношения Правления Пироговского общества к врачам-большевикам, И. В. Русаков² в своем письме-протесте с гордостью подчеркнул, что имеет великую честь принадлежать к партии социал-демократов интернационалистов (большевиков) и от этой чести не заставят его отказаться «ни пули юнкеров, ни буржуазно-обывательское злопыхательство...».

Против решения Правления Пироговского общества выступил и А. Н. Сысин, в дальнейшем выдающийся советский гигиенист.

Журнал Правления Пироговского общества «Общественный врач» предавал на своих страницах «анаграмме» всех, кто пошел работать к большевикам. И тем не менее лучшие представители медицинской науки, а вскоре и широкая врачебная масса стали активно сотрудничать с советской властью и строить советское здравоохранение. Среди них — виднейший бактериолог Д. К. Заболотный

¹ Общественный врач, 1918, № 3—4, стр. 30.

² И. В. Русаков — врач-коммунист. Погиб в 1921 г. во время подавления кронштадтского мятежа.

(умер в 1929 г. на посту президента Украинской академии наук), выдающийся невропатолог-психиатр В. М. Бехтерев, психиатры И. И. Захаров, П. П. Кащенко, видные санитарные врачи П. И. Куркин, Н. И. Тезяков, П. Ф. Кудрявцев, Л. А. Тарасевич, А. Н. Сысин.

В Смольный с предложением своих услуг медико-санитарному отделу Военно-революционного комитета явился беспартийный врач М. В. Головинский.

«Думал всю ночь, — писал он в связи с принятым решением, — и решил: пойду и возьму на свои плечи и понесу до новой смены, до последней возможности, хотя бы, ввиду других занятий, пришлось работать 24 часа в сутки. При этом ставлю, однако, свое прежнее условие — никакого гонорара, никаких личных преимуществ...».

В 1919 г. этот замечательный врач умер на трудовом посту, заразившись сыпным тифом¹.

Вскоре Пироговское общество сошло со сцены, а многие его деятели, как мы видели, стали активными строителями советского здравоохранения. Вересаев в романе «В тупике» показывает, что этого не случилось со старым земским врачом пироговцем Сартановым; не случилось потому, что он не понял великого значения освежающей и мир преобразующей Октябрьской бури, а видел лишь сор и шелуху, поднятые этой бурей на поверхность жизни.

В тупике оказалась и вторая дочь Сартанова — Катя. По-своему честная и искренняя, она пытается и не может разобраться в окружающей ее жизни. Старшая его дочь, большевичка Вера, в Крыму. Ее потянуло к родным. Но с отцом они теперь по разные стороны баррикад... И вот сидят Вера и Катя с матерью, как будто свои, родные, и все же далекие и чужие! «Родной разговор, и поющий самовар, и мама в круглых очках. И теплый ветерок в окне. И странно было Кате: все такое милое, всегдашнее, а они такие разные, разделенные; папа далеко, с непрощающими глазами и непроявленные глаза у Веры, смотрящие в сторону...».

В романе выведены большевики — Вера, врач Надежда Александровна Корсакова, ее муж председатель

¹ М. И. Барсуков. Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения. М., 1951, стр. 94.

ревкома Михаил, политотдельщик Кригер, Леонид Седой, делегатка женотдела Настасья Петровна и др.

С большой теплотой и драматизмом рассказывает писатель в романе о героической смерти смелых, бесстрашных революционеров — Веры Сартановой и других большевиков, расстрелянных белогвардейцами.

Роман в «Тупике» не является удачей Вересаева. Не обладая последовательным марксистским мировоззрением, он до конца своей жизни не стал в ряды писателей социалистического реализма.

Оставшись верным критическому реализму, он больше видел теневые стороны, будучи не в состоянии подняться над частностями, что и мешало ему создать цельный образ большевика с присущими ему типическими чертами.

В романе образы положительных героев показаны чаще всего не в действии, и судить о них можно лишь по декларативным заявлениям. Немало и таких стандартных характеристик: «Воронько молчаливо сидел — прямой, с глядящими в себя глазами, с нависшим на очи крутым лбом...».

В 1928—1931 гг. Вересаев пишет роман «Сестры», в котором пытается показать участие молодежи по преимуществу в осуществлении грандиозных планов первой пятилетки и в колLECTIVизации. Тема, как видим, большого политического звучания, особенно если учесть остроту обстановки, в которой совершился под руководством Коммунистической партии этот крутой поворот в жизни нашей страны.

Однако и в этом романе нет подлинного героя того времени, не чувствуется дыхания и пафоса великих свершений. Главное внимание читателя сосредоточивается вокруг переживаний двух сестер вузовок — Лели и Нины Ратниковых; обе страдают от оторванности от рабочего класса, обе стремятся стать в ряды передовых коммунистов.

Сестры ведут свои записи в один дневник, и в них писатель раскрывает переживания, стремления, горести и радости этих девушки.

В романе имеются элементы натурализма, много внимания отведено проблеме пола, которая занимала в те годы внимание молодежи. Роман «Сестры» также является литературной неудачей писателя.

Вересаев в этот период увлекался литературоведческой деятельностью. Однако это отнюдь не означает, что он

Семейная группа. Слева направо: Николай Викентьевич Смидович, Анна Викентьевна Смидович (Ноадс), Викентий Викентьевич Смидович (Вересаев), Мария Викентьевна Смидович (Миллотина), Елизавета Павловна Смидович (мать писателя), Юлия Викентьевна Смидович, Михаил Викентьевич Смидович, Елизавета Викентьевна Смидович, Владимир Викентьевич Смидович. (собственность Государственного литературного музея, публикуется впервые).

стремился уйти от современности; его желанием являлось лишь по-новому осмыслить культурное наследие прошлого. Внимание писателя привлекает к себе гениальный Пушкин.

«Меня давно интересовала своеобразная личность Пушкина, — пишет Вересаев. — „Ясный“, „гармонический“ Пушкин, гениальный „гуляка праздный“, только как будто понятный в своей нехитрой гармоничности и благородной беспечности, в действительности представляет собой одно из самых загадочных явлений русской литературы. В течение ряда лет я делал для себя выписки, касавшиеся характера Пушкина, его настроений, привычек, наружности. И вот однажды, пересматривая накопившиеся выписки, я неожиданно увидел, что передо мною оригинальнейшая и увлекательнейшая книга, в которой Пушкин встает совершенно, как живой. Поистине живой Пушкин, во всех сменах его настроений, во всех противоречиях сложного его характера...».

Так в 1926 г. появился «Пушкин в жизни».

Признавая значительность этого оригинального исследования, составленного из материалов документально-мемуарного характера, критика указывала и на некоторые недостатки этой книги: на умаление Пушкина, недостаточно научный отбор материалов для этой книги, в которой наряду со строго проверенными документами были опубликованы и мало достоверные, основанные на «слухах, легендах». Упрекали Вересаева и в стремлении искусственно отделить Пушкина-человека от Пушкина-поэта.

Отвечая критикам, обвинявшим писателя в умалении образа поэта, Вересаев пишет по этому поводу: «Художник, рисуя прекраснейшее лицо, не боится самых глубоких теней, от них только выпукле и жизненнее становится портрет, и прекраснее станет лицо, если, конечно, прекрасен оригинал. В этом же — все. Подлинно великий человек с честью выдержит самые „интимные“ сообщения о себе».

В 1933 г. Вересаев в такой же манере написал новое исследование: «Гоголь в жизни». Исследование это было слабее, чем «Пушкин в жизни», и прошло менее заметно.

Быть до конца правдивым, — эта присущая Вересаеву черта нашла свое наибольшее выражение в его «Воспоминаниях».

«Искренность, — писал Вересаев в „Записках для себя“ — дело трудное и очень тонкое, она требует мудрости

и большого душевного такта. Маленький уклон в сторону — и будет фальшь, в другую — и будет цинизм. Способность к подлинной искренности, правдивой и целомудренной, — великий и очень редкий дар».

Вересаев владел этим даром. Книга «Воспоминания» представляет большой интерес для литератороведов, так как в ней содержатся важные факты из жизни писателя, его переживаний и устремлений. В книге много талантливых зарисовок из жизни петербургского и юрьевского студенчества 90-х годов, настроений русской интеллигенции в эпоху реакции и подъема общественного движения в России конца прошлого века. «Воспоминания», в особенности первая часть книги, представляют интерес для родителей и педагогов, так как помогают понять некоторые стороны психологии ребенка и подростка.

Этой работой Вересаева очень интересовался А. М. Горький.

«В какой стадии Ваши воспоминания? — спрашивал он писателя в своем письме. — Это должно быть очень значительно и очень интересно».

В эту книгу Вересаев включил ряд воспоминаний, написанных им в разное время. Среди них — о встречах с литераторами и писателями — Н. К. Михайловским, В. Г. Короленко, Н. Ф. Аиненским, Н. Г. Гариним-Михайловским, Л. Толстым, Л. Андреевым, А. П. Чеховым, революционными деятелями — Верой Фигнер, Верой Засулич и др. Воспоминания читаются с большим интересом. Они написаны талантливо и с большой теплотой.

* * *

Вересаев всегда интересовался древнегреческой поэзией; его привлекало чистое, здоровое, оптимистическое восприятие жизни. В ней, как в живительном источнике, он черпал силы и средства для борьбы с упадничеством и пессимизмом, которые проповедовали в 1908—1910 гг. со страниц книг и журналов символисты и декаденты.

Вересаеву близки мысли о гармонии души и тела человека, которая так ярко проявляется в жизнеощущении древних греков. В неопубликованной статье «Жизнеотношение Гомера» он следующим образом раскрывает и формулирует мысль об этой гармонии:

«Человек неотрывно связан с жизнью, душа его неотрывно связана с телом. И весь целиком человек должен

быть прекрасен и светел. Тело, как душа, тоже должно быть „добродетельно“. И душевые, и телесные достоинства для древнего эллина одинаково были добродетели... Совершенство телесное и душевное, гармоническое соединение прекрасного тела и прекрасной души было основным идеалом эллина».

Это, несомненно, было идеалом и самого Вересаева, и к этим мыслям он возвращается неоднократно. В рассказе «Дедушка», опубликованном в 1915 г., Лиза говорит о замечательных свойствах ритмической гимнастики расправлять смятую душу, делать ее гармонической и прекрасной, как и тело человека.

«Хорошо, — говорит она, — надеть легкое трико на голое тело, быть с открытыми руками и ногами, чтобы тело свободно дышало воздухом и светом. Какое это ни с чем несравнимое наслаждение, как после этого давят все нелепые одежды!».

Об эллинском ощущении красоты здорового тела и души рассказывает писатель и в повести «Исанка», написанной 12 лет спустя, в 1927 г.

«Как будто у меня только что раскрылись глаза на человеческое тело, — говорит студент Борис Исанке, — как оно может быть прекрасно, как важно, чтобы оно было здорово и прекрасно, и как мало мы об этом думаем...».

И в другом месте: «Эллины... Ах, эллины никогда не фальсифицировали природу, они всегда умели найти точку, с которой природа является без всякой фальсификации».

И писатель вновь подчеркивает мысль о гармоническом сочетании души и тела: «Если ходить прямо, то и приникшая душа выпрямится, если сгонишь угрюмость с губ, она сойдет с души».

Следовательно, интерес к древним грекам не был случаен, и не уходом от современности явилось увлечение Вересаева переводами древних греков: в их прошлом он черпал многое для настоящего.

В 1922 г. он перевел гимны «К Афродите», затем много работал над переводами «гомеровых гимнов», «Илиады» и «Одиссеи».

В переводах стихов Гомера и толковании их Вересаев выступает решительным противником немецкой идеалистической эстетики. Вересаев считает чудовищно неверным утверждение Шиллера, выраженное им в стихотворении

Портрет А. П. Чехова с дарственной надписью
(публикуется впервые).

«Боги Греции», будто поэзия древних греков была призвана «любовно» прикрыть истину. Древние греки, — утверждает Вересаев, — совсем не обивали истины покровом поэзии, не населяли «пустой» мир земли прекрасными образами. Земля для них была, пишет он, «полнна жизни и красоты, жизнь была прекрасна и божественна, — не покров жизни, а сама жизнь».

Вересаев доказывает, что древний грек вовсе не отделял поэзии от истины; гомеровский грек в его переводах предстает перед нами во всем своем бодром, оптимистическом восприятии жизни.

«И как сверкает эта сила жизни! — пишет с восхищением Вересаев. — Только в детях можем мы еще наблюдать это яркое, свежее, радостно-жадное переживание жизни во всех ее проявлениях...».

По свидетельству В. М. Нольде, личного секретаря писателя, Вересаев в эту пору работал с большим творческим подъемом. Вот что писал он ей из Нальчика 29 октября 1941 г.: «Сегодня кончил переписывать набело последнюю песнь „Одиссеи“ и подписал: „конец“. Конец! Переведены обе огромные поэмы Гомера — „Илиада“ и „Одиссея“, больше двадцати восьми тысяч стихов. Мне кажется, если перевод когда-нибудь дойдет до читателя, он даст ему более точного Гомера сравнительно с устаревшим переводом Гнедича и насквозь фальшивым переводом Жуковского. Начал я перевод „Илиады“ в начале 1937 года. Обе поэмы переведены всего в четыре с половиной года. Но клянусь богом моим Аполлоном, в переводе нет ни капли халтуры. Это была какая-то одержимость. Днем и ночью стихи клокотали в голове, как вода в кипящем чайнике. Я отрывался от обеда и ночного сна, чтобы написать набежавшие стихи. Я сам изумлялся: иногда в день писал до семидесяти стихов. Бросал на несколько дней, иногда доходил до истощения. Наконец, — в середине зимы, — приходилось бросать на несколько месяцев. И тогда снова появлялся бурный подъем. Сколько мне счастья дала эта работа!»

В последний год своей жизни Вересаев закончил переводы «Илиады» и «Одиссеи». Смерть застала его за редактированием последней песни «Илиады».

Большая творческая жизнь выдающегося русского писателя подходила к концу. Вересаев, — сообщает В. М. Нольде, — будучи врачом, отлично понимал это по

Честн. штампости:
Июнь 19/1 1902

Милостивые государи барон! Великий Родионов
Слава, под чьи сень родасть, когда рукою грозного члены
загады вашей морей раскрыты. Слава мои бары!
А я прозрел для вас профанство и в два раза лучше
куйчаноф и прозрел для вас профанство тупаков. Дорогое
дни, бескорыстие, бесподобное профанство обличает
всех кротких-глупых-свободолюбивых дни,
когда разы бы боялись, когда разы бы умели —
умели, а когда надо было бы, дни когда надо и
о земле — земли надо. Могущества бескорыстия
тупаков, разбогатевших на земле землянинов огло-
хий был. Тогда у вас — превосходно! Сердце
щепетиль; где хароды!

Все профанство и прозрение дурнствами искони
разные, все земли в землю подбросили и земли в
изгнание и хороши дурнства на землю земли!

Все землята изгнания земли на землю земли
засыпали пылью земли изгнания земли. О чудо
что земли земли земли! Все земли, земли
земли?

До сведения! Очень хитрый-бы
засыпал земли!

А. Горький

Роденъ, 1902 г.
Оренбург, Екатеринин Наследство

М. Михайловой

Письмо А. М. Горького В. В. Вересаеву.

ряду симптомов — ухудшалось общее самочувствие, все более повышалось кровяное давление, мучили головные боли, падала работоспособность...

Он подытожил все дела, привел в порядок бумаги, уничтожил те интимные дневники, которые не хотел, чтобы читали. Сделал все распоряжения, желая облегчить близким хлопоты после своей кончины, — словом, приготовил все к своей смерти. Но интерес к жизни не падал. Он внимательно следил за газетами, с огромным интересом расспрашивал свидетелей войны...

Второго июня он еще работал над своим любимым Гомером. Когда же почувствовал себя некошоро и принужден был лечь, то еще раз спокойно и ласково напомнил мне как своему секретарю, как быть с редактированием Гомера на тот случай, «если я уже не смогу кончить»... Молча пролежал сутки, часто впадал в полуబессознательное состояние... Вечером третьего июня 1945 г. его не стало.

Умирал он без тени испуга и без страха встретил смерть. Это могут подтвердить свидетели последних дней его жизни...

* * *

Произведения Вересаева обогатили русскую литературу. Мастерство писателя было высоко оценено Л. Н. Толстым, который указывал, что некоторые рассказы Вересаева напоминают ему Тургенева, что в них «столько чувства меры и красоты природы и видна искренность и глубоко чувствующая душа»¹.

Мы уже указывали на чуткость и внимание, которое всегда проявлял к Вересаеву А. М. Горький. С годами эта любовь и уважение росли и крепли.

Сколько тепла и духовной близости в следующих строках письма Горького Вересаеву от 3 июня 1925 г.:

«...Но я всегда чувствовал в лице Вашем спутника, коего привык уважать и за твердость шага и неуклонность со своей тропы. И уж разрешите сказать, что моя тропа также одинока, как Ваша, и хотя шума я возбуждал нередко больше, чем Вы, но ведь Вам известно, что шум-то этот дешево стоит и, право, никогда не оглушал меня. И не путал моих симпатий. К Андрееву, Бунину я был ближе, чем

¹ В. В. Вересаев. Сочинения. Т. 1. М., 1948, стр. 30.

Борису Викентьевичу Викентьевичу,

Любимому отцу ⁴⁷ Нестру В. И. Киринову избран
мной шанс на 62^е год в честь писательской борьбы
и литературной деятельности Вашей. Письмо
это пришло в Сорренто ¹¹². Запечатано в конверте
негравировано, из которого я удалил штамп
Все будущее 62^е Февраля.

Сколько, удивляется Саша и бояринки, я остал
ся в себе? Первое разглашение ее того, что мне
было ружье с прицелом Вашим. Чемодан бессмыслица
и неприличий литературы. Перенесен в Не-
аполь, что бы спасено не было.

Бывало, что в состоянии моем расстройности
с изумлением слушали в гостях, а не гадали
скажите Вам же это былое и былое, не
смогу умолчать что забылъе былое в своем
образце. Но забылъ в пользу Вашей, что всегда омы-
тым Вам японским воском бледными эмалями,
после других античных вещей поклонялся. Это
— прахъ. Это — хоронил. Брошу, зная, что за
этот гордится им.

Запечатано, что, нет единой борьбы для сорок
лет в России. И — каких имен! Прорубятые, небо-
воздушные. Уже совсем будешь, я чуюсь, на
стороже от изобретенной прахи.

Борису В. В. Новикову. Капитану санкта Вас.

Встрече удачной. Несите свою борьбу.

Крайне буду ружь Вашим. А. Некрасов

24.XI-250

Napoli. Posillipo. Villa Gallotti.

Письмо А. М. Горького В. В. Вересаеву.

к Вам, часто видел их, жил с ними, но, проверяя мои симпатии, чувствовал Вас яснее, чем их».

И спустя несколько месяцев он пишет из Неаполя к 40-летию писательской деятельности Вересаева:

«Недавно я писал Вам, что всегда ощущал Вас человеком более близким мне, чем другие писатели нашего поколения. Это правда. Это — хорошая правда; думаю, что я могу гордиться ею...»¹.

Советское правительство высоко оценило творческую деятельность Вересаева: к 70-летию со дня его рождения он был награжден орденом Трудового Красного Знамени; 19 марта 1943 г. за выдающиеся заслуги в области литературы В. В. Вересаеву была присуждена Сталинская премия первой степени.

* * *

Вересаев дважды упоминает в своих произведениях легенду «В священном лесу»: один раз в «Невыдуманных рассказах», а во второй раз — в неопубликованной пьесе того же названия. Мысли, заложенные в этой легенде, подчеркивают близкие писателю идеи благородного гуманизма, которые должны быть присущи каждому человеку.

Смысл этой легенды: надо быть чутким и внимательным к человеку, щадить его чувства, достоинство.

«Мне представляется, — писал он, — наша жизнь — это такой же священный лес. Мы входим в него так себе, чтобы развлечься, позабавиться. А кругом все живет, все чувствует глубоко и сильно. Мы ударим топором, ждем — побежит бесцветный, холодный сок, а начинает хлестать красная, горячая кровь... Как все это сложно, глубоко и таинственно! Да, в жизнь нужно входить не веселым гулякою, как в приятную рощу, а с благоговейным трепетом, как в священный лес, полный жизни и тайны...».

Эта мысль перекликается с другой, интимно близкой писателю.

Люди ищут нового счастья и ждут, что к нему прийти так же легко, как к старому. А жизнь густа, дремучая и не раздвигается сама собой в гладкую дорожку. «Кто хочет новых путей, должен выходить не на прогулку, а на работу („Проездом“)».

¹ Из письма А. М. Горького Вересаеву от 12/25 или 13/26 сентября 1900 г. Сочинения. Т. 28. М., 1954, стр. 128—129.

Человеком большой души, пытливым, чутким, писателем-демократом, врачом-гуманистом пришел Викентий Викентьевич Вересаев в «священный лес жизни», пытаясь проникнуть в ее тайны с тем, чтобы поведать людям, как надо жить на земле.

Всю свою большую жизнь труженика отдал он служению народу, родной литературе, беззаветному служению идеям прогресса и демократии.

ВЕРЕСАЕВ И МЕДИЦИНА

Autumn

ЗА И ПРОТИВ „ЗАПИСОК ВРАЧА“

„Я положил себе за правило... ничего не скрывать от моих учеников, и если не сейчас же, то потом, и немедля, открывать перед ними сделанную ошибку, будет ли она в диагнозе или лечении болезни».

Этому обещанию, которое дал в 1836 г. Николай Иванович Пирогов, он остался верен до конца своей жизни.

Уже в предисловии к первому тому «Анналов» хирургического отделения Дерптской клиники, которые были опубликованы год спустя, Пирогов, подводя итоги своим наблюдениям и раздумьям практического хирурга, писал, что считает своим священным долгом откровенно рассказать русскому обществу о своей врачебной деятельности и ее результатах, так как каждый добросовестный человек, в особенности преподаватель, должен иметь своего рода внутреннюю потребность возможно скорее обнародовать свои ошибки, чтобы предостеречь от них других людей, менее сведущих.

Пирогов считал важным опубликование «Анналов» еще и потому, что в них отражен опыт среднего врача, ибо,— писал он,— «если здравый смысл учит нас „избегать ошибок“, если упрямый опыт, напротив, подтверждает, что „ошибки неизбежны“, то бесхитростный, беспристрастный пересказ фактов из уст человека, только впервые вступившего на необъятное поле врачебной практики, причем он сам раскрывает механизм возникновения своих ошибок,— может и будет нам прямо показы-

вать, каким образом можно избежать ошибки и где ошибка неизбежна¹.

«Анналы», эта замечательная книга,— исповедь молодого ученого, были тепло встречены его учениками и враждебно отдельными врачами, которые считали, что открытый, откровенный разговор о врачебных ошибках подорвет доверие и к врачам, и к медицине.

... Прошло около шестидесяти лет, и в стенах того же Дерптского университета студент медицинского факультета Викентий Викентьевич Смидович задумал книгу — исповедь врача, которая привлекла к себе внимание общественности всего мира. Мы говорим о «Записках врача» В. В. Вересаева.

Не случайно Вересаев высоко оценил «Анналы», счи-тая, что в этом произведении Пирогов с откровенностью гения ко всеобщему смущению и соблазну оповестил о всех совершенных им ошибках. Картина, нарисованная им, получилась потрясающая.

Долго вынашивал Вересаев в своем сознании книгу «Записки врача», которую задумал еще в 1892 г. как «Записки студента-медика». Три года он тщательно собирая и изучал материалы и статистические отчеты, протоколы научных медицинских обществ и письма врачей, работы врачебных съездов и материалы о постановке медицинского образования в России и за рубежом. Внимательно штудировал он медицинскую литературу и корреспонденции в периодической печати; от его пытливого взора не ускользнуло ничего, что могло оказаться важным для решения задачи, которую он перед собой поставил.

18 мая 1894 г. Вересаев окончил медицинский факультет Дерптского университета, и в его дневнике появилась запись: «И вот я врач... Кончил я одним из лучших. А между тем, с какими микроскопическими знаниями вступаю в жизнь! И каких невежественных знахарей выпускает университет под именем врачей! Да, уж „Записки врача“ я напишу и поведаю миру много-много, чего он не знает и даже не подозревает».

Годы учебы позади. Вересаев, получив диплом врача, начал практическую деятельность и в то же время вплотную засел за книгу, которая очень занимала его.

¹ Annalen der chirurgischen Abteilung des Clinicums der Kais. Universität Dorpat, herausgegeben von Nikolaus Pirogoff, I. Jahrgang, Dorpat, 1837, S. 3.

В процессе работы над книгой писателя не покидают сомнения: нужно ли печатать такое произведение — не подорвет ли оно доверие народных масс к врачам, не оттолкнет ли от медицины, в помощи которой они так нуждаются? Но по зреому размышлению он решает: «Записки врача» печатать надо, ибо при замалчивании имеющихся недостатков в медицине нет и не может быть самого главного — атмосферы, которая была бы полна сознанием неразрешимости многих вопросов и насущной надобности их разрешения. Вопросы решаются в одиночку и втихомолку, вкривь и вкось, а чаще всего заглушаются без всякого разрешения.

Говорят, что не следовало поднимать медицинские вопросы перед людьми, в этих делах несведущими, т. е. перед «профанами». Но кто же дал право опекать «профанов», — с возмущением думает Вересаев. «Пускай публикуют свои „записки“ судья, учитель, литератор, адвокат, путеец, полицейский пристав. Если мне скажут, что мне как профану вредно знать изнанку всех этих профессий, то я отвечу, что я не ребенок и что я сам вправе судить, что для меня вредно».

Нет, «Записки врача» печатать нужно, — решает писатель, — от этого выигрывают и общество и медицина. Для пользы данного момента, — указывает Вересаев, — иногда по необходимости приходится обманывать тяжелобольного, но общество — не тяжелобольной и минутную ложь нельзя возводить в постоянное правило.

В 1901 г. в журнале «Мир божий» начали печататься «Записки врача». Вызов был брошен. Вокруг книги разгорелись страсти; она вызвала сочувственные отклики среди широких кругов читателей и враждебное отношение со стороны многих врачей. Удивляться этому не приходилось: если Пирогову, который своими «Анналами» обращался главным образом к врачам, не могли простить правдивого рассказа о врачебных ошибках, то как же могли остаться они равнодушными к писателю-врачу, который «осмелился» осветить больные стороны медицины и врачебной деятельности не только перед врачами, но и перед широкими массами читателей! Вересаеву не могли простить его смелой попытки вынести «сор из избы». Немецкий врач Кюльц так и писал в своей брошюре о книге

Вересаева: «Скверная та птица, которая гадит в собственное гнездо!»¹.

Буря, вызванная «Записками врача», была исключительной силы. Современному читателю трудно даже представить, какие горячие споры развернулись в прессе и в обществе вокруг «Записок врача» и не только в России, но и за ее рубежами. Сотни и тысячи лекций, рефератов, докладов были посвящены этой книге; появилась огромная критическая и полемическая литература.

Перед нами пожелтевшие страницы книг, газет, журналов более чем полувековой давности. Вчитываясь в эти страницы, остро чувствуешь степень накала, вызванную «Записками врача».

Наиболее злобно и беспринципно выступил против этой книги профессор кафедры истории и энциклопедии медицины Московского университета Л. З. Мороховец. На лекциях перед студентами, а затем в изданных с разрешения медицинского факультета «ученых» записках он огульно охаивал «Записки врача», обвинял писателя в «клевете» и «инсинуациях», называя его «неучем» и т. п.

«Нужно откровенно сознаться, — писал он, — что мне за все время моего служения университету и за все тридцать лет знакомства с врачебным сословием, начиная с моего студенчества, ничего низменнее, ничего лживее не приходилось читать, что принадлежит перу врача»².

Такие высказывания в свою очередь вызвали бурю возмущения, и нам понятна та острыя реакция, которую вызвали эти «ученые» записи. «Стыд и позор медицинскому факультету,— писал по этому поводу врач С. Белозерский,— за то, что он одобрил произведение Мороховца, не имеющего ничего общего ни с историей, ни с энциклопедией медицины! Что сам Мороховец не знает, где „кончается критика и начинается инсинуация“,— это ясно. Но нельзя быть уверенным, что это знает Московский медицинский факультет»³.

¹ Л. Кульц. Ответ на «Записки врача» В. Вересаева. Перевод с немецкого. М., 1902.

² Л. З. Мороховец. «Записки врача» В. Вересаева в свете профессиональной критики. Труды кафедры истории и энциклопедии медицины Московского университета, т. I, в. 2, М., 1903.

³ С. Белозерский. Вересаев перед судом московской науки. М., 1904.

С грубыми выпадами против Вересаева выступил автор одной корреспонденции, помещенной в газете «Одесские новости». «Если хотите серьезного отзыва о книге Вересаева,— писал он,— прочтите „Врачебную газету“... там помещен чудный фельетон, в котором достаточно ясно доказано, что каждый порядочный врач относится с презрением к дегенерату Вересаеву. Печально, что в наше время является такой фрукт, позорящий медицинское сословие...»¹.

Надо отметить, что в основном тон для такого рода критики задал виднейший хирург акад. Н. А. Вельяминов. Выступая на годичном собрании Петербургского медико-хирургического общества 30 ноября 1901 г. с докладом, он полностью отрицал правдивость фактов, приведенных Вересаевым в «Записках врача», самого же автора охарактеризовал как «дикаря» с громадным самомнением, несомненным эгоизмом, носящим в себе все признаки вырождения.

Подмена объективного анализа произведения Вересаева грубыми выпадами против автора вызвала широкую волну протesta в печати. Группа полтавских врачей с глубоким возмущением писала, что можно соглашаться или не соглашаться с выводами автора «Записок врача», но «трудно понять профессора-хирурга, который не постеснялся забрасывать грязью личность автора. А собрание ему, председателю, аплодировало, хотя, казалось бы, никто не должен усомниться в чистоте намерений Вересаева, в его чуткой совести, в его горячем желании посильнno помочь устраниению указываемых им противоречий жизни и ненормальных ее уклонений»².

Реакционный киевский профессор-психиатр И. А. Сикорский не решился на прямую атаку «Записок» и свой удар по этому произведению и его автору направил с «психологических позиций». По его мнению, совершенно незачем даже полемизировать с Вересаевым, который как писатель изобразил в своем произведении не медицину, а художественный образ; показал он его талантливо, эмоционально, однако образ этот воспринял медицину своеобразно и не менее своеобразно отразил ее в своей односторонней душе³.

¹ Одесские новости, 21/XII, 1901 г.

² Там же 8/I 1902 г.

³ И. А. Сикорский. О книге Вересаева «Записки врача». Киев, 1902.

Экскурс проф. И. А. Сикорского в область психологии пришелся по душе его киевскому коллеге — психиатру А. С. Шкляревскому, который писал, что выдуманный Вересаевым в «Записках врача» образ — патологичен, безволен, беспомощен. По мнению этого профессора, такой тип человека далеко не единичное явление в современном обществе и что именно в славянском племени мы встречаем его, может быть, чаще, чем в каком бы то ни было другом...¹. Так «чистая психология» привела «почтенного» профессора к прямой клевете не только на автора, но и на славянские народы.

С брошюрами, содержащими нападки на «Записки врача» и ее автора, выступили Н. В. Фармаковский², М. Л. Хейсин³, Л. Кюльц и др.

Между тем широкая общественность отнеслась к автору «Записок врача» с исключительной теплотой и глубокой симпатией. Почти во всех газетах и общих журналах мы находим выражение этих симпатий. Отражая мнение своих читателей, они писали, что Вересаев правдиво и честно рассказал о волновавших его недостатках, которые имели место в медицине и во врачебной среде.

«Записки врача» по искренности тона, по честности взглядов, по горячей любви к человеку, по святой жалости к людским страданиям — редкая, исключительная книга, — читаем мы в газете «Русское слово». — Чем тут возмущаться врачам? Отчего г. Вельяминов патетически всплескивает руками? Не лучше ли было им указать на эту книгу всей учащейся молодежи и сказать: «Читайте, учитесь понимать свои высшие обязанности в будущем. Смотрите, какое ответственное дело ждет вас впереди, и как к нему готовиться, как работать над медициной и над собой»⁴.

«Блестящим образом новой, художественной публицистики останутся в литературе „Записки врача“ — самое значительное литературное воспоминание о 1901 г.: лучше и сильнее он ничего не произвел ни по страстности тона, ни по красоте формы, ни по глубине и многозначительности содержания. Пылкая профессиональная полемика, разыг-

¹ А. С. Шкляревский. Книга Вересаева перед судом психиатрии. Оттиск из «Киевской газеты», 1902, № 329.

² Н. В. Фармаковский. За и против «Записок врача Вересаева». СПб., 1902.

³ М. Л. Хейсин. К вопросу о врачах. Красноярск, 1902.

⁴ Русское слово, 18/XII 1901 г., стр. 348.

равшаяся вокруг этого произведения, — лучшая ему похвала¹.

Подытоживая общее суждение своих читателей по поводу «Записок врача», газета «Русские ведомости» писала: «Книга г. Вересаева — замечательно правдивое произведение, против которого могут восставать только пристрастные специалисты, недовольные раскрытием тайны, покрывающей их жреческое величие; это — необыкновенно полезная книга, и к автору ее читатели должны чувствовать глубокую благодарность»².

«Что бы ни говорили гг. профессора (имеется в виду выступление Вельяминова. — И. Г.), — читаем мы в журнале „Наблюдатель”, — но книга г. Вересаева — правдивая и печальная книга о наших медиках и медицинской науке... Честные врачи, преданные своему делу, будут благодарны Вересаеву, указавшему на пробелы в самом медицинском образовании и недостатки в корпоративной этике наших врачей»³.

Литературный критик журнала «Мир божий» в своем разборе «Записок врача» отметил, что они подкупают своей искренностью и большими художественными достоинствами, горькой правдой, впервые высказанной в общей литературе громко, но спокойно⁴.

Много лет спустя после опубликования «Записок врача» их прочел писатель П. Боборыкин. Под свежим впечатлением он написал Вересаеву: «Дорогой собрат, Вас, может быть, удивит подпись этого письма!... Оно вызвано чтением Ваших „Записок врача“. Я их в свое время не читал. И только здесь, получая „Ниву“, смог на свободе познакомиться с этой искренней и так ярко написанной исповедью чуткой души русского интеллигента конца 19 века».

Хорошо оценили «Записки врача» передовой ученый и врач В. А. Манассеин и санитарный земский деятель Д. Жбанков. Манассеин, отметив некоторые преувеличения, допущенные автором «Записок», в то же время указал, что произведение это написано очень тепло, правдиво, талантливо.

¹ Россия, 2/1 1901 г., стр. 964

² Русские ведомости, 1901, № 344.

³ Наблюдатель, 1902, № 1.

⁴ Критические заметки. Мир божий, 1902, стр. 1.

Д. Жбанков в своем разборе «Записок врача» указал, что автор дал очень яркую картину врачебного дела, картину очень полезную и поучительную не только для публики, мало сведущей в этом отношении, но и для специалистов. Земские врачи, — указывает далее Жбанков, — как раз меньше всего осуждают писателя. Самые враждебные нападки на него идут почти исключительно со стороны столичных, во всяком случае городских врачей, чуть ли не поголовно частнопрактикующих специалистов¹.

Организованный в 1902 г. в Московском литературно-художественном кружке диспут по поводу «Записок врача» явился яркой и поучительной демонстрацией глубокого уважения передовой части русской интеллигенции к Вересаеву, который смело и открыто поставил злободневные вопросы медицины и лечебной помощи в своей замечательной книге. На диспут явились писатели, журналисты, врачи, профессора. По мысли основных докладчиков Членова и Приклонского, Вересаеву предполагалось нанести сокрушительный моральный удар. Но дело обернулось по-иному. По воспоминаниям лиц, присутствовавших на этом диспуте, выступления докладчиков были встречены более чем холодно, а их оппонентов — бурными овациями.

Сотрудник газеты «Курьер» Сергей-Глаголь, он же доктор Голоушев, по воспоминаниям участников диспута, буквально потряс всех своей речью. Он указал на огромное, неувядаемое значение «Записок врача», которые за короткое время сделались настольной книгой для врачей и студентов-медиков. Книга эта дорога каждому, но прежде всего врачам, потому что он будит их совесть, заставляет думать, как лучше выполнить свой долг перед больным человеком.

Очень тепло было встречено выступление на диспуте старого земского врача Н. И. Долгополова, который во взволнованной речи дал отповедь противникам «Записок врача» и в первую очередь Членову.

Вересаев проживал в это время в Туле, так как Министерством внутренних дел ему было запрещено в течение двух лет проживание в Петербурге и Москве. В его адрес поступало много приветственных писем и телеграмм от людей, которым был близок и дорог этот передовой русский

¹ Д. Жбанков. О врачах. По поводу «Записок врача». М. 1902, № 7, стр. 55.

В. А. Манассеин.

писатель и врач. Телеграммы были получены от Общества кременчугских врачей, от группы врачей-делегатов Пироговского съезда, который происходил в 1902 г. в Москве.

Телеграмма пироговцев очень тронула писателя. В открытом письме к ним он писал, что охватившее его волнение поймет лишь человек, который уже «начал свыкаться с окружающим его лесом яростно сжатых кулаков, и вдруг среди них замечает с приветом протянутую руку... Ваша телеграмма... доказывает, что во врачебном сословии немало людей, приветствующих свободное слово критики и не отворачивающихся от товарища за то, что он посмел громко высказать все недоумения, вопросы и сомнения, которые накопились в его душе...»¹.

Таким образом, противоположность взглядов на «Записки врача» в значительной мере определялась тем, из каких групп русского общества они исходили, чьи интересы затрагивали.

* * *

Успех «Записок врача», этого замечательного литературно-художественного и публицистического произведения, был сенсационен. „Записки врача”, — писал уже под старость Вересаев, — дали мне такую славу, которой без них я никогда бы не имел и которой никогда не имели многие писатели, гораздо более меня одаренные...».

Успех этот удивлял писателя, а временами раздражал: «Назовешь свою фамилию мало-мальски грамотному человеку, — пишет далее Вересаев, — радостно-изумленное лицо:

— Автор „Записок врача”?!

Этот злосчастный автор сопровождал меня всю жизнь. И как радостно становилось на душе, когда вместо этого приходилось слышать: Вы автор „Живой жизни”? Но это бывало очень, очень редко».

Вересаев писал, что не любит этой своей книги, которая, по его мнению, написана неврастенично, вяло, плаксиво. Это критическое замечание писателя дало повод к утверждению, что поскольку такая оценка сделана им в советские годы, то это означает, что он тем самым в значительной мере отрекся от того, что писал в свое время. Так, например, пишет в своей диссертации Р. М. Шацева

¹ Курьер, 14/I, 1902, стр. 14.

Однако такое утверждение не имеет под собой никакой почвы, ибо вслед за критикой особенностей своего произведения Вересаев тут же указывает, что не отказывается от того, что писал в своих «Записках врача», все это писать нужно было, но «можно было выразить мужественнее. И лучше».

Автобиографичны ли «Записки врача»? Они, несомненно, автобиографичны, ибо в этом произведении, по признанию писателя, отражены его думы и настроения, а в значительной мере и его жизнь. Но это все же не автобиография, так как в «Записках врача» отражен опыт и наблюдения и других врачей, с которыми писатель был согласен.

Прошло свыше полувека со времени появления в свет «Записок врача». Очень многое, конечно, изменилось за эти годы. Общественный строй, о котором мог только мечтать Вересаев, когда писал свою книгу, прочно утвердился на значительной части земного шара. Неизмеримо обогатилась за эти годы наука, в частности медицинская. И тем не менее поднятые в «Записках врача» философско-этические проблемы все еще заставляют о многом задумываться. В этом их огромная ценность и в настоящее время.

На «Записки врача» ссылается В. И. Ленин в своей статье «Пророческие слова». Характеризуя «человеков в футляре», «хлюпиков из буржуазной интеллигенции», называющих себя «социал-демократами» и «социалистами», В. И. Ленин пишет:

«Они готовы „теоретически“ допустить революцию пролетариата и других угнетенных классов, наши сладенькие писатели „Новой жизни“ „Вперед“ или „Дела Народа“, только чтобы эта революция свалилась с неба, а не родилась и не росла на земле, залитой кровью в четырехлетней империалистской войне народов, среди миллионов и миллионов людей, измученных, истерзанных, одичавших в этой войне.

Они слыхали и признавали „теоретически“, что революцию следует сравнивать с актом родов, но когда дошло до дела, они позорно струсили и свое хныканье дрянных душонок превратили в злобный перепев злобных выходок буржуазии против восстания пролетариата. Возьмем описание акта родов в литературе, — те описания, когда целью авторов было правдивое восстановление всей тяжести, всех мук, всех ужасов этого акта, например, Эмиля

Золя „La joie de vivre” („Радость жизни”) или «Записки врача» Вересаева. Рождение человека связано с таким актом, который превращает женщину в измученный, истерзанный, обезумевший от боли, окровавленный, полумертвый кусок мяса. Но согласился ли бы кто-нибудь признать человеком такого „индивида“, который видел бы только это в любви, в ее последствиях, в превращении женщины в мать? Кто на этом основании зарекался бы от любви и от деторождения?»¹.

---

¹ В. И. Ленин. «Пророческие слова». Сочинения. Изд. 4-е. Т. 27, стр. 458—459.

ВЕРЕСАЕВ-ВРАЧ

В краткой автобиографии, переданной Г. И. Россолимо, А. П. Чехов писал, что не помнит, почему выбрал именно медицинский факультет, однако тут же добавил, что в этом выборе никогда не раскаивался.

Почему Вересаев, успешно закончив историко-филологический факультет, перешел на медицинский? В своих «Воспоминаниях» писатель объясняет свое поступление на медицинский факультет влечением к наукам точным и знаниям реальным, а главное желанием стать писателем, а писатель, по его мнению, должен хорошо знать человека как в здоровом состоянии, так и во время болезни.

И далее, — объясняет Вересаев, — он трудно сходился с людьми и полагал, что врачебная деятельность облегчит ему такое сближение, позволит наблюдать людей в таких интимных условиях, в каких сторонний их увидеть не может.

И в период подготовки к врачебной деятельности на студенческой скамье, и в процессе ее практического осуществления видно, что Вересаев всегда относился к медицине очень серьезно. Медицина, — указывал он, — теснейшим образом и многообразными путями связана с человеком и требует к себе очень большого внимания; наскоком, кое-как изучать ее нельзя.

С такими мыслями и настроениями начал Вересаев в 1888 г. изучать медицину в Дерпте. Жилось ему в ту пору тяжело, он много занимался, прилежно изучал медицину и в то же время уделял большое внимание литературной деятельности.

В конце 1890 г. Вересаев сдал «полулекарский экзамен»: экзамены по теоретическим дисциплинам — химии, анатомии, физиологии, общей патологии и др.—и перешел на третий курс. Здесь уже вместо отвлеченных наук на первый план предстал перед пытливым и чутким студентом страдающий человек.

Из обучения на младших курсах Вересаев знал о теориях воспалений и опухолей. Теперь, в клиниках, он знакомился уже не с абстрактными болезнями, а увидел людей, страдающих от опухолей, язв и ран. Обилие разнообразных страданий и болезней ошеломило впечатлительного юношу: весь мир начал казаться ему одной сплошной больницей. Везде и всюду видел он больных и болезни, находил их у себя; небольшая родинка под мышкой казалась ему «саркомой», плохой аппетит и повышенная жажда — признаком диабета. Словом, у него проявились все симптомы «болезни студента третьего курса».

Его встревоженное сердце волновали и другие вопросы и сомнения: шел он на медицинский факультет с верой во всемирную медицину, но на практике увидел, что врачи многое не знают и не потому, что они плохие врачи, а потому, что вообще неизвестна природа многих болезней.

Его занимают вопросы — в чем тайна зарождения многих болезней, каков механизм действия лекарств в организме? Ни в учебниках, ни от своих учителей на эти волновавшие его вопросы он тогда ответа получить не мог.

И честный по натуре студент задумывается: можно ли заниматься врачебной деятельностью, если многое не знаешь, когда во всей медицине, как это ему тогда казалось, всего-то и есть, что «два-три действительных средства», а все остальное «латинская кухня»?

И от глубокой веры в медицину, которой он был охвачен, когда поступал на медицинский факультет, он перешел к медицинскому нигилизму, который в дальнейшем откровенно охарактеризовал как «нигилизм полузнаек».

В «Записках врача» Вересаев правдиво рассказал о молодом честном и чутком интеллигенте со всеми обуревавшими его сомнениями и колебаниями. Вот, казалось, студент полон отчаяния и готов оставить даже самую мысль о врачебной деятельности, но несколько примеров удачного «разбора» больных опытным профессором, несколько примеров удачной диагностики неясных, казалось бы совершенно запутанных случаев, производят переворот в со-

знании впечатлительного юноши, и от безверия он переходит к глубокой вере в блестящее будущее медицины.

«Отношение мое к медицине,— пишет Вересаев в „Записках”,— резко изменилось. Приступая к ее изучению, я ждал от нее в сего; увидев, что всего медицина делать не может, я заключил, что она не может делать ничего; теперь я видел, как много все-таки может она, и это „многое” преисполнено меня доверием и уважением к науке, которую я так еще недавно презирал до глубины души».

Я верю в медицину, — утверждает Вересаев устами героя «Записок врача», — хотя знаю, что во многом она беспомощна, многое не знает. Что же, надо, следовательно, учиться, набираться опыта и знаний.

Он с большим усердием и увлечением работает в клиниках, проявляет большой интерес к научной работе, что было отмечено профессором кафедры внутренних болезней С. М. Васильевым. Последний пригласил к себе Вересаева субассистентом. Теперь перед пытливым студентом расширилось поле для наблюдения за больными, он мог следить за течением болезни, писать истории болезни, самостоятельно делать лабораторные анализы.

В этот период Вересаев и написал две научные работы, которые были напечатаны в медицинской прессе¹.

Свои знания и врачебный опыт он обогащает и вне университетских клиник: студентом едет на борьбу с холерой в Екатеринославскую губернию; каждое лето во время каникул он устраивает себе в родном городе Туле «производственную практику»: присутствует на домашних приемах отца, принимает под его руководством больных в лечебнице Общества тульских врачей, посещает больных на дому, что, помимо накопления врачебного опыта, позволило ему как писателю ближе познакомиться с бытом тульской бедноты и мастеровщины.

По окончании университета Вересаев мог бы остаться ассистентом в клинике. Но он решает не работать у Васильева: слишком это был скользкий человек, он любил, чтобы перед ним заискивали, льстили ему. О моральном облике Васильева можно судить по следующей его напутственной речи, которую он произнес перед выпускниками:

¹ «К упрощению способа количественного определения мочевой кислоты по Гайкрафту и «О влиянии воды Вильдунген на обмен веществ». Медицина, Дерпт, 1893, № 17, 27—28.

«Держите повыше перед больным свой авторитет. Для этого требуйте большие денежные гонорары. И уважать вас будут гораздо больше и самим вам будет выгоднее, если с двадцати больных вы возьмете по десяти рублей, чем со ста — по рублю».

Нет, с таким руководителем Вересаеву было не по пути и, сдав одним из лучших государственные экзамены, он в 1894 г. покинул Дерпт и приехал в Тулу.

* * *

Но недолго проработал Вересаев в родном городе. Первые же неудачи на поприще самостоятельной деятельности подсказали ему, что у него мало и опыта, и знаний... Надо доучиваться, и, несмотря на тяжелые материальные условия, он поехал в Петербург, где устроился сверхштатным ординатором в баражной больнице для острозаразных больных имени С. П. Боткина. Быть «сверхштатным ординатором» означало: много работать и за свой труд ничего не получать.

Вересаева упрекали в том, что в «Записках врача» он сильно преувеличивает переживания, которые испытывает студент-медик в годы своего обучения на медицинском факультете, а также молодой врач на первых порах своей самостоятельной работы.

Возможно, что некоторое преувеличение и имело место. Однако, по свидетельству современника Вересаева Д. Жбанкова, Вересаев художественно верно и психологически правильно отобразил в «Записках врача» настроения и переживания своего героя.

«Кто не испытал известного волнения перед первым трупом,— пишет он,— кто не болел „болезнью 3-го курса“, кто не волновался за прописанный рецепт и за первого больного, кто не переживал переход от веры до полного отчаяния в медицине и наоборот, кто, наконец, не испытывал разочарования и тяжелых минут сомнения в бессилии медицины даже в руках наших наилучших учителей?..»¹

Жбанков считает, что «Записки врача» очень ценные именно тем, что, правдиво знакомя с жизнью студентов-медиков и врачей, тем самым помогают правильному пониманию врачебного дела и содействуют установлению нормальных отношений между врачами и обществом.

¹ Д. Жбанков. О врачах Мир божий, 1902, № 7, стр. 57—58.

В баражной больнице имени Боткина перед Вересаевым открылось широкое поле для наблюдений и врачебной деятельности; много работал он в ту пору и как литератор. Ряд произведений, в особенности повесть «Без дороги», опубликованная в 1895 г., принесли ему известность и славу.

Работая в больнице, Вересаев как врач стоит уже тверже на своих ногах, он многое увидел и узнал. Но его все же продолжают занимать злободневные вопросы медицины и раньше всего вопрос: почему так беспомощен врач на первых порах своей самостоятельной врачебной деятельности?

Раздумывая на эту тему, Вересаев приходит к выводу: происходит это потому, что студент изучает много теоретических предметов, которые ему, конечно, знать необходимо, но у него в годы обучения в университете мало практики. Отсутствие практических навыков и делает его таким беспомощным, когда он вступает на стезю самостоятельной работы и встречается лицом к лицу с больным человеком. Учителя не раз говорили студентам, что к каждому больному надо подходить с учетом присущих ему индивидуальных особенностей. Но ведь это золотое правило достигается только при наличии известного опыта, которого у молодого врача нет.

«В течение всего моего студенчества,— пишет Вересаев,— систематически следить за ходом болезни я имел возможность только у тех десяти-пятнадцати больных, при которых состоял куратором, а это все равно, что ничего».

Еще хуже, по его мнению, обстояло дело с хирургической подготовкой будущих врачей. Нередки были случаи, когда студент считал себя счастливым, если ему удавалось проследить ход нескольких операций, проведенных его учителем, так как вокруг больного обыкновенно склонялось несколько голов ассистентов, заслонявших все поле операции. Что же могли они при таких условиях увидеть?

И Вересаев приходит к выводу: студентам нужно предложить более широкие возможности для практических занятий в клинике и поликлинике. Только при таких условиях не будет серьезной проблемы «первой операции», когда молодой врач впервые вне стен клиники самостоятельно оказывает хирургическую помощь.

В этом отношении важно и другое: студенты должны шире практиковаться на трупах, много оперировать на живых

животных; он ссылается на высказывания известного французского физиолога Мажанди, который считал необходимым, чтобы студентов-медиков обучали операциям на животных. «Кто привык к такого рода операциям,— указывал Мажанди,— тот смеется над трудностями, перед которыми беспомощно останавливается столько хирургов».

Многое из того, что Вересаев предлагал в «Записках врача» в области медицинского образования, было правильно для того времени, когда он работал над этим произведением, и теперь уже устарело. В нашей стране, например, в медицинских вузах студенты обучаются теперь не 5, а 6 лет. Кроме того,— и это очень важно,— студенты в обязательном порядке проходят производственную практику в участковой больнице, ведут прием в амбулатории или в поликлинике, т. е. работают в условиях, близких тем, с которыми они будут иметь дело в своей самостоятельной работе. Да и в самих клиниках студенты теперь больше и активнее курируют больных. Большое значение приобретает участие студентов в научно-студенческих кружках, в которых расширяется их врачебное мышление и приобретаются практические навыки.

Неизмеримо далеко шагнула вперед и медицинская наука. Вооруженность теоретическая, практическая и техническая настолько увеличилась, что молодой врач, покидая медицинский институт, не чувствует себя таким беспомощным, каким чувствовал себя выпускник медицинского факультета в годы, когда его покидал Вересаев.

И все же думается, что так остро поставленная в свое время Вересаевым проблема практической подготовки врача полностью не решена и поныне.

Поэтому нам кажется, что многие страницы «Записок врача», посвященные этим вопросам, будут с пользой и интересом прочитаны студентами и их руководителями. Во всяком случае, страницы эти заставят призадуматься над изысканием таких форм и методов организации педагогического процесса, при которых студент-медик получил бы необходимую сумму теоретических знаний и в то же время достаточную практическую подготовку для того, чтобы, покидая стены вуза, успешно выполнять свою благородную и гуманную задачу.

Вересаев поднимает и такой злободневный в те годы вопрос: если медицина так еще беспомощна, а диа-

гнозы часто так шатки и малообоснованы, то чем же она в таких условиях является — наукой или только искусством?

Вересаев считает, что в будущем медицина, несомненно, будет наукой, потому что в ее основе лежат точные методы исследования; она бесспорно часть биологии и теснейшим образом связана с физиологией. Но теперь,— пишет он,— при несовершенстве теоретических знаний в области медицины она пока еще только искусство.

Вересаев был уже свидетелем появления рентгеновых лучей, введения в практику антисептики и асептики, он был свидетелем начала победного шествия Физиологии, биологии и микробиологии; все это открывало новые горизонты перед медицинской наукой и радовало врача Вересаева.

Теперь, когда врачи вооружены материалистическим учением великого физиолога И. П. Павлова и на службу человеку ставятся могучие силы расщепления атома, замечательные антибиотики и химиопрепараты, когда все дело медицинской помощи построено так, чтобы наилучшим образом лечить широкие народные массы, мы в значительной мере приблизились к тому идеалу будущего, о котором мечтал передовой писатель и врач-гуманист Вересаев.

В «Записках врача» писатель уделяет большое внимание так называемым ошибкам врача: он приводит примеры, как неопытность, неосторожность врача приводят к трагическим последствиям. Вот в результате неудачной операции больная погибла от перитонита (воспаление брюшины). На вскрытии патологоанатом подтвердил диагноз и показал студентам кусок вырезанной кишки со зловещей ранкой, окруженной гнойным налетом. Эта небольшая ранка и погубила больную.

В своем заключении профессор указал, что при той массе сращений и перемычек, которыми изобиловала опухоль, заметить такое поражение было нелегко, и в столь тяжелых операциях ни один самый лучший хирург не может быть гарантирован от несчастных случайностей.

Да, ошибки возможны в любой специальности,— рассуждает Вересаев,— но нигде они так не ощущимы, как в медицине, где имеешь дело с человеком, и поэтому надо делать все, что в силах врача и медицины, чтобы ошибок было как можно меньше.

На вопросах, связанных с ошибками врача, часто останавливали свое внимание корифеи медицины. Вспомним, с

какой страстью ставил этот вопрос Н. И. Пирогов в первом томе своих «Анналов». В предисловии ко второму тому «Анналов хирургического отделения Дерптской клиники» он вновь возвращается к этой теме и требует от хирургов анализа каждой допущенной ими ошибки; более того, он настаивает на возведении познавания ошибок в особый раздел науки.

«Исходя из того утверждения, основанного на изучении духа нашего искусства в том, „что мы должны ошибаться“, — пишет он, — практические ошибки, в том числе и грубейшие, надо рассматривать не как нечто постыдное и наказуемое, но как нечто неизбежное. Надо поспешил признать свои ошибки перед соратниками и прежде всего постичь механизм ошибок»¹.

Свыше 30 лет тому назад выдающийся советский хирург и ученый Петр Александрович Герцен предостерегал своих коллег от вредных увлечений в их практической деятельности, чтобы не повредить больному.

«Хирурги, несомненно, достойны восхищения, — писал он, — в желании поскорее, сию минуту помочь страждущему человеку в корне извлечь из тела больного причину болезненных состояний. Эта спешка, этот порыв свидетельствует о настоящей энергии хирургов.

Из этого, — указывает далее Герцен, — не следует, однако, что за излишком энергии мы имели бы право скрывать слишком поверхностное, поспешное отношение к делу...».

Так же, как и Пирогов, Герцен требует честного и своевременного признания своих ошибок, как в выборе средств, так и в методах лечения.

«Не бойтесь в хирургии честного отступления в том случае, если вы убедились, что вы на ложном пути. Более углубленное изучение поставленной перед нами проблемы сторицей окупает нашу разумную осторожность и позволяет нам во всеоружии двинуться по научному пути. Нам не нужны безумные, отвратительные скачки, сулящие масу страданий и горы жертв»².

¹ Annalen der chirurgischen Abtheilung des Clinicumis der Kais Universität Dorpat, herausgegeben von Nikolaus Pirogoff, II. Jahrgang, Dorpat, 1839, S. 7.

² П. А. Г е р ц е н. Наболевшие мысли о хирургии. Вестник современной медицины, 1927, № 8, 9.

Осторожное, вдумчивое и бережное отношение к больному является непреложным законом для каждого советского врача, который работает в стране, где человек окружен огромной заботой и вниманием. Но мы знаем, что ошибки все же бывают, порой они неизбежны: следовательно, долг врачей и ученых сделать все от них возможное, чтобы ошибки встречались все реже и реже.

Предостерегая врачей от ошибок, Вересаев в то же время посвящает немало страниц в защиту тех из них, которые нередко становятся жертвами тяжких обвинений потому лишь, что им не удалось вылечить больного. «Да, уж правды в подобных случаях не жди ни от кого! — восклицает он.— Врач должен быть богом, не ошибающимся, не ведающим сомнений, для которого все ясно и все возможно... И горе ему, если это не так, если он ошибся, хотя бы не ошибиться было невозможно...».

* * *

Итак, по мере накопления опыта и знаний, Вересаев все больше и больше проникается оптимистической верой в будущее медицины и высокое призвание врача. И как не верить,— указывает он,— когда то и дело видишь, что она дает ему возможность часто самым незначительным приемом или назначением предотвратить тяжелую болезнь? Нет, я верю в медицину,— пишет он,— и мне глубоко жаль тех, кто в нее не верит...

Это искреннее признание — лучший ответ критикам, которые так безосновательно считали, что Вересаев всегда страдал «врачебным нигилизмом и пессимизмом».

Сомнения и колебания, которые у него были, как мы видели, обычно разрешались оптимистической верой в медицину и благородную роль, которую выполняет врач, носитель этой гуманинейшей профессии. «Бунт» первых лет сомнений, неверия и смятенных чувств прошел для Вересаева. «Да, медицина дает еще не так много, как того хотелось бы,— указывает он,— к тому же я — не талант, а рядовой, средний врач. Но если в искусстве в данный момент нет Толстого или Бетховена, то можно обойтись и без них; но больные люди не могут ждать, и для того, чтобы всех их удовлетворить, нужны десятки тысяч Толстых и Бетховенов. Это невозможно. А в таком случае так ли уж бесполезны мы, ординарные врачи?»

Надо только отказаться от мысли, что деятельность врача состоит в спокойном, беззаботном отношении к своему делу,— указывает Вересаев,— а к каждому новому больному подходить с неослабевающим сознанием новизны и непознанности его болезни, непрерывно и напряженно искать и работать над собой, ничему не доверять, никогда не успокаиваться.

Духом высокого гуманизма проникнуто отношение Вересаева к больному. «Надо быть с ним всегда честным,— пишет он,— хотя и не всегда ему можно сказать правду; всегда следует думать о том, чтобы поднять его дух, вселить больному веру в исцеление, завоевать его доверие к себе, изобретать, фантазировать, создавать хорошее, бодрое настроение».

* * *

В «Записках врача» Вересаев поднимает ряд вопросов, в которых проявляется известная двойственность в подходе к решению поставленных проблем. Так, например, Вересаев-врач хорошо понимал, что без живосечения не может успешно развиваться медицинская наука.

«Живосечения для медицинской науки необходимы,— пишет Вересаев в „Записках врача“,— против этого могут спорить только очень невежественные или очень недобросовестные люди...».

И несмотря на такую категоричность, Вересаев-писатель посвящает вивисекции много талантливо написанных, но сентиментальных строк, которые значительно ослабляют определенность этих высказываний.

То же можно сказать и в отношении обучения на трупах: Вересаев-врач понимает, что обучение на трупах крайне важно и для медицинского образования, и для раскрытия неясных сторон в медицине. В то же время Вересаев-писатель приводит яркие примеры, из которых можно заключить, что вскрытие часто является глумлением над чувствами близких умершего.

Когда Вересаев работал над «Записками врача», в клинику на излечение поступали главным образом больные из несостоятельных слоев населения, ибо богатые имели все возможности для того, чтобы пригласить к себе на дом лучших специалистов.

В настоящее время клиники являются средоточием лучших медицинских сил страны, они имеют совершенную

аппаратуру для самых тонких методов исследования, диагностики и высококвалифицированного лечения. В связи с этим и отношение больных к клиникам коренным образом изменилось: они идут туда с доверием, уверенные, что получат нужную им квалифицированную медицинскую помощь.

Или взять весьма остро поставленный Вересаевым вопрос о естественном чувстве стыдливости у пациентов клиник, которые вынуждены обнажаться перед студентами и преподавателями во время обследования. Писатель приводит немало примеров, которые показывают, что во многих случаях это чувство стыдливости игнорировалось, подавлялось.

Является ли этот вопрос в настоящее время актуальным? Думается, что нет, уже хотя бы потому, что у нас имеется сейчас огромная армия женщин-врачей.

И тем не менее страницы, посвященные писателем-врачом этому вопросу, напоминают о необходимости проявления большого такта и деликатности во время осмотра или клинического разбора больного перед аудиторией, чтобы не оскорбить чувство стыдливости, которое у многих очень обострено, и тем самым не нанести больному моральную травму.

ВЕРЕСАЕВ И ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВЬЯ

По творческому пути, таланту, литературному мастерству Чехов и Вересаев отличны друг от друга, но многое их объединяет и прежде всего — социальный подход к проблемам здравоохранения в буржуазном обществе. Писатели-демократы и врачи-гуманисты, они с большой остротой показывают в своих произведениях, что массовые заболевания, преждевременная старость и высокая смертность — прямой результат тяжелого, изнурительного труда, безысходной нужды и бескультурия широких народных масс.

Доктор Королев («Случай из практики») едет к большой дочери владелицы текстильной фабрики Ляликовой. Капиталистическая фабрика рисуется ему как громада мрачных корпусов. Кругом тишина. Но доктор понимает, что это только снаружи все тихо и спокойно, — внутри же корпусов непроходимое невежество и тупой эгоизм хозяев, однообразный нездоровий труд рабочих, дрягги, водка, насекомые.

Уже в этих первых, беглых впечатлениях доктора зримо видишь, как подневольный, непосильный труд на этой фабрике физически и морально уродует рабочих. Это особенно раскрывается в дальнейших раздумьях Королева:

«Тысячи полторы-две фабричных работают без отдыха, — думает он, — в нездоровой обстановке, делая плохой ситец, живут впроголодь и только изредка в кабаке отрезвляются от этого кошмара; сотня людей надзирает за работой, и вся жизнь этой сотни уходит на записывание штрафов, на брань, несправедливости, и только двое-трое,

так называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсем не работают и презирают плохой ситец»¹.

Сквозь призму размышлений врача показывает Вересаев тяжелую, безрадостную жизнь трудящихся. В «Записках врача» доктор рассказывает о своих пациентах: к нему на прием приходит прачка с экземой рук, ломовой извозчик с грыжей, прядильщик с чахоткой. Чем может он помочь им? Прописать порошки и мази, посоветовать, чтобы у прачки не мокли руки, чтобы ломовой извозчик не поднимал тяжестей, а прядильщик избегал пыльных помещений? Но доктор прекрасно понимает, что пациенты поблагодарят его за советы и лекарства, но объяснят ему, что дела своего не бросят, так как им нужно жить.

За все время, что доктор ведет прием в типографии, он ни разу не встречал наборщика-старика, не встречал здесь людей с седыми волосами. Почему? Да потому, что свинцовая пыль сводит людей в могилу до появления седины. То же и с прядильщиками. Из статистики, которую он приводит, видно, что из ста человек свыше сорока лет живут только девять, из женщин, занятых на обработке волокнистых веществ, дольше сорока лет живет только шесть.

Тяжел и опасен был труд шахтеров. Вот как писатель рисует его в очерках «Подземное царство». «...По проходу быстро, как кошка, прополз на четвереньках рабочий, таща за собой на веревке нагруженные углем санки. Это — „саночник“; всю свою двенадцатичасовую упряжку он ползет назад и вперед по норе в двадцать пять сажен длиною, отвозя на себе уголь из лавы в продольную, где вагонщики нагружают этот уголь в вагончики; человек обращается в четвероногое».

К теме тяжелого труда шахтеров Вересаев возвращается в рассказе «Мертвая дорога». Он показывает рабочего шахтера, одержимого идеей создать «планты» здоровой вентиляции в шахтах, где час посидишь и начнешь «черной харковиной плевать».

Во хмелю переплетчик Андрей Иванович («Два конца») говорит наборщику: «Вы трудящие люди и мы трудящие люди!.. Об вас Некрасов сказал: „Вы все здоровьем хлопки, все зелены лицом!“ Почему? Потому что вам приходится дышать свинцовой пылью... Мы —

¹ А. П. Чехов. Случай из практики. Сочинения. Т. VIII. М., 1931, стр. 470.

золотообрезчики, мы дышим бумажной пылью... И нам, и вам в чахотке помирать».

Так разными средствами художественного и публицистического воздействия писатели Чехов и Вересаев одинаково убедительно повествуют о том, как в буржуазном обществе в погоне за прибылью идет процесс безжалостной эксплуатации трудящихся, расхищения их сил и здоровья и притом не только в сфере труда, на производстве, но и в быту.

Мрачная картина предстает перед доктором из «Записок врача» во время посещения больной папиросницы. Его пациентка с двумя детьми занимала угол в комнате — семь шагов в длину и шесть в ширину. И жило здесь шестнадцать человек! В комнате было настолько мало воздуха, что лампа чадила и коптила, не находя кислорода. Тяжелый и как будто влажный воздух был полон кислым запахом детских испражнений, махорки, керосина...

Вересаев показывает в своих произведениях тяжелую жизнь безземельного и малоземельного крестьянства, трагизм их жизни.

К доктору за помощью обратился мужик с жалобами на одышку. При осмотре у больного оказалось острое крепозное воспаление легких. Было совершенно непонятно, как мог он добести до врача. На предложение немедленно пойти домой и лечь, больной с изумлением ответил:

«— Что ты, барин, как можно? Нешто не знаешь, время какое? Время страдное, горячее. Господь-батюшка погодку посыпает, а я лежать? Что ты, господи, помилуй! Нет, ты уж будь милостив, дай капелек, ослобони грудь.

— Да никакие капли тебе не помогут, если пойдешь работать! Тут дело не шуточное,—помереть можешь!

— Ну, господь милостив, зачем помирать? Перемучусь как-нибудь. А лежать нам никак нельзя: мы от этих трех недель весь год бываем сыты.

С микстурою врача в кармане и с косою на плече крестьянин пошел на свою полосу и косил рожь до вечера. Вечером он лег на межу и умер от отека легких».

Приведенный писателем эпизод убедительно показывает, как тяжелая нужда, страх за завтрашний день и неграмотность отодвигали у миллионов тружеников деревни дореволюционной России на задний план вопросы здоровья и самой жизни.

Вересаев рассказал нам о трагической жизни маленьких тружеников — детей без детства, которых бедность родителей рано гонит на заработки. С большой художественной правдой и публицистической страстью повествует он следующее в «Записках врача» о мальчике-сапожнике Ваське, которого наблюдал:

«Изредка по праздникам ко мне приходит на прием мальчишка-сапожник из соседней сапожной мастерской. Лицо у него зеленовато-бледное, как заплесневевшая штукатурка; он страдает головокружениями и обмороками. Мне часто случается проходить мимо мастерской, где он работает,— окна выходят на улицу.

И в шесть часов утра, и в одиннадцать часов ночи я вижу в окошко склоненную над сапогом стриженнюю голову Васьки, а кругом него — таких же зеленых и худых мальчиков подмастерьев; маленькая керосиновая лампа тускло горит над их головами, из окна тянет на улицу густою, прелою вонью, от которой мутит в груди. И вот мне нужно лечить Ваську. Как его лечить? Нужно прйти, вырвать его из этого темного, вонючего угла, пустить бегать в поле, под горячее солнце, на вольный ветер, и легкие его развернутся, сердце окрепнет, кровь станет алою и горячею...».

Но доктор этого сделать не может... И Вересаев показывает, как беспомощен врач в буржуазном обществе перед лицом тех противоречий, с которыми он каждодневно встречается.

Царская Россия занимала «почетное» место среди других стран по высокой смертности, в особенности детской. С большой реалистической правдой раскрывает писатель причины этого позорного явления. Когда доктор посетил больную папироносницу у нее на дому, на него из всех углов глядели восковые, странно неподвижные лица ребят, с кривыми зубами, куриной грудью и искривленными конечностями.

В «Записках врача» приводятся данные обследования доктора Виллерме мюльгаузенских ткачих. Оказалось, что 50% детей этих работниц погибало, не дожив 15 месяцев. Виллерме уговорил фабриканта разрешить работницам оставаться после родов дома в течение шести недель с сохранением содержания; и этого оказалось достаточно, чтобы смертность грудных детей без всякой помощи медицины сразу уменьшилась вдвое.

По цензурным условиям Вересаев ссылается на мюльгаузенских ткачих, но всякий понимал, что не лучше, а пожалуй, хуже было положение женщин в царской России, где они не пользовались отпусками до и после родов, что подрывало их здоровье и вызывало высокую смертность среди детей раннего возраста.

Все эти факты и наблюдения приводят писателя к грустным выводам: идет грубая, громадная и могучая жизнь, которая делает слепую, жестокую работу, а где-то далеко, внизу, в ее ногах, копошится бессильная медицина, устанавливая свои гигиенические и терапевтические «нормы». Но даже и эта несовершенная медицина в условиях буржуазного общества доступна только богатым.

«Медицина есть наука о лечении людей,— пишет он.— Так оно выходило по книгам, так оно выходило и по тому, что мы видели в университетских клиниках. Но в жизни оказывалось, что медицина есть наука о лечении лишь богатых и свободных людей. По отношению ко всем остальным она являлась лишь теоретической наукой о том, как можно было бы вылечить их, если бы они были богаты и свободны».

Где же выход из этих противоречий? На этот вопрос Вересаев отвечает: если врач не чиновник врачебного дела, а подлинный врач, он должен прежде всего бороться за устранение тех условий, которые делают его деятельность бессмысленною и бесплодною; он должен быть общественным деятелем в самом широком смысле слова, он должен не только указывать,— он должен бороться и искать путей, как провести свои указания в жизнь.

Вересаев понимал и другое: врачам надо бороться не в одиночку, а вместе со всеми трудящимися России. Писатель верит, что в будущем обществе исчезнут причины, порождающие высокую заболеваемость, преждевременную старость и высокую смертность.

* * *

Таким образом, социальная направленность писателя Вересаева при решении им проблем оздоровления народных масс не вызывает сомнений. Однако по-иному обстоит дело, когда Вересаев пытается философски осмыслить проблемы здоровья народных масс, взаимоотношения природы и человека, природы и медицины.

Вересаеву близок взгляд эллинов на тело и душу человека, гармоническую их взаимосвязь. По его мнению, дорога человека к этой гармонии и счастью лежит на пути познания законов природы и подчинения им: «Природу побеждает тот, кто ей подчиняется». Если человек поймет эти законы и будет следовать им, тогда лишними окажутся и «одностороннее» лечение, и «односторонняя» профилактика. Тогда будут сильные, счастливые и здоровые люди, и они будут рождаться «от сильных и здоровых женщин, которые не будут знать ни акушерских щипцов, ни хлороформа, ни спорыни».

Но на пути к гармоническому развитию человека стоят, по мнению писателя, большие трудности и прежде всего — физическое несовершенство человека.

«Человек,— указывает Вересаев,— застигнут настоящим временем в определенной стадии своей эволюции, с массою всевозможных недостатков, недоразвитий и пережитков; он как бы выхвачен из лаборатории природы в самый разгар процесса своей формирования недоделанным и незавершенным».

По силам ли человеку, науке, медицине исправить все эти недостатки и «недоделки» природы? На этот волновавший Вересаева вопрос он дает по сути дела отрицательный ответ; объясняется это тем, что Вересаев фактически стоял на позициях «свободного естественного отбора» и был противником «чрезмерного вмешательства медицины в жизнь».

Вот что читаем мы, например, в «Записках врача»: у женщины узкий таз, она не может родить, это грозит гибелью ей и ребенку. Приходит медицина и спасает мать и ребенка. Но зато после этого будут нарождаться женщины с узким тазом.

Медицина приходит на помощь больному ракитом, сифилисом, туберкулезом. И все эти спасенные медициной, но ослабленные люди, скрещиваясь со здоровыми, вызывают общее ухудшение расы.

Следовательно, медицина не только не делает слабого сильным, но и сильных делает слабыми и стремится всех людей «превратить в жалкие, беспомощные существа, ходящие у медицины на помочах».

На пути гармонического развития человека стоит и другой враг — подстерегающие его на каждом шагу болезни.

И, по мнению Вересаева, нужны какие-то необычные условия для того, чтобы болезнь стала действительно «случайностью». При настоящих же условиях, указывает он, болеют все: бедные — от нужды, богатые — от пресыщения и довольства; работающие — от напряжения, бездельники — от праздности. Во всех людях с самых ранних лет гнездится разрушение, организм начинает разлагаться, не успев развиться.

Прекрасным представляется Вересаеву будущее человечества в общественном смысле: каждый сможет исполнять все предписания гигиены и каждый заболевший получит полную возможность пользоваться всеми достижениями науки. Но и в этом прекрасном будущем, по мнению Вересаева, процесс физического развития будет протекать крайне односторонне: будет развиваться интеллект, физически же человек будет регрессировать; он все более будет терять положительные качества, унаследованные от природы.

Для того чтобы этого не было, писатель считает необходимым, чтобы все больше развивался не только мозг, но и мышцы человека, чтобы у него были «изощренные органы чувств, ловкое и закаленное тело, дающее возможность действительно жить с природой одною жизнью, а не только отдыхать на ее лоне в качестве изнеженного дачника».

В будущем имеется, по-видимому, в виду социалистическое общество, человек будет меньше трудиться физически и сможет выполнять все предписания гигиены. Но это, по мнению писателя, неминуемо приведет к тому, что вместо мускулов у человека будет жир; ненаблюдательной и близорукой станет его жизнь — без общения с природой, без широких горизонтов. Не без иронии рисует Вересаев человека будущего, который вследствие постепенной атрофии органов чувств вынужден будет ходить с флакончиком сгущенного кислорода, находясь в помещении, кутать руки и лицо, вставлять в нос обонятельные пластинки, а в уши — слуховые трубы.

Не случайно поэтому Вересаев приводит высказанную Дарвином мысль, что человечеству грозит в будущем вырождение вследствие постепенного отмирания естественного отбора.

Вересаев считает, что культура, если ее блага станут доступны всем, сможет благотворно влиять на физиче-

ское развитие человека. Но культуру, рассуждает он, также необходимо воспринимать в тесной связи с природой и всячески заботиться о том, чтобы сохранить долгими веками выработанные старые положительные качества.

В физическом развитии дикарей, далеких от культуры и близких к природе, в силу естественного отбора Вересаев усматривает положительные черты. У них сильные зубы,— рассуждает доктор из «Записок врача»,— а 80% культурных людей поражены костоедой зубов. У дикарей прекрасное зрение, медицина же подставляет глазукультурного человека очки. На Огненной Земле Дарвин видел с корабля женщину, которая кормила ребенка, в то время, как мокрый снег таял на ее груди и на теле ребенка. А пройдется современный человек утром по росе — и простудится, поспит на голой земле — и окажется калекой на всю жизнь.

Сила, выносливость, приспособляемость к внешним условиям жизни у дикарей являются следствием естественного отбора, в то время как среди культурных людей этот закон отмирает, а медицина, указывает Вересаев, этому способствует.

Автор в «Записках врача» прямо указывает, что с культурой регрессирует образ человека, создавшийся путем долгого и трудного развития. И чем больше будет преуспевать медицина, тем больше будет идти это ухудшение.

Вересаев-врач не мог не знать о модных в середине XIX века идеях известного представителя французской школы психиатров Мореля о вырождении, обусловленном наследственными влияниями, точно так же, как Вересаев-писатель не мог не знать о взглядах, получивших отражение в произведениях литературного апостола этих идей — Эмиля Золя.

В рассуждениях Вересаева мы находим отголоски идеалистических взглядов Вейсмана на вопросы вида и наследования, а также увлечения модными в свое время взглядами реакционного французского философа Бергсона, который утверждал, что развитие интеллекта, разума задерживает развитие человека в других направлениях.

Выдвигая на первый план фактор биологический и воспринимая дарвинизм догматически, Вересаев в своих философских рассуждениях упустил из виду тот чрезвычайно важный факт, что в обществе, где навсегда

исчезнет эксплуатация человека человеком, исчезнет и опасность одностороннего его развития и что только в таком обществе будут созданы все условия для гармоничного развития людей.

Неправильная концепция привела Вересаева в этом вопросе к тому, что будущее физического развития человека он представлял себе как некий стихийный процесс: он недооценивал того обстоятельства, что социалистическое государство будет исключительно заинтересовано в оздоровлении народных масс, в «смягчении», «выправлении» в ряде поколений патологических процессов, с которыми человек вступил в жизнь, либо же приобрел их на своем жизненном пути.

Нет, не беспомощным стоит человек в социалистическом обществе перед природой. Вооруженный наукой, он проникает в тайны природы, познает ее законы, активно подчиняет ее интересам каждого отдельного человека и всего общества в целом.

Вересаев понимает, что «благодетельная» роль естественного отбора стоила отсталым народам неисчислимых жертв, когда массовые эпидемии, точно ураган, проносились над селениями, сметая все слабое, неустойчивое со своего пути. И ему порой кажется, что всех этих ужасов не будет, если оправдаются надежды на искусственную иммунизацию, которая поможет людям бороться с врывающимися в их организм микробами и ядами.

Эта как будто вскользь брошенная мысль в «Записках врача» показывает, что Вересаеву были знакомы страстные споры, которые велись в те годы между отдельными гигиенистами и микробиологами.

Победное шествие микробиологии в последней четверти XIX века, выразившееся в открытии новых возбудителей инфекционных болезней и предохранительных против них прививок, породило среди некоторых ученых убеждение, что именно в них, в прививках, заложено верное средство против болезней. Р. Кох, например, в своей работе, посвященной открытию возбудителя туберкулеза, прямо заявил, что неправы те, которые считают, будто бугорчатка является следствием «плохих социальных условий... Предупредительных мер собственно против самой бугорчатки,— указывает он,— наука о здравоохранении еще не знает, но в будущем борьба с этим страшным врачом человеческого рода будет вестись не с чем-то неопре-

деленным, а с известным паразитом, условия жизни которого по большей части уже изучены и могут быть еще более разработаны»¹.

Взгляды эти нашли большую поддержку в кругах реакционной буржуазии, которая полагала для себя более выгодным все сводить к прививкам и дезинфекциям. Для представителей буржуазии это оказывалось важным и по соображениям чисто политическим, так как они совсем не были заинтересованы в том, чтобы вскрывать социальные причины массовых заболеваний.

Против этих взглядов резко выступили сторонники санитарно-гигиенического направления; не отрицая значения бактериологии, они указывали, что прививки и дезинфекция — только вспомогательное средство, основное же заключается в проведении широких оздоровительных мероприятий; только при этих условиях, по их мнению, и будет покончено с туберкулезом и другими социальными болезнями.

Такую точку зрения горячо отстаивал на II съезде русских врачей в память Пирогова в 1887 г. Ф. Ф. Эрисман. «Меры, состоящие главным образом в санитарном улучшении местных условий,— сказал он в своем докладе,— выключаются легкомысленно (я не нахожу другого слова) за борт ради какой-то бессмыленной „ловли запятых” и ради дезинфекции холерных извержений, на которых, по мнению бактериологов-фанатиков, должно сосредоточиться внимание санитарного персонала в борьбе с названной болезнью! Ради такой фантасмагории отрицается польза санитарной статистики — единственную рациональной основы наших общественных мероприятий»².

В этих спорах обе стороны проявили известную односторонность. Гигиенисты, недооценивавшие роль бактериологии в развитии гигиены, были неправы и в такой же степени, как были неправы и представители «бактериологического» течения, готовые забыть огромную важность широких оздоровительных мероприятий в борьбе за здоровье широких масс населения.

В советской гигиене нет и не может быть противоречий в этом вопросе, ибо в ней органически слиты

¹ Р. Кох. Этиология бугорчатки. Международная клиника, 1882. № 6, стр. 18, 19.

² Труды II съезда русских врачей в память Н. И. Пирогова. Т. 1, Отдел гигиены. М., 1887, стр. 18—28.

общественная направленность и современная техническая вооруженность гигиенической науки и практики.

Таким образом, надежды Вересаева на «универсальную иммунизацию» как на важнейший фактор в борьбе с болезнями, которые «всюду подстерегают человека в его жизни», показывают, что в своих философских рассуждениях он приближался к сторонникам Коха и его школы. Конечно, микробиология оказала огромную услугу человечеству и немало услуг ему окажет и в дальнейшем, но мы все же знаем, что дело не только в прививках, (которые, разумеется, нужны), ибо оздоровление широких народных масс зависит от совокупности многообразных форм воздействия на человека внешней среды и раньше всего — от социальных условий его жизни.

Вересаев как писатель-реалист это понимал и в своих произведениях объективно показал, что высокая смертность и заболеваемость зависят от тяжелых условий жизни человека.

Но эта социальная направленность, как мы видели, изменила ему, когда он попытался с неверных философских позиций осмыслить будущее физического развития человечества.

Вересаев придавал большое значение сочетанию физического и умственного труда. Вспоминая студенческие годы, доктор в «Записках врача» рассказывает, что каждое лето во время каникул, живя в деревне, он работал с утра до вечера: пахал, косил, рубил дрова. И в этом тяжелом труде он познавал счастье бодрой усталости во всех мускулах, хороший аппетит и крепкий сон.

О том, что Вересаев придавал большое значение единению умственного труда с физическим, сообщила автору настоящей книги В. М. Нольде: «Викентий Викентьевич почти до последних дней своей жизни работал на огороде и в цветнике. Он считал, что ему лучше пишется, если он работает физически. Викентий Викентьевич говорил, что для людей умственного труда голова — их „инструмент“, который надо очень беречь. А для этого необходимо не перегружать мозг, упражнять все тело, тогда и голова будет лучше работать».

Отдавая должное труду в физическом и умственном развитии человека, Вересаев в то же время несколькоironически относился к роли и значению физических упражнений в этом развитии. «Если физический труд найдет

себе применение только в спорте, лаун-теннисе, гимнастике и т. п.— пишет он,— то перед скучою такого „труда“ окажутся бессильными все увершания медицины и все понимание самых людей».

Такое скептическое отношение к физическим упражнениям неправильно. Теперь уже наукой и практикой доказано, что не только труд, но и физическая культура и спорт являются эффективными средствами длительного сохранения молодости, здоровья и долголетней активной жизни человека.

Если физкультуру и спорт проводить с учетом состояния здоровья человека, его возрастными и другими особенностями, они укрепляют и тренируют все органы и системы и тем самым являются источником телесной радости, мышечной свежести, энергии и жизнерадостности. Недаром физкультура приняла в нашей стране всенародный характер.

Большую важность физических упражнений для здоровья человека и его работоспособности понимал гений нашей литературы Л. Н. Толстой.

«При усидчивой умственной работе,— указывает великий писатель,— без движения и телесного труда сущее горе. Не походи я, не поработай я ногами и руками в течение хоть одного дня, вечером я никуда не гожусь: — ни читать, ни писать, ни даже внимательно слушать других, голова кружится, а в глазах звезды какие-то, и ночь проводится без сна»¹.

В письме к Н. А. Лейкину Антон Павлович Чехов сообщил ему из Сум Харьковской губернии, где он отдыхал у Линтваревых в 1888 г.: «Я ежедневно катаюсь на лодке и с каждым разом убеждаюсь все более и более, что работа веслами упражняет мышцы рук и туловища, отчасти ног и шеи и что таким образом эта гимнастика приближается к общей».

Огромное значение труду и спорту придавал гордость нашей науки И. П. Павлов. «Всю мою жизнь я любил и люблю умственный труд и физический и, пожалуй, даже больше второй,— писал он незадолго до своей смерти, 31 декабря 1935 г., горнякам.— А особенно чувствую себя удовлетворенным, когда в последний вносил какую-нибудь

¹ Цит. по книге И. М. Саркисова-Серазини «Путь к здоровью, силе и долгой жизни». М., 1954, стр. 55.

хорошую догадку, т. е. соединял голову с руками. Вы попали на эту дорогу»¹.

В возрасте 80 лет Павлов ездил на велосипеде, играл в городки, работал в саду. Спорт и физический труд доставляли ему, как он выражался, «мышечную радость».

Теперь станет понятным, почему спорт и физическая культура приняли в нашей стране всенародный характер и стали важным фактором оздоровления масс.

---

¹ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений. Изд. Академии наук СССР, 1951, т. I, стр. 21.

ВЕРЕСАЕВ И ВОПРОСЫ ВРАЧЕБНОЙ ЭТИКИ

Писатель большой общественной совести, откликавшийся в своих произведениях на острые вопросы современности, поднимает в «Записках врача» волновавшие его проблемы врачебной этики и морального облика врача. Немало страниц посвящает он разоблачению буржуазной морали, мириющейся с поступками врачей, несовместимыми с их благородной, гуманной профессией.

Многое, о чем с возмущением писал Вересаев, до сих пор имеет место в буржуазных странах: и теперь там существует говор между аптекарями и врачами, когда последние в корыстных целях без всякой нужды прописывают больным дорогостоящие лекарства; и теперь там имеет место нездоровая реклама врачей, конкуренция между ними, в отдельных случаях стремление затянуть лечение болезни, чтобы побольше выжать гонорара от пациента. Нередко врачебные корпорации противятся осуществлению самых скромных профилактических начинаний, если они ведут к снижению заболеваемости и тем самым к сокращению их частной практики.

Недавно английская общественность была взволнована сообщениями печати о судебном процессе над доктором Джоном Адамсом¹. Что же взволновало англичан? Из хода судебного разбирательства выяснилось, что доктор Адамс специализировался на лечении... состоятельных старушек. После того как его богатые пациентки записывали в своих завещаниях на его имя солидную сумму денег, он фактически умерщвлял их, вводя большие дозы

¹ Отравленный золотым ядом «Огонек», 1957, № 6.

наркотиков. Смерть в этих случаях была столь же безболезненной, как и преждевременной.

Так, общество, построенное на незыблемой основе частной собственности, где высшим мерилом всех ценностей являются деньги, порождает врачей-убийц.

Читая об аморальных поступках врачей в буржуазном обществе, как не вспомнить слова «Коммунистического манифеста»: «Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих наемных работников»¹.

Вересаева часто упрекали в том, что в своих высказываниях он уделяет много внимания интересам человека, в то время как самым важным и решающим должны быть интересы коллектива. Но писатель поясняет: есть два рода колLECTIVизма — колLECTIVизм пчел, муравьев, стадных животных, первобытных людей и тот колLECTIVизм, к которому мы стремимся. В первом случае личность, особь — полнейшее ничто, во втором — личности должны быть созданы все возможности для широкого и всестороннего развития.

Однако ставя вопрос о колLECTIVизме, к которому мы стремимся в современном обществе, Вересаев при этом не подчеркивает, что в буржуазном обществе эти стремления неосуществимы по той простой причине, что для широких трудящихся масс там не могут быть созданы возможности для развития их индивидуальных стремлений. Такую возможность они приобретают только в социалистическом обществе, где личные интересы совпадают с интересами общественными.

Вересаев занимает правильную позицию в вопросе о врачебной тайне: он готов «жертвовать» интересами личности для блага коллектива, в то время как его противники отстаивали в этом вопросе антиобщественную, индивидуалистическую точку зрения. С позиции буржуазной морали, например, врач не имеет права нарушить тайну больного. Таких взглядов придерживался даже передовой врач и ученый В. А. Манассеин, к мнению которого прислушивалась вся медицинская общественность России.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Госполитиздат. М., 1949, стр. 35.

В газете «Врач» он приводил такие примеры сохранения врачебной тайны, которые советскому человеку покажутся просто дикими. Так, при обследовании железнодорожного машиниста частный врач обнаружил, что его пациент страдает дальтонизмом, т. е. заболеванием, при котором глаз утрачивает способность различать некоторые цвета, чаще всего зеленый и красный цвета, применяемые в железнодорожной сигнализации. Врач предложил больному переменить профессию, но тот заявил, что работу машиниста не оставит, так как не имеет другой специальности.

Что же делать? Промолчать — это может привести к катастрофе. А заявить нельзя: врач обязан сохранять врачебную тайну. И Манассеин приходит к выводу: само железнодорожное начальство повинно в том, что не проводит осмотров машинистов. Сообщить же о болезни машиниста — значит совершить по отношению к нему предательство.

Или такой случай. К парижскому профессору-медику обратился за советом жених его дочери. Обследовав больного, он установил у него сифилис. Естественно, что профессор заявил претенденту на руку его дочери, что мужем ее стать он не может. Но молодой человек ответил, что от невесты не откажется, а он, отец, будучи врачом, по закону обязан сохранить врачебную тайну. «Ничего не поделаешь, вы правы, — заявил профессор, — нарушить тайну я действительно не могу. Но знайте, при первой же встрече я публично дам вам пощечину. Таким образом, свадьба все равно расстроится».

Печатая эту корреспонденцию, Манассеин отметил остроумный выход, к которому прибегнул профессор.

Как же решает вопрос о врачебной тайне Вересаев? В предисловии к «Запискам врача» он по этому поводу пишет: «Где сохранение врачебной тайны грозит вредом обществу или окружающим больного лицам, там не может быть и речи о сохранении врачебной тайны... Если же сохранение тайны никаким общественным вредом не грозит, то врач обязан сохранить вверенную ему больным тайну...».

В этом же предисловии Вересаев критикует Н. А. Семашко, который в своем выступлении на диспуте в январе 1928 г. заявил: «Мы держим курс на полное уничтожение врачебной тайны. Врачебной тайны не должно

быть. Это вытекает из нашего основного лозунга, что „болезнь — не позор, а несчастье“. Но, как и везде, в наш переходный период мы и в эту область вносим поправки, обусловленные бытовыми пережитками. Каждый врач должен сам решать вопрос о пределах этой «тайны».

На диспуте, о котором пишет Вересаев, предметом обсуждения была нашумевшая в то время своей незддоровой сенсационностью книга врача Л. Фридлянда «За закрытой дверью»; фактически споры свелись главным образом к вопросу о врачебной тайне.

На этом диспуте, помимо Н. А. Семашко, выступили и другие ученые.

«Доктор Фридлянд, — сказал, например, на диспуте проф. Р. М. Фронштейн, — рассказывает о следующем эпизоде: к нему пришла невеста справиться о здоровье X. Но доктор, желая сохранить врачебную тайну, не сказал, что жених болен гонореей, в результате — заражение. Плох врач, так решающий вопросы врачебной тайны. Если ко мне придут близкие больного, на их прямой вопрос, могут ли они подвергнуться опасности заражения, я скажу прямо всю правду без боязни нарушить врачебную тайну...».

«Книга Вересаева „Записки врача“ написана сентиментально, но она безусловно полезная книга, — сказал в своем выступлении на диспуте проф. А. П. Иордан. — А вот книга „За закрытой дверью“ написана живо и пикантно, но она безусловно вредная книга...».

Все эти споры велись около 30 лет назад. Многое изменилось за эти годы. Теперь в нашей стране никто не решится открыто выступить с требованием сохранения врачебной тайны при всех условиях. Позиция Н. А. Семашко по вопросу о врачебной тайне была в дальнейшем более четко определена им в «Очерках по теории организации здравоохранения». «...Вопросы так называемого сохранения врачебной тайны, — писал он, — над которыми столько лет ломали себе головы буржуазные медики и юристы, столько исписали бумаги, для советского врача решаются просто: интересы коллектива выше интересов отдельного лица.

Врач обязан хранить тайну, доверенную ему пациентом, иначе подрывается моральная связь с больным. Но если сохранение тайны грозит интересам окружающих, коллектива, врач не дол-

жен связывать себя тайной¹ (разрядка на-
ша.—И. Г.).

В своей подавляющей массе советские врачи соблюдают это правило, чутко относятся к больному, всячески оберегают его от волнений, излишних переживаний. Но все же и теперь бывают случаи, когда врач порой без особой к тому нужды разглашает тайну, которую он знает о больном. Следует помнить, что каждое неосторожное слово врача может вызвать болезненную реакцию у больного и нанести вред его здоровью.

В своих философско-этических рассуждениях, которыми так насыщены «Записки врача», Вересаев уделяет много внимания опыту на людях. Медицина должна совершенствоваться и обогащаться,— указывает он,— практический опыт и врачебное мышление врача должны вырабатываться наблюдениями у постели больного, изучением литературы, опытами на животных в физиологических лабораториях, в прозекторских на трупах, где мертвые помогают лечить живых. Без вскрытий не может выработать хороший врач, совершенствоваться медицинская наука. Наряду с этим Вересаев с возмущением приводит многочисленные примеры, когда врачи для решения медицинских проблем прибегают к опытам на людях.

Говорят, что без жертв не может быть прогресса науки, в особенности медицинской. Но эти жертвы,— указывает Вересаев,— могут иметь место лишь в том случае, если они являются результатом свободного проявления собственной воли человека, который их сознательно приносит.

Большой список людей—жертв таких опытов, которые приводит писатель, показывает, что на практике с этим критерием считались мало.

Тайный советник фон Ринекер высказал мысль, что венерические болезни следует изучать путем опытов на людях, так как животным такие заболевания неприсущи. Реализуя мысль своего шефа, его ассистент Макс Бокгарт привил чистую культуру гонококка больному, страдавшему прогрессивным параличом, и заразил его гонореей. Другой врач, Эрнст Бумм, привил чистую культуру гонококка двух женщинам.

¹ Н. А. Семашко. Очерки по теории организации здравоохранения. М., 1947, стр. 44.

Заразительно ли молоко женщины, больной сифилисом? Для решения этого вопроса доктор Фосс привил молоко больной сифилисом трем проституткам. В свое оправдание он сослался на то, что опыты были произведены с согласия женщин. Цена такому «согласию» станет ясной, если учесть, что старшей проститутке было всего 16 лет!

В газете «Врач» сообщалось, что группа американских врачей подвергла восемь человек укусам комаров, зараженных желтой лихорадкой. Из подвергшихся опыту двое умерли, трое находились при смерти. Американские врачи также утверждали, что опыты были проведены с согласия людей, получивших за это вознаграждение.

Эти примеры показывают, что, прибегая к острым опытам на людях, врачи в одним случаях используют их беспомощность, в других — невежество, в третьих — тяжелую нужду.

В большинстве случаев самым «убедительным» аргументом в защиту таких опытов было то, что они производились во имя «прогресса медицины».

В блестящем аргументированном ответе своим критикам Вересаев разоблачает лицемерие сторонников опытов на людях, прикрывавшихся разговорами о «прогрессе науки и медицины». С возмущением указывает он на позорное замалчивание этого явления медицинской общественностью и медицинской прессой. Только русская газета «Врач», отмечает Вересаев, систематически выступала против каждой попытки экспериментирования на людях. И именно в этом органе прогрессивной медицинской мысли прозвучал призыв: восстать против подобных опытов, какими бы поучительными сами по себе они ни были.

Надо, однако, указать, что после смерти Манассеина в феврале 1901 г. и газета «Врач» отошла от своей позиции в этом вопросе. Таким образом, борьба газеты против превращения людей в «подопытных животных» являлась в значительной мере заслугой передового ученого, врача и общественного деятеля Манассеина.

Возникает вопрос: актуальна ли вообще эта проблема в наши дни?

Да, в СССР и в странах лагеря социализма возможность таких фактов исключена; тем не менее трагически события, имевшие место в годы Великой Отечествен-

ной войны и во время войны в Корее, показывают, что проблема эта не только существует, но и приобрела особо зловещий характер. И если совесть Вересаева возмущали отдельные случаи экспериментов на людях, то как же должна возмутиться совесть каждого честного человека, когда весь мир узнал о массовых чудовищных экспериментах, которые проводили фашистские немецкие врачи над военнопленными, используя здоровых людей в качестве подопытных животных!

Поднимая вопрос о недопустимости опытов на людях, Вересаев пишет, что к чести врачебной корпорации в целом к таким опытам прибегало лишь незначительное меньшинство врачей. «Сотня-другая врачей, — указывает он, — видящих в больных людях лишь объект для своих опытов, не дает еще права клеймить целое сословие, к которому принадлежат эти врачи».

В истории мировой медицины немало ярких примеров героического отношения врачей к своему долгу, к науке. В 1862 г. в «Еженедельной газете» сообщалось, что в Италии проф. Пелиццари привил трем врачам — Борджиони, Рози и Пассельи — кровь больной сифилисом. Профессор был против таких опытов, он долго отговаривал врачей от этого шага. Но они были настойчивы в своем стремлении выяснить интересовавший их вопрос и применили опасный опыт на себе.

У врача Борджиони через 2 месяца после прививки появились головные боли по ночам, общая сыпь, опухоль железы. Десять дней спустя стала заживать первая язва на руке, и только после этого мужественный врач приступил к ртутному лечению сифилиса, которым он добровольно заразил себя.

Такое благородно-жертвенное отношение к решению неясных сторон медицины особенно характерно для русских ученых, для которых оно стало благородной традицией.

В 90-х годах прошлого века в Индию пригласили для борьбы с чумой и холерой русского ученого В. М. Хавкина, который работал в то время в Париже у Пастера.

Разработанная Хавкиным вакцина против холеры спасла десятки тысяч человеческих жизней. Здесь же, в Индии, он изготовил вакцину против чумы. Но ученого при этом тревожил вопрос: не может ли эта вакцина, в которой содержатся убитые микробы чумы, вместо

предупреждения от этой страшной болезни стать ее причиной? И он решил испытать вакцину на себе самом. Через несколько часов после прививки у него повысилась температура и он ощутил острое недомогание. Но это была лишь реакция, вызванная вакциной.

В. М. Хавкин чумой не заболел. Медицинская наука и практика здравоохранения получили верное средство предупреждения против чумы.

Летом 1910 г. на борьбу с чумой выехала в Харбин экспедиция, которую возглавил видный русский эпидемиолог Д. К. Заболотный. Участникам экспедиции приходилось работать в условиях, полных лишений и опасностей, с которыми они сталкивались буквально на каждом шагу — в фанзах, куда приходили лечить больных, при дезинфекции пожитков бедняков.

Дорого заплатила за свое геройство горсточка мужественных борцов со страшной болезнью: от чумы погибли некоторые участники экспедиции. Пренебрегая опасностью, русские врачи до конца выполнили свой долг и покинули Харбин, лишь одержав победу над эпидемией.

Пытливый ученый Заболотный поставил перед собой и другую проблему: доказать, что вакцина из убитых холерных вибрионов дает иммунитет против этого заболевания. Для этого он и его помощник проф. И. Г. Савченко сделали себе прививки против холеры, после чего выпили разводку, содержащую живых микробов этой болезни. Заболотный и Савченко остались живы. Такой же опыт проделал на себе великий русский ученый И. И. Мечников, который в 1892 г. выпил чистую культуру холерных возбудителей.

Так, благодаря русским ученым мир получил подтверждение иммунности холерной вакцины.

За пределы нашей родины был направлен на борьбу с чумой молодой советский врач Н. К. Завьялова. Во время работы она заразилась чумой. Выздоровев, она решила проверить, являются ли переболевшие невосприимчивыми к этому заболеванию. Завьялова входила в лабораторию, где находились зараженные чумой морские свинки, без всяких мер предосторожности и вскоре почувствовала знакомый озноб, острое недомогание.

Но болезнь протекала на этот раз менее остро и выздоровление наступило быстрее. Так, с риском для жиз-

ни, Нина Кузьминишина Завьялова обогатила науку новыми сведениями об этом страшном заболевании.

Луи Пастер предложил прививку против бешенства, но против нее восстали многие ученые Западной Европы и Америки, которые доказывали, что прививкой можно вызвать заболевание, но никак не предупредить его. Тогда русский ученый Н. Ф. Гамалея привил себе эту вакцину. Это была первая в мире прививка против бешенства человеку. Его примеру последовал одесский врач Я. Ю. Бардах. Прививки ученым вреда не принесли. Мир узнал, что в споре прав был Пастер, а не его противники.

Много человеческих жизней уносил возвратный тиф. Но долго не знали происхождения этого тяжелого заболевания. Когда был открыт возбудитель болезни — спирохета возвратного тифа, в Западной Европе нашлось немало ученых, и среди них Рудольф Вирхов, которые отнеслись к этому открытию весьма скептически.

В январе 1874 г. одесский врач Г. Н. Минх ввел себе под кожу кровь больного возвратным тифом. Минх тяжело заболел, и на все уговоры лечиться неизменно отвечал, что ему важно проследить типическое течение заболевания. В постели, с высокой температурой, пытливый и смелый ученый записывает все свои наблюдения. Минх выздоровел. Благодаря его героизму было подтверждено, что именно спирохета является возбудителем возвратного тифа. Опыт Минха дважды повторил на себе И. И. Мечников.

Долгое время врачи не знали путей распространения сыпного тифа и методов борьбы с ним. В той же одесской больнице, где Минх поставил на себе опыт, изучая возвратный тиф, друг этого ученого О. О. Мочутковский привил себе 10 марта 1876 г. кровь сыпнотифозного больного, ибо было высказано предположение, что именно в крови гнездится возбудитель этого заболевания.

Через 18 дней Мочутковский тяжело заболел и был на грани жизни и смерти... Медицинской науке стало теперь известно, что возбудитель сыпного тифа находится в крови больного.

Изучая пути передачи среднеазиатской лихорадки, советский ученый Н. И. Латышев дважды заражал себя этой болезнью, подвергаясь укусам зараженных клещей. Смелый ученый тяжело заболел. Но его опыты доказали,

что клещи являются переносчиками особого вида среднеазиатской лихорадки.

Под палящими лучами горячего южного солнца Н. И. Латышев, его жена А. П. Крюкова и небольшой состав экспедиции проводили свои наблюдения в полупустыне Туркмении. Тысячи трудностей приходилось преодолевать советским людям, чтобы проследить пути передачи пендинской язвы. Н. И. Латышев путем долгих поисков, наблюдений и лабораторных исследований установил, что в распространении этого заболевания важную роль играют москиты и грызуны-песчанки.

Можно привести еще очень много примеров благородного, мужественного отношения русских ученых к своему долгу. Вспомним хотя бы самоотверженный поступок ординатора Военного госпиталя И. И. Дуброво, который, по исследованиям писателя Л. Гроссмана, является прототипом чеховского героя рассказа «Попрыгунья» — Осипа Дымова¹. 20 марта 1883 г. он был приглашен к больной дифтерией. Высасывая из гортани больной дифтерийные пленки, он заразился и через несколько дней погиб.

Образ Дуброво привлек к себе внимание не только Чехова, но и Л. Н. Толстого. Собираясь выпустить портреты выдающихся и незаметных русских людей с текстом об их деятельности, Толстой первым назвал имя доктора, отдавшего свою жизнь для спасения больного.

Борьба выдающегося писателя-демократа и врача-гуманиста В. В. Вересаева с пережитками буржуазной морали в дореволюционной России, его гневный протест против недопустимых методов экспериментирования на людях, страстный призыв его к гуманному отношению к человеку, в особенности к больному человеку, — все это проявление той же благородной традиции русских врачей.

---

¹ Л. П. Гроссман. Чехов о подвиге русского врача. Советское здравоохранение. 1954, № 4, стр. 7—11.

ВЕРЕСАЕВ И ЗЕМСКАЯ МЕДИЦИНА

Глубоко народные писатели и врачи Чехов и Вересаев часто возвращались к теме земской медицины и земских врачей, которые по характеру своей деятельности ближе всего стояли к народу, к крестьянским массам.

В галерее чеховских персонажей мы видим земского врача Соболя («Жена»), Кирилова («Враги»), доктора Астрова («Дядя Ваня»), Ивана Ивановича («Княгиня»), Овчинникова («Неприятность») и ряд других.

Галерею земских врачей вывел в своих произведениях и Вересаев. С большой художественной правдой и искренним сочувствием рассказывают Чехов и Вересаев о тяжелых буднях этих скромных тружеников, которые, по образному выражению Э. П. Соловьева, «вносили в земское дело и неподдельную любовь, и искреннюю преданность, и горячую убежденность». И как часто случалось, что не благодарность они встречали за свой нелегкий труд, а равнодушие, порой враждебность со стороны земских управлений-помещиков.

Моральный облик и социальную природу многих из них с большой социальной остротой вскрыл великий сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин.

«Как заглянешь к нему в душу, — писал он, — ... а там крепостное право засело. Спрашивается, какие идеалы могут волновать души этих людей? Очевидно, идеалы крепостного права. Какие воспоминания могут освещать их постылые существования? Очевидно,

воспоминание о крепостном праве. При нем они были сыты и вдобавок пользовались ручным боем¹.

Вот такого рода земские «деятели» и позволяли себе глумиться над врачами, третировать их.

В повести «Без дороги» доктор Чеканов рассказывает о следующем эпизоде. Однажды председатель управы послал ему записку такого содержания: «Председатель управы желает видеть земского врача Чеканова; обедает у князя Серпуховского».

Тон записки покоробил доктора своей бесцеремонностью, и он ответил: «Земский врач Чеканов не желает видеть председателя управы и обедает дома».

Чеканов был признан «наглым фрондером» и вскоре должен был оставить врачебный участок.

Другой пример. В кругу радикально настроенной молодежи земский врач Голицынский («На повороте») рассказывает: вызвал как-то земский начальник врача в приют к больному. При осмотре мальчика врач установил у него гнойный плеврит, назначил лечение и собирался уходить. Но земский начальник предложил доктору сделать дезинфекцию.

— Дезинфекция не нужна — болезнь незаразительная, — урезонивал земский врач.

— А я требую! — настаивал земский начальник.

Выслушав это нелепое требование, доктор только и мог сделать, что пожать плечами и уехать.

Земский начальник написал жалобу в управу: в приюте-де открылась заразная болезнь, а врач отказывается сделать дезинфекцию. Началась переписка, следствие. Вскоре врача перевели на другой участок «...для улучшения местных отношений».

Молодежь этот факт глубоко взволновал и возмутил.

«— Как же реагировали другие земские врачи на совершенное над их товарищем беззаконие? — спросили Голицынского.

На этот вопрос доктор с грустью ответил:

— Дело, изволите ли видеть, в том, что куска хлеба лишишься. А на другое место пойдешь, будет не лучше. Вот, причина простая».

Так было, конечно, не всюду. Известны случаи, когда врачи вступались за своего товарища, заявляли земству

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма к тетеньке. СПБ, 1882. стр. 96—97.

коллективные протесты, покидали в знак протesta работу и даже объявляли место уволенного под бойкотом. Такие факты имели место в Воронежской, Костромской и Пермской губерниях.

В «Записках врача» Вересаев показывает, к каким последствиям приводят порой врача тяжелые условия его жизни.

Земского врача Петрова вызвали к больному, но поехать он не смог потому, что был в это время пьян. Дело вскоре приняло широкую огласку, и Петрова земство уволило.

И вот сидит он, понурив голову, у своего приятеля и рассказывает ему про свою беду: «У нас была тогда ярмарка; амбулаторный прием в такие дни громадный, пришлось принять около двухсот человек, ты-то поймешь, что это значит. А в ночь перед этим позвали на роды в Щегловку, воротился домой как раз к приему, только стакан чаю и успел выпить...».

Вечером, оглушенный и измотанный трудом за день, он и напился пьяным.

«Идет этак неделя за неделей, месяц за месяцем,— жалуется Петров,— треплют тебя во все стороны,— так, брат, иной раз замутит, что и на свет не глядел бы..., выпьешь, как следует,— непременно так, чтобы в похмелье быть, как в аду,— ну, и опять свеж и бодр...».

Вересаев не осуждает своих героев — земских врачей, а относится к ним с искренним сочувствием; они как бы говорят обществу: вот, посмотрите, до чего же доводят у нас на Руси честных и по природе своей хороших людей!

Да и как их осудишь? Вот сидит тот же земский врач Петров и с тоской в голосе рассказывает о своих тяжелых буднях. «Ты, брат, не знаешь, что такое земская служба... Со всеми нужно ладить, от всякого зависишь. Больные приходят, когда хотят, и днем и ночью, как откажешь? Иной мужик едет лошадь подковать, проездом завернет к тебе: нельзя ли приехать, баба помирает. Едешь за пять верст: «Где больная?» — «А она сейчас рожь ушла жать...». Участок у меня в пятьдесят верст, два фельдшерских пункта в разных концах... Спиши и ешь черт знает как. И это изо дня в день, без праздников, без перерыву. Дома сынишка лежит в скарлатине, а ты поезжай... Крайне тяжелая служба!».

Так жили и трудились в глухих углах царской России земские врачи Петров и Чеканов и сотни им подобных. И не то их порой угнетало, что много и трудно приходилось работать,—оскорбляла зависимость от тупых, невежественных людей, в руках которых находилась власть, дело медицинской помощи крестьянскому населению, да и судьба самих врачей.

В «Записках врача» Вересаев приводит интересную статистику доктора Гребенщикова, характеризующую причины смертности среди русских врачей. По этой статистике оказывается, что 37% русских врачей вообще и около 60% земских врачей в частности умирало от разных болезней. В голодный 1892 г. из всех умерших земских врачей половина умерла от сыпного тифа. По данным того же Гребенщикова, за 1889—1892 гг. самоубийства составляли 3,4% вообще и более 10% среди всех земских врачей.

О таких же примерно фактах сообщает в своих «Записках врача-общественника» врач-большевик С. И. Мицкевич; он приводит немало фактов, которые показывают, что в результате тяжелых условий, в которых жили и работали земские врачи в ту пору, многие из них опускались, запивали, нередки были случаи самоубийств; процент самоубийств среди врачей был самым большим среди всех профессий России¹.

Большой заслугой писателей-врачей Чехова и Вересаева является то, что своими правдивыми рассказами о неприглядной жизни земских врачей они привлекли к ним внимание русского общества.

* * *

Высокое чувство гражданственности и подлинного героизма проявили многие земские врачи в годы, когда страну посещали массовые эпидемии.

Голодный 1892 год... С Поволжья надвигалась холера... В этом году молодой писатель, тогда еще студент-медик Юрьевского университета Вересаев, поехал на борьбу с этой эпидемией в Донецкий бассейн, где два ме-

¹ С. И. Мицкевич. Записки врача-общественника. М., 1947, стр. 61.

сяца заведовал холерным бараком недалеко от Юзовки. Работал он, как это отметило рудничное управление в особой грамоте, с большой энергией, самоотвержением, чем внушил к себе доверие населения.

Доктор Чеканов («Без дороги»), отражающий в значительной мере эту работу Вересаева на холере, его думы и настроения, едет на борьбу с эпидемией и записывает в свой дневник: «А наши медики дружно и весело идут в самый огонь навстречу грозной гостье. Сколько силы чутается, сколько молодости и отваги. Хорошо становится на душе...».

Как восторгался Чехов врачами и интеллигенцией, которая в том же 1892 году работала на холере в Нижнем. «Я ужасался от восторга, читая про холеру,— писал Антон Павлович А. Суворину. ...Жаль, что Вы не врач и не можете разделить со мной удовольствие, т. е. достаточно прочувствовать, осознать и оценить все, что делается».

Высоким духом гуманизма проникнуты деятельность и высказывания писателей и врачей Чехова и Вересаева, активных участников борьбы с холерой. С большой реалистической правдой рассказывают они о безысходной нужде народных масс в голодные годы и с их неизбежными спутниками — эпидемиями, нищетой, разорением и отчаянием. В этой атмосфере особенно тяжело работалось врачам. Они понимали, что прежде всего нужно было на-кормить здоровых, чтобы сделать их более устойчивыми против заражения, но пособий едва хватало на то, чтобы не дать им умереть с голоду...

«И вот, — рассказывает доктор Чеканов, — одного за другим валила страшная болезнь, а врачи стояли перед нею со своими лекарствами...».

Далекий от идеализации народа, Вересаев с суровой правдивостью рассказывает в своих произведениях о случаях, когда во время эпидемий невежественная и озлобленная толпа срывала свое горе на медицинских работниках. В повести «Без дороги» описывается следующий эпизод.

Позвали к больной старухе врача. При осмотре оказалась дизентерия. Доктор прописал больной лекарства и, кроме того, карболки, чтобы выплыть в отхожее место. Но старухе жаль стало «лекарствия» и она выпила стаканчик раствору. К вечеру она уже лежала под образами.

«Назавтра приезжает доктор: собрался народ, окружил его и начал расправу; били его, били, — насилиу полиция отняла...».

Самоотверженно работал Чеканов на холере... Но вот поползли слухи, что доктора отравляют колодцы, чтобы народу стало меньше; только один колодец врачи оставили — для себя...

И однажды пьяная толпа избила помощника Чеканова фельдшера Степана Бондырева, а затем до полусмерти избила самого доктора, потому что «такая теперь уже мода пошла,— докторов и фершалов бить».

В сценах избиения пьяной толпой фельдшера и Чеканова Вересаев в известной мере отразил собственные переживания, когда заведовал холерным бараком в Вознесенском руднике в Екатеринославской губернии. Помощник Вересаева, бывший шахтер Степан Бараненко, был жестоко избит, сам же Вересаев случайно уцелел.

Отражение темы холерных бунтов мы находим в ряде произведений русских писателей. Замечательны зарисовки в сатирическом рассказе Н. С. Лескова «Импровизаторы».

«Когда летом 1892 года, в самом конце девятнадцатого века, появилась в нашей стране холера, — читаем мы в „Импровизаторах”, — немедленно же появилось и разномыслие, что надо делать. Врачи говорили, что надо убить запятую, а народ думал, что надо убить врачей».

«Следует добавить, — продолжает Лесков, — что народ не только так „думал“, но он пробовал и приводить это в действие. Несколько врачей, старавшихся убить запятую для лучшей пользы делу, были сами убиты».

С присущей Лескову сатирической публицистичностью передает он в этом рассказе все разнообразие слухов, которыми питались невежественные массы и которые сводились к одному: причиной холеры являются врачи и убивать их — дело справедливое.

В рассказе «Супруги Орловы» Горький рисует грязный дом купца Петунникова, к которому «подобралась» холера. В доме живет беднота и среди нее супруги Орловы — вечно пьяный сапожник Григорий и жена его Мотря.

Темные и озлобленные обитатели этого дома поверили, что медицинские работники не борются с холерой, а распространяют ее, чтобы простого народа стало поменьше.

Но сколько наивной простоты и доверия к медикам проявляют эти же люди, когда они на деле убеждаются в том, что они — их друзья!

Студент-медик, посетивший супругов Орловых, очень им понравился и своим открытым лицом, и душевной простотой.

« — Этот-то действительно хороший... располагающий к себе, — говорит о нем Мотря. — А другие, прочие, кто их знает? Может, и впрямь наняты они...

— Для чего наняты-то и кем опять же? — воскликнул Григорий.

— Для людского истребления... Говорят, что бедного люда много, и вышло распоряжение травить лишних, — сообщила Матрена.

— Кто это говорит?

— Все говорят. Стряпка от маляров говорила и другие многие говорили...»¹.

Точно так же, как выздоровевший от холеры шахтер Бондырев стал верным помощником доктора Чеканова во время борьбы с этой эпидемией, так и Григорий, и Мотря переродились, когда во время работы в холерном бараке они увидели, что делают хорошее, нужное народу дело. Особенно это относится к жене Григория Мотре.

Рассказывая о посещении дома купца Петунникова студентом-медиком, Горький не случайно выводит на первый план внушительную фигуру полицейского, который как бы символизирует полицейские методы борьбы с этой страшной в те годы эпидемией.

Борьба с холерой мерами административными, полицейскими носила порой явно провокационный характер. Об этом убедительно рассказывает В. Г. Короленко в очерках «В холерный год». С возмущением пишет он о том, как бессмысленно игнорировала полиция ясные и законные требования жизни: «Стоило врачам в Самаре и Саратове указать на то, что квас надо варить из кипяченой воды, как все квасные посудины на пристанях внезапно, точно бурей, были опрокинуты полицией, и тысячи бурлаков вынуждены были пить грязную воду прямо из волжских затонов, как будто она была кипяченая; и всюду, где строился холерный барак, перед населением вставал призрак принудительного, при содействии полиции,

¹ А. М. Горький. Супруги Орловы. Т. II, М., 1930, стр. 22.

водворения в это учреждение даже сомнительных больных и заболевших другой болезнью...

В результате в Астрахани, в Царицыне, в Саратове и в более мелких городах и поселках население жгло холерные больницы и бараки...»¹.

Об этом же свидетельствует С. И. Мицкевич:

«...Погромы эти были вызваны нелепейшими распоряжениями администрации, вызвавшими панику и вместе с тем крайнее озлобление населения, направленное на ни в чем неповинный врачебный персонал. Началось с задержки в карантине десятков судов на Каспийском море на „девятифутовом рейде“ близ Астрахани. Пароходы были задержаны, а доставка провианта и пресной воды на место карантина не была налажена. Началась массовая гибель людей от холеры, от голода и жажды...»².

Вересаев указывает, что «холерные бунты» часто являлись следствием существовавшей в те годы разобщенности между населением и медицинскими работниками.

Избитый толпой и умирающий Чеканов с горечью вспоминает об учиненной над ним жестокой расправе.

«Они били меня, — записывает он в свой дневник, — как забежавшую бешеную собаку, — меня, против которого ничего не могли иметь. Пять недель работал среди них, каждым шагом доказывал свою готовность помогать и служить им, я не смог добиться с их стороны простого доверия...».

Анализируя причины этого явления, Чеканов приходит к выводу: виной тому разобщенность с народом. «Я в пять недель думал уничтожить то, что создавалось долгими годами, — записывает он в свой дневник. — С каких это пор привыкли они встречать в нас друзей, когда видели они себе пользу от наших знаний?...» (разрядка наша.— И. Г.).

И с глубокой грустью Чеканов констатирует: «Мы всегда были им чужды и далеки, их ничего не связывало с нами. Для них мы всегда были людьми другого мира...».

¹ В. Г. Короленко. Сочинения. Очерки «В холерный год». Т. III, изд. Маркса, 1914, стр. 414.

² С. И. Мицкевич, Записки врача-общественника. М., 1947, стр. 29.

Недоверие к врачам часто порождалось низким уровнем медицинской помощи, в особенности в больницах Приказа общественного призрения. По воспоминаниям С. И. Мицкевича, смертность в больницах была настолько велика, что крестьяне называли их «морилками». К этому следует добавить и то, что с уездными врачами, которые часто по совместительству являлись главными врачами этих больниц, крестьянская масса встречалась во время их приездов на вскрытие трупов в самоубийц. «Приезды эти, — пишет С. И. Мицкевич, — влекли для крестьян ряд расходов и поборов, и крестьяне с омерзением и страхом относились к „лекарям-потрошителям“»¹.

И когда в земский период появились отдельные врачи, которые стали жить среди народа и для народа, стена недоверия, создававшаяся в течение многих десятилетий, стала исчезать: народ признал в этих врачах близких себе людей.

Повествуя о холерных бунтах, Вересаев показывает, что они часто провоцировались кулачьем, которое во время эпидемии стремилось натравить темные, голодные и озлобленные массы на медицинских работников. Так, в Туле, — вспоминает Вересаев, — когда приближалась холера, началась спешная подготовка к борьбе с ней. Но в это время в городе начали распространяться зловещие слухи, будто в эпидемии повинны врачи.

«Мучник-лабазник Растворгувев всячески убеждал народ не чистить ям и держаться подальше от докторов.

— Холера от кого — от бога идет? Ну, и уповай на бога, молись, кайся в грехах. А для них (врачей. — И. Г.), что бог, что помойная яма — все одно».

Так, используя невежество и религиозное чувство масс, кулак Растворгувев пытался сорвать борьбу с холерой и повернуть массы против врачей.

В своих «Воспоминаниях» Вересаев рассказывает и о том, как незадолго до своего отъезда на холеру в Донбасс он получил письмо от брата, в котором сообщалось, что в Юзовке произошел страшный холерный бунт, в котором приняли участие шахтеры. Для подавления бунта были вызваны казаки.

¹ С. И. Мицкевич. Записки врача-общественника. М., 1947, стр. 57.

В результате было перестреляно около 200 рабочих и из строя выбыло 27 казаков.

Когда Вересаев приехал на место работы, он установил, что в Юзовке во время усмирения рабочих холеры еще не было, кровопролитие же произошло на почве требования шахтеров повысить расценки и улучшить жилищные условия.

Власти, — подчеркивает писатель, — оказалось выгоднее выставить расправу с рабочими как усмирение холерного бунта.

* * *

Врачи являются героями многих произведений Вересаева, но показывает он их обычно не в условиях профессиональной деятельности, а главным образом как выразителей общественно-политических течений интеллигенции дореволюционной России. Только в «Записках врача» и повести «Без дороги» Вересаев показывает врачей, непосредственно занятых лечебной работой.

Образ центрального героя «Записок» — доктор, от лица которого ведется повествование, чрезвычайно сложен, порой противоречив, но всегда искренен и правдив.

В этом произведении автор не только отразил проблемы медицины и здравоохранения, которые занимали и волновали его, но героя его сделал выразителем дум и чаяний радикально-революционной интеллигенции того времени, их ненависть к самодержавному строю, стремление к обществу, построенному на началах социальной справедливости.

Спокойно-эпическое повествование доктора становится страстным, когда ему кажется, что совершается несправедливость в отношении человеческой личности, или когда необходимо отстаивать близкие его сердцу мысли.

Смелая постановка жизненных проблем, желание до конца разобраться в них, правильно решить их, философские раздумья врача вызывали острые споры, призывали самостоятельно мыслить, никогда не удовлетворяться достигнутым, учили высокогуманному отношению к больному, к человеку.

Созданный Вересаевым образ врача, его гуманизм, бескорыстие имели огромное воспитательное значение и во многом помогли формированию морального облика советского врача.

Мотивы преданности своему долгу передовых земских медицинских работников дает Вересаев и в рассказе «В глухи», написанном в первые годы советской власти.

«...Трети сутки, — читаем в этом рассказе, — не могла разродиться крестьянка. Дело шло к трагической развязке — могли погибнуть мать и ребенок. Спасение было только в операции — наложении щипцов. Об этом и сказала старику-крестьянину фельдшерица. Но место действия в «глухи», где среди населения царят еще темнота, невежество, предрассудки. Вот почему старик решительно заявил:

— Нет, на это нашего согласу нету!

Когда же после долгих уговоров он сдался, то все же с угрозой заявил:

— Хорошо, гражданка, согласны! А только если помрет баба от ваших щипцов, мы доктора отсюда живым не выпустим.

Что же делать? — с беспокойством думала фельдшерица. — Не оказать помощи — неминуемо погибнут женщина и ее ребенок. Сделать неудачную операцию — погибнет любимый ею доктор».

...Серьезная операция, проведенная врачом в необычных условиях — в комнате избы, за стенами которой стояли настороженные и недружелюбно настроенные крестьяне, прошла удачно; мать и ее ребенок были спасены. И тот самый старик, который недавно еще грозил доктору смертью, если роженица погибнет, опустился перед ним на колени от переполнившего его чувства благодарности.

В этом маленьком рассказе виден не только самоотверженный труд медицинских работников. В нем писатель как бы указывает русской интеллигенции, и врачам в первую очередь, на их святой долг — нести в народные массы свет и знания, чтобы исчезли «глухие углы», исчезли темнота и невежество.

Персонажи врачей мы встречаем и в других произведениях Вересаева, но они большей частью появляются в них эпизодически, писатель говорит о них лишь вскользь.

Доктор Ликонский («Без дороги») до старости сохранил глубокий интерес не только к врачеванию, но и к медицинской науке — все свободное время он проводит в своей лаборатории. В повести «На повороте» упоминаются врач Рассудин и врач-народник Голицынский.

Вот доктор Чубаров («Без дороги»), которого толпа избила до полусмерти за то, что он якобы отравил старуху. В рассказе «Поветрие» Вересаев показывает в споре с марксистами врача народнического толка — Троицкого. Одним из персонажей повести «К жизни» является врач-большевик Розанов.

Образ земского врача выведен Вересаевым в рассказе «Проездом». Из скрупульно оброненных фраз этого врача во время семейной ссоры видно, как тяжело ему живется. Изо дня в день прием большого количества пациентов: до обеда их бывает у него до 100 человек, а вечером — вновь разъезды по больным. Некогда подумать о себе, о семье.

О таких же тяжелых буднях рассказывает и доктор Петров («Записки врача»).

В романе «В тупике» одним из центральных героев является старый земский врач Иван Ильич Сартанов.

В 1918 г. Вересаев написал драму для чтения, озаглавленную «В священном лесу»¹. Действующие лица драмы — преимущественно медицинские работники, место действия — больница. В этой пьесе Вересаев сделал попытку отразить широко обсуждавшуюся в те годы проблему свободы любви и чувства.

Центральный герой пьесы — талантливый, любящий свое дело врач Котин-Ярцев. По его мнению, можно одновременно любить одну женщину любовью мужа, другую — более чувственною, преходящую любовью, которая отнюдь не отрицает и не убивает первую. Котин-Ярцев так и поступает в своей личной жизни: любит жену и одновременно сходится с медицинской сестрой Лизой. Вересаев отрицает эту гнилую «философию». Финал пьесы: жизнь жены разбита, Лиза кончает самоубийством, сам Котин-Ярцев в тупике.

В этой драме Вересаева для нас представляют интерес не только философские и психологические концепции ее героев, но и зарисовки деятельности врачей.

В больницу поступила больная с ранением сердца. На эту в те годы чрезвычайно серьезную операцию отважился один лишь Котин-Ярцев; провел он ее с блеском, вызвав восхищение одних и зависть и злобу других — врачей-рутинеров.

¹ Драма не опубликована.

Старому ординатору Беневоленскому, например, даже смешно, когда говорят, что врач в силах поддержать деятельность сердца.

« — Поддержать сердце!.. — говорит он с возмущением и иронией. — Ну, скажите, пожалуйста, что это значит, — поддержать сердце? Поддержать луну на небе! Как можно поддержать сердце?

Беневоленский боится нового, ему чуждо и новаторство в медицине. Он и циник. На вопрос: как он поступит, когда его позовут к умирающему, он говорит:

— Для гонорария? Буду ему запускать под кожу камфору, эфир, буду совать в рот трубку с кислородом...

Но как врач, я должен сказать окружающим: „Милостивые государи мои! Медицина может только помогать природе, а не бороться с нею. Человек умирает, — пройдем и не будем ему мешать при этом священном, величайшем в мире таинстве“».

В своей драме «В священном лесу» Вересаев показал два типа врачей — молодых дерзновенных новаторов и врачей — выразителей косных взглядов.

* * *

Думается, что не случайно у Чехова и Вересаева выразителями их сокровенных дум и чаяний являются по преимуществу врачи. С большой теплотой говорит доктор Астров («Дядя Ваня») о красоте русской природы, о радостной, счастливой жизни на земле, ожидающей человечество, о необходимости трудиться во имя этой жизни.

Это мысли и настроения Антона Павловича Чехова.

Быть скромным, душевно чистым, беззаветно преданным своему долгу, науке, медицине. Эти благородные черты доктора Осипа Дымова («Попрыгунья»), мы это знаем, отражают взгляды и настроения Чехова.

Немало своих, выношенных мыслей отразил Чехов и в раздумьях доктора Королева («Случай из практики») о социальном неустройстве современного ему общества и в его примечательной ночной беседе со своей пациенткой, и в предчувствии, охватившем доктора, когда он ранним воскресным утром покидал фабрику, что хорошая, светлая жизнь очень близка...

Чаяния и настроения чеховских героев окрашены мягким лиризмом, неясной мечтой о лучшей, светлой жизни,

которая будет, обязательно будет на земле. Но ни Чехов, ни его герои не знали, какими силами и средствами эта новая жизнь будет завоевана.

Персонажи Вересаева знают, что труден путь к новому обществу. Доктор Розанов («К жизни») знает, что к этому обществу лежит путь жесткой борьбы; он, профессионал-революционер, знает, какая судьба уготована ему и его товарищам по борьбе, и все же самым близким и родным для себя делом считает судьбы и интересы революции.

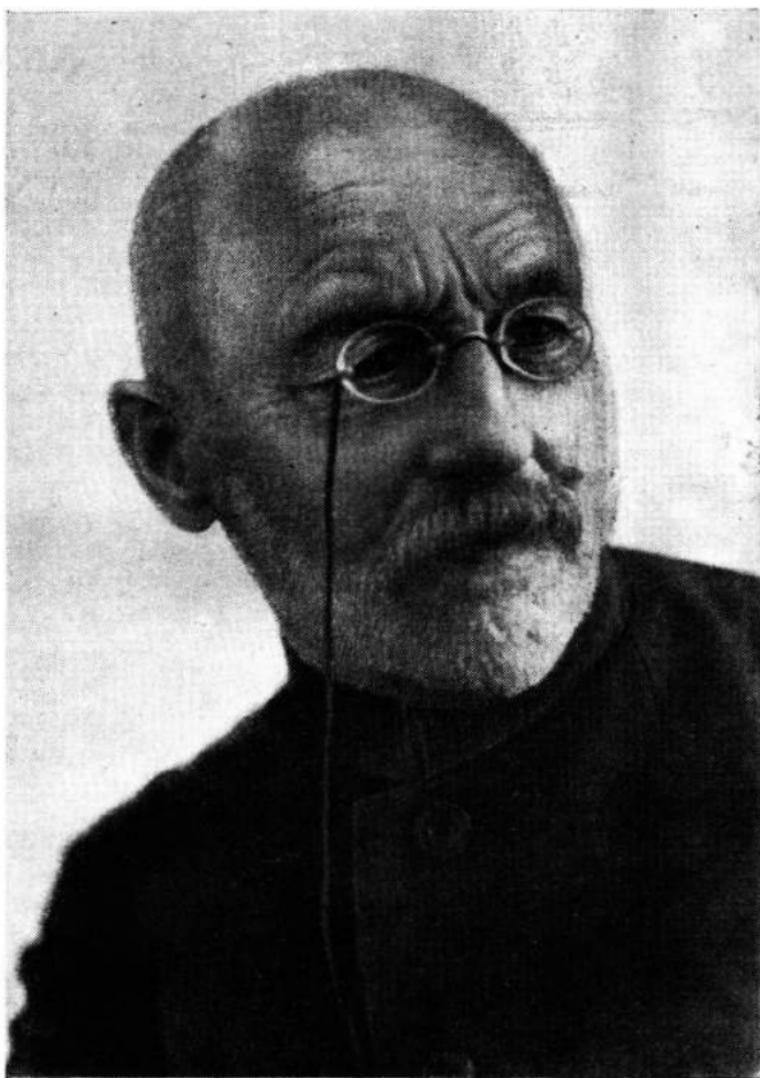
Выразителем взглядов и настроений писателя является доктор, от лица которого ведутся «Записки врача».

Вспомним описание раннего утра в заключительной части «Записок», и переживания доктора, который подъезжал к своему пациенту, жившему в пригороде Петербурга. Капиталистический город встал перед ним в образе высоких, друг друга теснящих зданий. И доктор с ужасом думал, какое это злое чудовище — капитализм, его ничем не разжалобишь и вырвать у него какие-то права можно только в жестокой борьбе. Трудно, очень трудно живется земским врачам, думал он, и единственный выход для них он видел в объединении в свою корпорацию...

Пациентом врача оказался литейщик по меди. Скупо рассказывает Вересаев о жизни этого рабочего, который в 30 лет уже стоял у порога могилы. Но за скупо набросанными штрихами чувствуется большая печаль писателя, который видит трагические условия жизни рабочих в капиталистическом обществе: 30—32 года — ведь это была средняя продолжительность жизни рабочих в царской России!

В маленькой комнате доктор увидел бледного человека в синей блузке с расстегнутым воротом. Русые усы и бородка его были в крови; около него на полу стоял большой глиняный таз, наполненный алою водою, в которой плавали черные сгустки крови. Около больного молодая женщина колола кухонным ножом лед и плакала.

«Я вам скажу, господин доктор, — говорила она всхлипывая, — ведь он никак не себя не жалеет, как жил-то? Придет с работы, сейчас за книги, всю ночь сидит, или по делам бегает... Ведь на одного человека ему силы отпущены, не на двух!».

B. B. Вересаев.

Перед взором писателя предстала маленькая, убогая комната. Но как много увидел здесь доктор такого, что говорило о новых запросах хозяина!

С теплым чувством отмечает писатель груду газет и книг на комоде и швейной машине. На корешках этих книг он прочел дорогие, близкие имена. И читателю становится понятным, какие книги читал литейщик ночи напролет, по каким делам бегал он в свободные минуты.

Так отчетливо вырисовывается образ передового рабочего, радикализм и политические симпатии самого автора.

Трагически выглядит внешне описанный Вересаевым случай с больным литейщиком. Но, закрыв последнюю страницу «Записок врача», веришь, что близко время, когда будет положен конец хищнической растрате жизни и здоровья рабочих.

Закрывая последнюю страницу этой книги, понимаешь и другое: и герой этого произведения, и сам автор книги знают, какими средствами и силами будет завоевана лучшая жизнь на земле. Встреча с передовым пролетарием показывает, что писатель видел в рабочем классе нарождающуюся силу, которая поведет страну на борьбу за справедливую жизнь.

Бодрое, жизнеутверждающее настроение вкладывает Вересаев и в описание природы. Доктор покинул своего пациента. Было светло. «Туман поднялся с земли и влажными, серыми клубами полз по небу, в просветах виднелось чистое небо, освещенное солнцем».

Этот рассвет и ясное небо, освещенное солнцем, гармонически сливались с новыми, большими, светлыми чувствами, охватившими доктора. И каким мелким показалось ему теперь настроение, которое владело им, когда он ехал к больному! В самом деле, — думал он теперь, — разве может вывести врачей из тяжелого положения, в котором они находятся, объединение в свою корпорацию? Нет, выход в объединении всех трудящихся для борьбы со старым обществом. Доктор понял, что врачи «лишь небольшая часть громадного неразъединенного целого, что лишь исключительно в судьбе и успехах этого целого мы можем видеть и личную судьбу, и успех».

Не случайно переносит Вересаев своего героя в квартиру пролетария в конце своих замечательных «Записок врача»: передовой писатель подчеркивает этим, что участ-

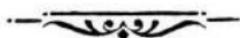

В этом доме в 1921-1945 годах
жил и работал писатель
ВИКЕНТИЙ ВИКЕНТЬЕВИЧ
БЕРЕСАЕВ
/СМИДОВИЧ/

Мемориальная доска в Шубинском переулке в Москве.

ником грядущих битв за переустройство мира на началах социальной справедливости будет рабочий класс и что только в объединении сил всех трудящихся — залог успеха в этой борьбе.

Этот вывод свидетельствует о симпатиях писателя нараставшему революционному движению в годы кануна первой русской революции.

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. В. ВЕРЕСАЕВА

- 1867 г. (16 января)   В городе Тула родился В. В. Смидович (Вересаев).
- 1875 г.   Вересаев поступил в приготовительный класс Тульской гимназии.
- 1884 г.   Вересаев окончил Тульскую гимназию. Поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета.
- 1885 г.   В журнале «Модный свет» напечатано первое стихотворение «Раздумье» под псевдонимом В. Викентьев.
- 1888 г. (май).   Окончил Петербургский университет со степенью кандидата исторических наук.
- 1888 г.   Поступил на медицинский факультет Дерптского университета.
- 1892 г.   Работал на холерной эпидемии в Екатеринославской губернии, где недалеко от Юзовки на каменноугольном руднике заведовал холерным бараком.
- 1893 г.   В журнале «Медицина» (Дерпт) опубликованы две статьи Смидовича: «К упрощению количественного определения мочевой кислоты по Гайкрафту» и «К вопросу о влиянии воды Вильдунген на обмен веществ».
- 1894 г.   Окончил в Дерпте университет и получил диплом врача.
- 1894 г.   Поступил сверхштатным ординатором в баражную больницу имени С. П. Боткина в Петербурге.
- 1894 г. (27 ноября)   Умер отец писателя — доктор Викентий Игнатьевич Смидович, заразившись от больного сыпным тифом.

1895 г.	В «Русском богатстве» напечатана повесть «Без дороги»
1897 г.	Женился на своей троюродной сестре — Марии Гермогеновне Смидович.
1901 г.	В журнале «Мир божий» начали публиковаться «Записки врача».
1901 г.	По распоряжению петербургского градоначальника Клейгельса уволен из барачной больницы. Постановлением министра внутренних дел Вересаеву запрещено в течение двух лет проживание в Москве и Петербурге.
1901—1903 гг.	Проживал под негласным надзором полиции в Туле.
1902 г.	Ездил за границу (Германия, Италия, Швейцария, Франция).
1903 г. (август)	Переехал на жительство в Москву.
1904 г. (июнь)	По мобилизации назначен младшим ординатором 38-го полкового госпиталя при 72-й дивизии Сибирского полка и в августе направлен на Дальний Восток.
1906 г. (начало января)	Возвратился с войны, поселился в Москве.
1906—1908 гг.	Сотрудничал в сборниках «Знание».
1907 г. (апрель—май)	Ездил за границу (Австрия, Италия).
1909—1910 гг.	Жил в Египте, в Гелуане около Каира. На обратном пути на родину заезжал в Грецию.
1911—1918 гг.	Возглавлял «Книгоиздательство писателей в Москве». Редактировал в издательстве сборник «Слово».
1912 г. (22 января)	Умерла мать писателя — Елизавета Павловна Смидович.
1913 г.	Издательством А. Ф. Маркса выпущено полное собрание сочинений в 4 томах (приложение к «Ниве»).
1914—1917 гг.	По мобилизации заведовал военно-санитарным дезинфекционным отрядом Московского железнодорожного узла.
1917 г. (апрель—сентябрь)	Председатель художественно-просветительной комиссии при Совете рабочих депутатов Москвы.
1918 г.	Уехал в Крым, в Коктебель, где прожил 3 года.
1919 г.	Член Коллегии Народного образования в Феодосии
1921 г. (октябрь)	Возвратился в Москву.

- 1929 г. Издано собрание сочинений В. В. Вересаева в 12 томах («Недра»).
- 1937 г. За многолетнюю творческую деятельность награжден орденом Трудового Красного Знамени.
- 1943 г. За выдающиеся достижения в области искусства и литературы присуждена Сталинская премия первой степени.
- 1945 г. (3 июля) В возрасте 78 лет скончался писатель В. В. Вересаев.
- 1948 г. Издано собрание сочинений В. В. Вересаева в 4 томах. М., Гослитиздат.
- 1956 г. В Шубинском переулке (Москва) установлена мемориальная доска с надписью: «В этом доме в 1921—1945 годах жил и работал В. В. Вересаев (Смидович)».
-

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Госполитиздат, М., 1949, стр. 35.
- В. И. Ленин. Письма к родным. 1894—1919. Гиз, М., 1931, стр. 280—281.
- В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Сочинения. Изд. 4-е, т. 3, стр. 233—234.
- В. И. Ленин. Падение Порт-Артура. Сочинения. Изд. 4-е, т. 8, стр. 34.
- В. И. Ленин. Первые уроки Сочинения. Изд. 4-е, т. 8, стр. 119.
- В. И. Ленин. Пророческие слова. Сочинения. Изд. 4-е, т. 27, стр. 458—459.
- В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Сочинения. Изд. 4-е, т. 31, стр. 11.
- Вересаев В. В. Сочинения в 12 томах. Изд. «Недра», М., 1929.
- Вересаев В. В. Сочинения в 4 томах под ред. К. Н. Ломунова, С. М. Петрова и К. А. Федина. Вступительная статья А. С. Мясникова. Комментарии В. М. Нольде. Гослитиздат, М., 1948.
- Барсуков М. И. Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения. М., 1956, стр. 94.
- Белоозерский С. Вересаев перед судом московской науки. СПБ, 1904.
- Биншток В. И. По поводу «Записок врача». СПБ, 1902.
- Боцяновский В. Критико-биографический этюд. Изд. Товарищества литературы и науки. СПБ, 1904.
- Богданович А. Б. Критические заметки. Мир божий, 1898, № 12.
- Он же. Критические заметки. Мир божий, 1902, № 1, стр. 6.
- Он же. Критические заметки. Мир божий, 1904, № 4.
- Венгеров С. А. Очевидцы по истории русской литературы. Изд. 1-е. СПБ, 1907, стр. 158.
- Вржесек С. Жизнь и творчество Вересаева. Изд. Прибой. Л., 1930.
- Галерея русских писателей. М., 1901, стр. 540.
- Герцен П. А. Наболевшие мысли о хирургии. Вестник современной медицины, 1927, № 8, 9.
- Гольстфон В. Возражения и впечатления старого врача. Перевод А. Гирша. Рига, 1954.
- Горький А. М. Супруги Орловы. Сочинения. Т. III. М., 1930, стр. 22.
- Он же. Сочинения. Т. 28. М., 1954, стр. 128, 129, 232, 316, 317, 406.

- Городченко К. М. За и против «Записок врача» (для профессиональной публики). СПБ, 1902.
- Громов П. Утраты. Звезда, 1945, № 7.
- Гроссман Л. П. Чехов о подвиге русского врача. Советское здравоохранение, 1954, № 4, стр. 7—10.
- Дерман А. Неутомимый искатель. Памяти В. В. Вересаева. Новый мир, 1945, 5—6.
- Он же. Путь писателя-общественника. Огонек, 1949, № 3.
- Жбанков Д. О врачах. По поводу «Записок врача». Мир божий, 1902, № 7, 8, 9.
- Исполатов Н. Н. Мысли старого врача по поводу «Записок врача». Новороссийск, 1902.
- Колтоновская Е. Писатель-интеллигент. Русская мысль, 1910, № 6.
- Короленко В. Г. Очерки «В холерный год». Сочинения. Т. III. Изд-во Маркса, 1914, стр. 414.
- Кранцхельд В. История русской литературы XIX века. Под ред. Овсянико-Куликовского. Т. V, 1910.
- Кюльц Л. Ответ на «Записки врача» В. Вересаева. Перевод с немецкого А. М. М., 1902.
- Лесков Н. С. Импровизаторы. М., 1954, стр. 380.
- Львов В. (Рогачевский). Девяностые годы и творчество Вересаева. СПБ, 1906.
- Луначарский А. В. Критические этюды. Л., 1925, стр. 21—25, 340—342.
- Манассеин В. А. Врач, 1901, № 2.
- Медведев Г. Врач-художник. Ответ на книгу Вересаева «Записки врача». СПБ, 1902. Отзыв «Нивы». Ежемесячное приложение, 1902.
- Мицкевич С. И. Записки врача-общественника. М., 1947, стр. 29, 57.
- Михайловский Н. К. Литература и жизнь. Кое-что о современной беллетристике. Русское богатство, 1899, № 1—2.
- Мороховец Л. «Записки врача» В. Вересаева в свете профессиональной критики (Труды кафедры истории и энциклопедии медицины Императорского московского университета, т. I, в. 2). М., 1903.
- Муравьев Н. В. «Записки врача» и медицинская наука. Публичная лекция. М., 1952.
- Мясников А. С. В. Вересаев, 1867—1945. Предисловие к четырехтомному изданию. М., 1948.
- Надсон С. Я. Стихотворения. СПБ, 1913, стр. 44.
- Некрасов А. Н. Поэма «Мать». Собрание сочинений. Т. II. М.—Л., 1930, стр. 588.
- Новиков И. Прощальное слово. Литературная газета, 1945, № 9, VI.
- Нольде В. М. Творчество В. В. Вересаева в дореволюционной России. Дисс. Государственная библиотека имени В. И. Ленина. М., 1948.
- Павлов И. П. Письмо горнякам. Собрание сочинений. Изд. Академии наук СССР, М., 1951, т. I, стр. 21.
- Pirogoff N. Annalen der chirurgischen Abteilung des clinicums der Kais. Universität, Dorpat. I. Jahrgang, Dorpat, 1837; II. Jahrgang, Dorpat, 1839.

- Поссе В. А. Пережитое и продуманное. Л., 1933, стр. 96.
- Салтыков-Щедрин М. Е. Письма к тетеньке. СПБ, 1882, стр. 96—97.
- Саркизов-Серазини И. М. Путь к здоровью, силе и долгой жизни. М., 1954, стр. 55.
- Семашко Н. А. Очерки по теории организации здравоохранения. М., 1947, стр. 44.
- Сикорский И. А. О книге В. Вересаева «Записки врача». Киев, 1902.
- Силенко А. Ф. Отражение идеиной борьбы 90—900-х годов в произведениях Вересаева. Канд. дисс. Государственная библиотека имени В. И. Ленина. М., 1948.
- Он же. Творчество В. В. Вересаева. М., 1954, стр. 17.
- Труды II съезда русских врачей в память Н. И. Пирогова. М., 1887 т. I, стр. 18—28.
- Фармаковский Н. В. Врачи и общество СПБ, 1902.
- Хейсин М. А. К вопросу о врачах. Красноярск, 1952.
- Шаумян С. Литературно-критические статьи. М., 1952, стр. 79.
- Шацева Р. М. Творческий путь В. В. Вересаева. Канд. дисс. Государственная библиотека имени В. И. Ленина. М., 1951.
- Чехов А. П. Случай из практики. Сочинения. Т. VIII. М., 1931, стр. 469, 470, 471.
- Шкляревский А. С. Книга Вересаева перед судом психологии. Киев, 1902, стр. 329.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Литературно-биографический очерк	
Вересаев и медицина	
За и против «Записок врача»	77
Вересаев-врач	89
Вересаев и проблемы здоровья	100
Вересаев и вопросы врачебной этики	113
Вересаев и земская медицина	123
Важнейшие даты жизни и деятельности В. В. Вересаева . .	141
Использованная литература	144

ГЕЛЗЕР ИСАИ МОНСЕЕВИЧ

В. В. Вересаев писатель-врач

*

Редактор А. А. Портнов

Техн. редактор А. И. Захарова

Корректор М. Х. Хабусева

Переплет художника Л. С. Эрмана

Сдано в набор 22/VII 1957 г. Подписано к
печати 27/XII 1957 г. Формат бумаги
84×108 1/32. 2,31 бум. л. 7,59 печ. л.+
0,10 печ. л. вкл. 7,00 уч.-изд. л.
Тираж 22000 экз. Т-11499. МН-53.

Медгиз, Москва, Петровка, 12.

Заказ № 3454

Ивановская областная типография
г. Иваново, Типографская, 6.

Цена 2 р. 15 к.   Переплет 2 р.

